

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ ОБЩАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА I ПОНЯТИЕ, ПРЕДМЕТ, СИСТЕМА И ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

§ 1. ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Исследование такого недостаточно разработанного в науке предмета как международное уголовное право должно начинаться с определения явлений, которые оно призвано регулировать и охранять, а также тех, с которыми призвано вести борьбу.

Понятие "преступление", как и понятие "уголовное право", имеет внутригосударственное происхождение. Им обозначаются наиболее тяжкие и опасные для общества противоправные деяния. Однако и в международном праве уже на ранних стадиях его развития встречается понятие "преступление". Договоры Древней Руси с Византией предусматривали ответственность за преступления, совершенные русскими в Византии и греками на Руси. Например, договор 911 г. предусматривал ответственность за такие злодеяния как убийство, грабеж, кража, умышленные побои и др.¹[1]

В данном случае понятие "преступление", встречающееся в источнике международного права, не отличается по существу от преступления по внутреннему уголовному праву. Государства договариваются об условиях уголовной ответственности подданных одного государства, совершивших преступления в другом государстве против его подданных или самого этого другого государства.

Позже появились уголовно наказуемые деяния, с которыми государствам трудно было вести борьбу в одиночку, — пиратство, работорговля, фальшивомонетничество, торговля наркотиками и др. Для преследования этих преступлений государства стали заключать договоры о сотрудничестве. И в этом случае деяния, в борьбе с которыми сотрудничали государства, по своему характеру мало чем отличались от соответствующих деяний, не выходящих за пределы одного государства. Однако то, что, например, преступники часто оказывались за рубежом, или преступная торговая операция совершалась за государственными границами, или подделывалась валюта не своего, а иностранного государства, т. е. что преступление задевало интересы не одного, а нескольких государств, имело трансграничный эффект, предопределяло необходимость международного сотрудничества.

В середине XX в. с развитием международного права, и особенно института ответственности, понятие "преступление" получило новый смысл. Отсутствие дифференцированного подхода к различным международным правонарушениям означало, что господствующей в международном праве была цивилистическая концепция ответственности, а единственным субъектом такой ответственности признавалось только государство. Все охранительные правоотношения, независимо от характера и социальной значимости объекта правонарушения, сводились к двусторонним правоотношениям, в ходе которых потерпевшее государство могло требовать возмещения, а государство-делинквент было обязано предоставить такое возмещение.

Развитие международного права в XX в., появление в нем новых принципов и норм, нарушение которых особенно опасно для сохранения международного правопорядка, поддержания мирных и дружественных отношений между государствами, вызвало

---

¹

необходимость выделения особой категории правонарушений *международных преступлений*.

Постепенно некоторые деяния самого государства стали определяться как преступные, нарушающие интересы не только какого-либо одного государства — непосредственной жертвы (например, агрессия), а ставящие под угрозу международный правопорядок в целом.

С позиции уголовного права ответственность наступала только для физических лиц, виновных в совершении конкретных преступлений, а государство (или его органы) объявлялось преступным.

Когда в международно-правовых документах встречается термин "преступление", то это может означать:

а) совершение физическими лицами уголовно наказуемых деяний, затрагивающих интересы нескольких государств, с которыми последние договариваются вести борьбу;

б) наиболее тяжкие правонарушения, совершение которых влечет определение государства как преступного (например, агрессия);

в) нарушение определенных международных стандартов в области защиты прав человека, которые государства должны соблюдать при разработке и применении норм своего внутреннего уголовного права (например, рекомендации об отмене или ограничении применения смертной казни).

К сфере международного уголовного права относятся также вопросы оказания государствами друг другу помощи по вопросам уголовного права и регулирования сферы действия уголовных законов различных государств, главным из которых является вопрос о выдаче преступников.

Следует различать преступления государств, с одной стороны, и преступления физических лиц - с другой. Это качественно разные, разноуровневые (хотя и в случае совершения международных преступлений взаимосвязанные) явления. Здесь различны не только субъекты преступления и объекты посягательства, но и способы, и формы ответственности.

Международное преступление государства складывается из преступных действий или бездействия физических лиц, чья ответственность — как по формам, так и по содержанию — соизмерима с уголовной ответственностью за другие преступления, совершаемые физическими лицами. Поэтому мы можем включить в понятие "международное уголовное право" и нормы, регулирующие борьбу с международными преступлениями физических лиц.

Однако эти преступления имеют довольно значительные отличительные черты по сравнению с преступлениями, совершаемыми индивидами не в качестве должностных лиц государства, а в качестве частных лиц, с которыми государства ведут совместную борьбу. Поэтому в нашей правовой литературе обычно проводится различие между международными преступлениями и преступлениями международного характера²[2]. Первые совершаются как государством, так и физическими лицами одновременно и

---

² См. также: [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15], [16], [17], [18], [19], [20], [21], [22], [23], [24], [25], [26], [27], [28], [29], [30], [31], [32], [33], [34], [35], [36], [37], [38], [39], [40], [41], [42], [43], [44], [45], [46], [47], [48], [49], [50], [51], [52], [53], [54], [55], [56], [57], [58], [59], [60], [61], [62], [63], [64], [65], [66], [67], [68], [69], [70], [71], [72], [73], [74], [75], [76], [77], [78], [79], [80], [81], [82], [83], [84], [85], [86], [87], [88], [89], [90], [91], [92], [93], [94], [95], [96], [97], [98], [99], [100].

нарушают международные обязательства, столь основополагающие для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что их нарушение рассматривается международным сообществом в целом как преступление (см. ст. 19 проекта Статей об ответственности государств, разрабатываемого в рамках Комиссии международного права ООН). Вторые совершаются только физическими лицами, и государства сотрудничают с целью борьбы с ними. Если государство нарушает свое договорное обязательство перед другими 38а

2. ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Международное уголовное право налагает на государства определенные обязанности. Можно считать, что оно содержит как общепризнанные принципы, так и принципы и нормы, содержащиеся в конкретных международных соглашениях.

К общепризнанным следует отнести принципы Устава и приговора Нюрнбергского трибунала, которые носят императивный характер. Г.И. Тункин, касаясь ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала, пишет: "Из трех категорий перечисленных там преступлений военные преступления и раньше предусматривались международным правом"³[1]. Преступления же против мира и человечности в течение длительного периода времени рассматривались лишь как нарушения нравственных норм. Однако уже после первой мировой войны они постепенно стали подпадать под действие международного права и были окончательно сформулированы как принципы в Уставе Нюрнбергского военного трибунала.

Генеральная Ассамблея ООН 11 декабря 1946 г. подтвердила принципы международного права, признанные статусом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в приговоре трибунала как общепризнанные.

Проблема кодификации принципов и норм международного уголовного права активно обсуждается в органах ООН начиная с 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН своей Резолюцией 177 (II) от 21 ноября 1947 г. поручила Комиссии международного права сформулировать принципы, взяв за основу положения, признанные Уставом МВТ в Нюрнберге и нашедшие выражение в его приговоре. Одновременно Комиссии было поручено подготовить проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. Эта работа еще не завершена.

В 1950 г. Комиссия международного права приняла и представила Генеральной Ассамблее ООН в качестве части доклада о работе своей сессии "Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала"⁴[2].

*Прежде всего следует отметить такой принцип международного уголовного права как **запрет агрессивной войны**. Его можно вывести из принципа запрета применения силы и угрозы силой в соответствии с положением Устава ООН (ст. 2 п. 4), а также из Определения агрессии, принятого Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 г.*

Ст. 2 Определения агрессии прямо говорит, что "применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава является *prima facie* свидетельством акта

агрессии" и никакие соображения, будь они политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии.

Ст. 3 Определения агрессии перечисляет действия, которые можно считать развивающими принципы запрета агрессивной войны и запрета захвата территории в ходе агрессии. Это вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она не носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия территории другого государства или части ее; бомбардировка вооруженными силами одного государства территории другого или применение государством любого оружия против территории другого; блокада портов или берегов одного государства вооруженными силами другого; нападение вооруженных сил государства на сухопутные, морские, воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства; применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения; действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим государством для совершения акта агрессии против третьего государства; засылка государством или от его имени вооруженных банд, групп и регулярных сил или политиков, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам.

Очень важен принцип неотвратимости наказания за совершение любого действия, которое по международному праву считается преступным.

Принципом международного уголовного права следует считать положение: *если государство не устанавливает наказания за действие, которое международным правом отнесено к категории преступлений против мира и человечества, то это не является обстоятельством, освобождающим виновное лицо от международной уголовной ответственности.*

Международное уголовное право предусматривает, что *должностное положение лица, совершившего международное преступление, не освобождает от личной ответственности.* Должностное положение лица в качестве главы государства или ответственного чиновника влечет повышенную уголовную ответственность в случае совершения действия, запрещенного международным уголовным правом.

В этом контексте в качестве примера следует привести Декларацию Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1981 г. "О предотвращении ядерной катастрофы", где, в частности, провозглашается, что "...государственным деятелям... которые совершают преступления против человечества... никогда не будет ни оправдания, ни прощения".

Принципом международного уголовного права следует считать и положение, согласно которому *исполнение лицом преступного приказа своего правительства или начальника не освобождает это лицо от ответственности, если сознательный выбор был фактически возможен.*

Поскольку в международном уголовном праве "переплетаются" материальные и процессуальные нормы, принципом международного уголовного права следует считать и положение: *каждое лицо, обвиненное в международном преступлении или преступлении*

международного характера, имеет право на справедливое рассмотрение своего дела в суде. Комиссия международного права в качестве принципа международного уголовного права сформулировала положение, гласящее, что преступления следует квалифицировать как международно-правовые.

Важнейший принцип международного уголовного права неприменение срока давности к военным преступникам.

К расширительному толкованию этого принципа следует подходить очень осторожно, ограничительно (однако в Германии он действует даже в отношении обычных убийц).

Выше отмечалось как бы сближение уголовно-правовых и процессуальных норм. В последнее время можно видеть раздельное формулирование процессуальных норм и их принципов. Наиболее общая основа этой группы норм — Всеобщая декларация прав человека 1948 г. Статьи 7 — 11 Декларации формулируют принципы уголовного судопроизводства по ряду преступлений. *К их числу следует отнести принципы осуществления правосудия только судом; гласность судебного разбирательства; равенство лиц перед уголовным законом и судом; право на защиту.*

Дальнейшее развитие эти принципы получили в Дополнительном протоколе (I) 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. о защите жертв войны. В ст. 75 п. 4 Протокола нашли закрепление принципы индивидуальности вины, назначения наказания на основе исследованных доказательств, учета смягчающих и отягчающих ответственность обстоятельств.

Устав Нюрнбергского Международного военного трибунала (МВТ) в ст. 1 — 5, 9 — 26, 29 устанавливает порядок выдачи военных преступников, предоставления их в распоряжение правосудия, сбора и исследования доказательств, принятия и исполнения приговора.

Несмотря на несовершенство отдельных положений международного уголовного права, следует сделать вывод о том, что международное уголовное право представляет собой определенную систему принципов и норм, которые осуществляются как на международном, так и на национальном уровнях.

3. ПРЕДМЕТ И СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Задача международного уголовного права — установление ответственности субъектов международного права и наказание лиц, виновных в совершении международных преступлений и преступлений международного характера, а также общеуголовных преступлений, нарушающих установленный международным сообществом и отдельными государствами правопорядок, как на основе международных соглашений, так и с помощью национальных правовых систем. Это, по сути, предмет данной отрасли права.

От предмета международного уголовного права следует отличать предмет науки международного уголовного права. Предмет науки это совокупность принципов и норм, регулирующих отношения между государствами в их общей деятельности по предотвращению и пресечению международных преступлений и преступлений международного характера.

Карпец полагает, что науку международного уголовного права следует признать самостоятельной отраслью, которая должна развиваться и совершенствоваться в целях защиты интересов всех народов от международных преступлений и преступлений международного характера⁵[1].

С этой точки зрения в предмет науки международного уголовного права следует включить учение о международных преступлениях и преступлениях международного характера, определенных преступлениях общеуголовного характера, учение о субъектах этих преступлений; проблемы ответственности; вопросы международной уголовной юстиции; проблемы имплементации международного уголовного права, имплементации международных договоров и соглашений на территориях государств. Международное уголовное право – отрасль международного права, и его осуществление проходит как на международном, так и на национальном уровнях в силу выполнения государствами своих международных обязательств.

Система международного уголовного права как отдельной отрасли международного права охватывает материальные и процессуальные принципы и нормы сотрудничества государств по предотвращению, расследованию и наказанию международных преступлений и преступлений международного характера. Эта система охватывает как принципы и нормы, зафиксированные в международных соглашениях, применяемых в условиях мира, так и принципы и нормы, зафиксированные в международных соглашениях, применяемых в условиях вооруженного конфликта.

В настоящем учебном пособии авторы придерживаются следующей системы:

1. Понятие международного уголовного права.
2. Принципы международного уголовного права.
3. Источники международного уголовного права.
4. Понятие международного преступления и его признаки.
5. Соучастие в международном преступлении.
6. Ответственность за международные преступления.
7. Преступления, составляющие особенную часть международного уголовного права (международные преступления и правонарушения международного характера).
8. Сотрудничество государств в области борьбы с преступностью.

4. ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

К настоящему времени в основном сложилась система источников международного уголовного права, прежде всего в виде специальных договоров, направленных на пресечение преступлений, а также конкретных статей в том или ином договоре, где прямо

предусматривается ответственность за международные преступления и преступления международного характера. Другой особенностью источников международного уголовного права является то, что здесь нет единого кодекса.

Международный договор в настоящее время — основной источник международного уголовного права. Все особенности международного договора, характерные для международно-правового регулирования в целом, характерны и для международного договора в области международного уголовного права[1].

Условно эти международные договоры можно разбить на две части: международные договоры, действие которых предусматривается как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов; международные договоры, действующие только в период вооруженных конфликтов.

Примеры первой группы договоров – Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 г., Устав Нюрнбергского трибунала 1945 г., пример второй — Женевские конвенции 1949 г. о защите жертв войны.

В ряде международных соглашений есть статьи, относящиеся к международному уголовному праву, действие которых имеет место как в мирное время, так и в период вооруженных конфликтов. В качестве примера можно привести Всемирную почтовую конвенцию, Конвенцию о физической защите ядерного материала, Международную конвенцию по морскому праву 1982 г., где есть статья о сотрудничестве государств по борьбе с пиратством.

К источникам международного уголовного права следует отнести и договоры, устанавливающие пределы осуществления уголовной юрисдикции в конкретных пространственных сферах, которые предусматривают ограничение этой юрисдикции по отношению к соответствующим категориям лиц.

Договорные источники международного уголовного права служат важным инструментом борьбы народов и государств по предотвращению международных преступлений, таких как подготовка к агрессивной войне, нарушение международного мира, т. е. действий государств и физических лиц, наносящих серьезный ущерб всему международному сообществу, и требуют привлечения к ответственности виновных лиц, несущих международную ответственность государств.

Например, в ст. 1 Международной конвенции о пресечении апартеида и наказании за него 1973 г. апартеид и сходные с ним политика и практика расовой сегрегации и дискриминации квалифицируются как серьезная угроза для международного мира и безопасности. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических представителей, квалифицирует действия против этих лиц как серьезную угрозу для нормальных отношений, необходимых при сотрудничестве между государствами. В современном международном праве сложилась система договорных норм, прямо обязывающих государства преследовать и наказывать преступников, совершающих международные преступления и преступления международного характера (в последнее время заключаются соглашения и о наказании преступников, совершающих общеуголовные преступления на

т38а

5. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Проблема соотношения международного и внутригосударственного права имеет принципиальное значение как с точки зрения укрепления международной законности, так и с точки зрения международного сотрудничества и решения многих внутригосударственных вопросов. В современных условиях все больше отношений, когда-то являвшиеся сугубо внутренними, становятся предметом международного сотрудничества и международно-правового регулирования. Концепция господства права предусматривает признание всеми государствами мира верховенства международного права. Фактически речь идет о приоритетном положении международного права в общей системе права.

Законы и Конституция Российской Федерации 1993 г. содержат положения о преимущественном действии международного договора в случае, если в нем установлены иные правила чем те, которые содержатся во внутреннем законодательстве.

В этих условиях проявляются две тенденции, которые необходимо учитывать при ответе на вопрос о природе соотношения международного и внутригосударственного уголовного права. Первая тенденция – это тесная взаимосвязь правовых норм, регулирующих одну и ту же область отношений, их взаимное влияние и проникновение, вторая тенденция — решение традиционных вопросов внутригосударственного права путем заключения международного, межгосударственного соглашения. Это характерно, например, для области внешней торговли. (На Гаагской конференции по международному частному праву 1954 г. была разработана, например, Конвенция 1995 г. о законе, применяемом к международной купле-продаже движимых материальных вещей.) В международном частном праве национальное право постепенно теряет свою главную роль при решении традиционных международных частноправовых вопросов, и в эту область вступает международный договор, выполнение которого может потребовать принятия тех или иных норм. Об этом можно говорить как о широкой тенденции, как о серьезном рычаге этих процессов.

Статья 15 п. 4 Конституции РФ 1993 г. говорит, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации – составная часть ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Решения судов многих стран говорят о прямом применении международных конвенций, например, в области экономических отношений, финансового права, транспорта и др.: решение Верховного суда Австрии от 14 января 1978 г. об определении претензий по контрактам по Женевской конвенции 1956 г. о международном провозе товаров по фортам; решение Верховного суда Венгрии (№ III.32.989/1974) о применении ст. 27 (1) Международной конвенции 1961 г. о провозе товаров по железной дороге; решение Верховного суда Японии от 9 апреля 1973 г. об определении ущерба в соответствии со ст. 3(6) и 3(3) Брюссельской конвенции 1924 г. о коносаменте; решение Апелляционного суда Канады от 23 декабря 1974 г. о значении и санкциях по ст. 3 (1), 3 (2), 3 (3) Варшавской конвенции 1929 г. о международных воздушных перевозках; решение суда Амстердама от 2 января 1974 г. о применении ст. 34 (2) Международной конвенции 1961 г. о провозе товаров по железной дороге; решение Федерального суда ФРГ от 13 октября 1975 г. о применении Женевской конвенции 1931 г. о чеках; решение Итальянского кассационного суда от 10 ноября 1973 г. о применении Нью-Йоркской конвенции 1958 г. о третейском

решении; решение палаты лордов (Великобритания) от 31 марта 1976 г. о рамках претензий, ущерба по ст. 1 (1) Брюссельской конвенции о судах.

Если мы обратимся к международному частному праву, то в современных условиях его понимание как национального все больше и больше уступает пониманию его как части, отдельной, особой подсистемы международного права, разумеется, при сохранении его специфики.

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе подчеркивает следующее требование: государства должны устанавливать законы и административные правила в соответствии со своими юридическими обязательствами по международному праву, учитывать и выполнять должным образом положения Заключительного акта.

Этот подход особенно важен, когда мы говорим о международном уголовном праве, которое не только служит важным орудием в борьбе с международными преступлениями и преступлениями международного характера, но и является важным элементом укрепления системы международной безопасности.

На состоявшемся в октябре 1987 г. симпозиуме "Повышение роли уголовного права в деле защиты мира и международной безопасности" чехословацкие юристы в докладе "Повышение роли уголовного права в деле защиты мира и международной безопасности" пишут о соотношении норм внутригосударственного и международного уголовного права: "Необходимую координацию и кооперацию между ними (нормами права. - *Р.К.*) обеспечивают правовые институты, регулируемые, с одной стороны, нормами внутригосударственного происхождения, с другой – нормами международных соглашений, которые, однако, в соответствии с конституционными предписаниями стали также составной частью внутреннего правового порядка".

Когда речь идет о соотношении международного и внутригосударственного права в определенной области (в частности, в борьбе с преступностью), то имплементация международного уголовного права, конкретных международных конвенций и соглашений может находить выражение в определенных национальных уголовных законах, особенно когда речь идет о санкции за международное преступление или преступление международного характера. Однако при всех обстоятельствах национальный закон не может противоречить международным соглашениям.

Проблема соотношения международного и внутригосударственного права, тенденции ее развития наиболее наглядно проявляются в изменении содержания и понимания международного частного права, которое из внутригосударственного (национального) превращается в международное, занимая там особое место подсистемы международного права. Ответить на этот вопрос особенно важно, так как в литературе и научных дискуссиях говорится о делении международного уголовного права на международное публичное уголовное право и международное частное уголовное право. Анализ правового материала и практики не позволяет сделать такой вывод. С нашей точки зрения, анализ основополагающих принципов современного международного частного права приводит к выводу об общих с международным публичным правом принципах тождественности и различия субъектов права и правоотношений с учетом специфики регулирования международным частным правом экономических отношений, отношений между физическими и юридическими лицами, между государством и юридическими лицами, между физическими лицами и государством.

В чем тождественность субъектов и различие международного публичного и международного частного права?

Прежде всего в том, что субъектами международного публичного права выступают государства и международные межгосударственные организации, зачастую в своем уставе содержащие положение о признании их в качестве юридического лица на территории государств, являющихся их членами. Вместе с тем мы констатируем участие в международном общении, регулируемом международными, межгосударственными соглашениями, юридических лиц разных государств, становление международного юридического лица как особого субъекта международного права, субъектов международного права – физических лиц, что придает особую специфику этой области международных отношений и заставляет выделить ее в особую подсистему международного права. В этом случае физические лица выступают как пользователи прав и носители обязанностей, как опосредованные создатели норм права.

Следует констатировать одновременно и тождественность, и различие источников международного публичного и международного частного права. Это прежде всего относится к межгосударственным соглашениям (договорам). Причем в международном частном праве их количество все время растет. Источником международного частного права являются и межгосударственные договоры (сделки), основанные, как правило, на международных договорах общего характера. Специфический источник международного частного права — договоры-сделки между государством и юридическим лицом иностранного государства, между юридическими лицами разных государств, что также заставляет выделять эту область международного общения в особую подсистему международного права. Это комплексная подсистема международного права; ее принципы и нормы, охватывающие область международных отношений и отношений внутри государства, выполняются действием международного права на территории государства.

В последнее время в международном частном праве как косвенный или вспомогательный источник права все чаще выступает национальный закон, занимая значительно больше места чем такой источник занимает в международном публичном праве.

В международном частном праве занимающие когда-то доминирующее положение коллизионные нормы (почему главным образом и говорилось о национальном международном частном праве) того или иного государства уступают место или унифицированным материальным нормам, или международным договорам и соглашениям, а сами национальные нормы становятся нормами, принятыми во исполнение международных договоров и соглашений по данному кругу вопросов.

Подчеркивая это, мы не считаем, что внутригосударственные нормы перестали играть особую роль или ими следует пренебрегать в международном частном праве. Однако в настоящей ситуации развития они все больше играют подчиненную роль в осуществлении международных договоров и соглашений.

Доктрину и практику разных государств по проблеме соотношения международного и внутригосударственного права можно в основном разделить на следующие группы: международное право (договоры) объявляется частью права страны и действует принцип *les posterior derogat priori*, т. е. преимущество отдается международному праву; международные договоры после вступления в силу акта ратификации или присоединения действуют на территории государства непосредственно после опубликования; международные договоры после вступления в силу акта ратификации или присоединения

действуют на территории государства только после издания специального закона, который повторяет договор (этот метод часто в литературе называют трансформацией)⁷[1].

При всех ситуациях обеспечение действия международного договора на территории государства — важный элемент действительности договора, неукоснительного соблюдения принципа *pacta sunt servanda*.

В современных условиях определяющая тенденция в практике государств — непосредственное действие международного соглашения в силу акта ратификации или присоединения после опубликования в официальном органе государства, и в этом случае положения договора имеют преимущественную силу перед внутригосударственным законом (см. ст. 15 п. 4 Конституции РФ 1993 г.).

Эта тенденция отражает объективную необходимость международного сотрудничества государств независимо от их социально-экономического строя, характер современного международного права, применяемого в пределах территорий государств-участников международного общения в конкретных социально-экономических условиях.

Становление и развитие международного уголовного права, с одной стороны, прямо испытывало на себе влияние национального, а с другой — международное уголовное право стало оказывать влияние на территории государства на внутригосударственное уголовное право (например, составы преступлений, предусмотренные в Уставе Нюрнбергского трибунала, преступление геноцида по Конвенции 1948 г.).

Если в качестве примера взять институт международной уголовной ответственности индивида, то надо отметить, что основа формирования этого института — идея о преступности и наказании за агрессивную войну. В период между двумя мировыми войнами эта идея оказала влияние на формирование принципа запрета агрессивной войны, квалификацию ее как международного преступления, оформление ответственности государства-агрессора и индивидуальной уголовной ответственности.

Московская декларация 1943 г. об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства, Лондонское соглашение о судебном преследовании и наказании главных нацистских военных преступников, приговоры международных трибуналов — вот перечень основных документов, где получила свое выражение международная уголовная ответственность индивидов.

Нельзя не говорить и о влиянии уже действующих международно-правовых документов на формирование этого института (Гаагская конвенция 1957 г., Версальский мирный договор 1919 г., Вашингтонский договор 1922 г., Декларация об агрессивных войнах 1927 г.). Однако исходным пунктом все же явилось национальное законодательство.

Мы можем также говорить о влиянии международных договоров на национальное уголовное право. В.И. Степаненко писал, что это влияние имеет место в форме трех основных правил:

а) установление и определение содержания признаков составов преступлений; б) определение и назначение наказания; в) определение сфер уголовной юрисдикции. Это воздействие осуществляется как непосредственно, так и опосредованно⁸[2].

---

⁸ Ibid.

Можно также говорить о расширении под влиянием международных договоров пределов уголовной юрисдикции Российского государства в отношении преступлений, имеющих международную опасность. При этом необходимо учитывать воздействие как специальных международно-правовых норм, определяющих уголовную юрисдикцию государства в отношении конкретных преступлений и устанавливающих признаки таких преступлений, так и другие нормы международных договоров, определяющие пределы уголовной юрисдикции государств в пространственных сферах.

Можно говорить о сужении в результате действия международных договоров пределов уголовной юрисдикции как в отношении иностранцев, так и в отношении собственных граждан в случае совершения ими преступлений за пределами территории своего государства.

Если говорить о первом направлении влияния, то речь идет о расширении под воздействием международных договоров видов объектов, охраняемых национальным уголовным правом. Договоры предусматривают установление во внутригосударственном праве ответственности за преступления, предметом которых являются материальные объекты иностранного государства или объекты, не принадлежащие какому-либо государству и находящиеся вне его пределов.

Договоры по борьбе с конкретными преступлениями часто возлагают обязанность предусмотреть во внутригосударственном праве наказания, имеющие высокую степень принуждения, или конкретные виды наказания. Договоры могут содержать положения, которые воздействуют на реализацию определенных видов наказания, предусмотренных в уголовном законе. Можно говорить и о влиянии договоров в отношении установления факта рецидива.

В международных договорах могут устанавливаться пределы национальной и уголовной юрисдикции над определенными категориями субъектов.

Под влиянием международных договоров по предотвращению и пресечению преступлений, имеющих международную опасность, как правило, расширяется круг уголовно наказуемых явлений. Нормы уголовного права, которые регламентируют ответственность за преступления с иностранным элементом, под влиянием договоров большей частью сужают круг уголовно наказуемых деяний. В последнем случае можно выделить следующие международные договоры: 1) предусматривающие ограничение условной юрисдикции в отношении лиц, исполняющих свои функции в сфере международных отношений; 2) определяющие особый правовой статус отдельных частей территории государства; 3) регламентирующие сотрудничество государств по правовым вопросам.

Анализ влияния международных договоров в области международного уголовного права на внутригосударственное, прежде всего уголовное, право позволяет сделать вывод, что в случае противоречия нормы международного договора, вошедшего в законную силу, и нормы внутригосударственного закона на территории государства действует норма международного договора. Речь идет о выполнении обязательств по международному договору, что в области международного уголовного права означает неотвратимость ответственности и наказания за международные преступления и преступления международного характера.

На международном симпозиуме в Праге "Повышение роли уголовного права в деле защиты мира и международной безопасности" в октябре 1987 г. чехословацкие юристы высказали мнение, что национальный уголовный закон может сыграть важную роль в деле обеспечения мира и реализации всеобъемлющей системы международной безопасности. Они предложили ввести в Конституцию и Уголовный кодекс Чехословакии принципы и ряд составов преступлений, которые международное право рассматривает как международные преступления или преступления международного характера. К их числу они отнесли общие принципы международного права, формулирование уголовного наказания за международные преступления против мира и человечества, уголовное наказание за подготовку и развязывание агрессивной войны и др.

Вместе с тем внутригосударственное уголовное законодательство оказывает влияние на разработку и формирование международных договоров и соглашений по международному уголовному праву. Это влияние, во-первых, находит выражение в формировании правосознания представителей государств при разработке международного соглашения, в позиции государства на переговорах, использовании правовых категорий национального уголовного права при разработке тех или иных норм международного договора; во-вторых, международные суды, в том числе и арбитражные, и третейские, решают дела с применением норм внутригосударственного права в качестве юридических фактов как вспомогательного средства для определения действия международно-правовых норм, необходимых для вынесения решения по делу. В.В. Мицик писал, что это касается главным образом решений арбитража⁹[3]. Однако ничто не мешает и иному международному судебному учреждению, особенно если стороны договорились об этом при его создании, привлекать национальное право при доказывании положений решения. Международное уголовное право может также непосредственно санкционировать привлечение норм внутригосударственного уголовного права как применяемых при вынесении решений по определенным видам дел.

Анализ практики международных судебных учреждений, рассматривавших вопросы международного уголовного права, говорит о том, что в ходе процесса судам приходилось изучать национально-правовые акты в целях определения истинности показаний сторон или в целях исследования соответствия внутригосударственного права международному. Внутригосударственное право (уголовное) может служить доказательством того, насколько действия государств или их должностных лиц соответствуют нормам договорного или обычного международного права, в случае нарушения которых возникает международная ответственность.

В практике международных судебных учреждений не принимается во внимание ссылка на внутригосударственное законодательство в качестве основания отказа от выполнения взятых на себя международных обязательств. Международное сообщество исходит из ст. 27 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров, которая говорит, что государство не может ссылаться на положения своего права или пробелы в нем в качестве аргумента в оправдание нарушения своих обязательств по международному праву. В случае, если внутригосударственная норма противоречит международной, и государства, юридические и физические лица продолжают ее придерживаться, возникают международная ответственность государств, международная ответственность юридических и физических лиц.

Внутригосударственные суды применяют международные договоры, хотя практика ряда стран выдвигает определенные условия их применения, к числу которых относится

---

⁹ В.В. Мицик, "Международное уголовное право", с. 10.

опубликование договора согласно правилам внутригосударственного права, его соответствие общепризнанным принципам и нормам международного права, соблюдение государственными органами конституционных положений, точность и конкретность оформления международных договоров в целях их применения внутригосударственными судами и др.

Практика судов Великобритании подтверждает, что международные договоры как таковые не обязательны для английских судов. Общепризнанные принципы международного права провозглашены в Великобритании частью права страны, но действуют на ее территории, если инкорпорированы в национальное законодательство. По ряду дел суды в Великобритании прямо признавали международное право частью права страны, хотя "для того, чтобы международный договор стал частью права Англии, необходимо издание акта парламента"¹⁰[4]. Однако система судебных прецедентов позволяет сделать вывод о возможности применения международного права судами Великобритании.

В практике США все международные договоры делятся на самоисполняющиеся и несамоисполняющиеся. Суды США могут объявить договор несамоисполняющимся и затем отказаться от его применения.

Французская конституция провозглашает примат международных договоров, но законодатель сопровождал этот принцип многочисленными оговорками и ограничениями, используя которые суд может найти основание для неприменения или ненадлежащего применения положения международных договоров.

Суды Италии и ФРГ могут применять международные договоры в том случае, если они инкорпорированы в правовую систему этих государств.

В судебной практике развивающихся стран в основном находит отражение судебная практика их бывших метрополий. В арабской литературе подчеркивается положение о том, что судья применяет свой национальный закон, даже если он противоречит международно-правовой норме¹¹[5]. Однако в том случае, когда при этом нарушается право других государств, данное государство несет международно-правовую ответственность и обязано возместить ущерб.

В работах арабских юристов говорится о двух видах противоречий международных договоров и внутренних законов: скрытое (или подразумеваемое) и явное. В первом случае суды обязаны применять нормы международного договора, во втором – суды применяют главным образом национальные законы, если нет прямого предписания. В подавляющем большинстве конституции арабских стран общего правила о преимуществе международного договора не содержат.

Что касается России и других стран СНГ, то практика допускает применение национальными судами норм международных договоров после их ратификации и опубликования в официальном органе (см. ст. 15 п. 4 Конституции РФ 1993 г.).

Специально следует остановиться на вопросе применения обычной нормы международного права национальными судами¹²[6]. Ответ на этот вопрос следует искать

---

¹⁰ См. также: [4].

в положении о том, что государства в своих отношениях руководствуются принципами и нормами международных договоров и международных обычаев, т. е. речь идет об обязанности неукоснительно соблюдать международный обычай.

В судебной практике Великобритании применение международного обычая оговорено многими условиями (английские суды применяют те международно-правовые обычаи, которые признаются Великобританией; решения вышестоящих судов обязательны для нижестоящих даже в том случае, если они противоречат международному обычаю; статутное право имеет приоритет перед международным обычаем; право определять, является ли данная норма международным обычаем, принадлежит только английскому суду). По существу, преимущество в подавляющем большинстве случаев отдается внутригосударственному праву. Исключение составляют английские призовые суды (международное морское право), которые решают дела в соответствии с международным обычаем.

В практике США международный обычай может не признаваться, если против него выступают президент или конгресс. Конфликт обычной нормы международного права с актами конгресса разрешается путем применения принципа *lex posterior derogat priori*, что на практике приводит к применению норм внутригосударственного права¹³[7].

Во Франции для того чтобы международная обычная норма могла быть применена судами, она должна быть признана французским законодателем, административными или судебными органами. Без этого французские суды не применяют правила международного обычая, несмотря на то что многие судебные решения прямо провозглашают примат международного права над внутригосударственным. Однако в работах некоторых юристов утверждается, что "суды Франции не колеблясь применяют правила международного обычая"¹⁴[8], в то время как другие пишут, что во Франции "судьи не желают применять международное обычное право". Административные суды, например, в своих решениях отказываются ссылаться на международно-правовой обычай, хотя они в общем истолковывают французское право как налагающее те же обязательства, что и международное. Уголовные и гражданские суды поступают примерно так же. Ссылаться на "испытание" в таких делах довольно трудно, а то и невозможно.

В ряде стран (Италия, Ирландия, Израиль и др.) не признается обязательность международного обычая для внутригосударственных судов. Суды неоднократно высказывались на этот счет. Однако и в их судебной практике есть решения, где поддерживалась обязательность международного обычая. В деле *"Eute Nationale per la Ceulosa e per la carta v. Cartiera Italiana et al"* от 28 января 1957 г. кассационный суд, руководствуясь итальянским законом, отказался применить норму международного договора, сославшись на то, что "статья 10/1 Конституции закрепляет автоматическую инкорпорацию для международного обычного права, т. е. итальянский суд признает неинкорпорированный обычай в качестве внутригосударственного правового обычая"¹⁵[9].

Австралийская практика говорит, что "австралийские судебные решения показывают, что судьи считают международное обычное право непосредственно применяемым во внутригосударственной сфере"¹⁶[10], хотя в одном из дел, на которые ссылался Г.

_____

Александрович, мнения суд ей разошлись. Судья Дж. Джексон, в частности, сказал, что "международное право — один из источников внутригосударственного права Австралии", а судья Дж. Лэтем заявил, что "международное право не является частью права Австралии"¹⁷[11].

Все это говорит о противоречивости и доктрины, и практики западных стран по рассматриваемому вопросу, что подтверждается в работах почти всех юристов, изучающих эту проблему¹⁸[12].

В Конституции РФ 1993 г. прямо говорится, что "в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией". Конституция в одинаковой степени требует соблюдения договорных и обычных норм.

Кодекс торгового мореплавания Союза ССР в ст. 52 предоставлял капитану корабля право применять "правила международных морских обычаев с составлением соответствующего акта".

Статья 23 Консульского устава СССР прямо говорила, что консул обязан контролировать, "чтобы юридические лица и граждане пользовались в полном объеме всеми правами, предоставленными им... международными обычаями".

Таким образом, проблема соотношения международного уголовного и внутригосударственного права, хотя и стоит как бы ступенью ниже, чем проблема соотношения международного и внутригосударственного права в целом, имеет, однако, свои особенности.

ГЛАВА II ПОНЯТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ЕГО ПРИЗНАКИ

Долгое время в вопросах международно-правовой ответственности господствовали **цивилистические концепции**. Нормы международного права, касающиеся ответственности государств за международные правонарушения, предусматривали единый режим ответственности за любой деликт, независимо от характера, содержания и значения нарушенного обязательства. Эта ответственность сводилась к требованию возмещения ущерба, явившегося следствием правонарушения. Господство цивилистических теорий объяснялось прежде всего тем, что международное право не запрещало агрессивные войны и колониальное ограбление; эти явления были обычными, и международное право видело свою задачу лишь в том, чтобы регулировать их последствия.

Позднее в **юридической доктрине** и международной практике получила признание концепция, что среди многообразных международных деликтов существует категория международных преступлений, имеющих особую общественную опасность.

В российской дореволюционной литературе проблемой международных преступлений занимались Н.М. Коркунов, Ф. Мартене, Л.А. Камаровский, В.А. Ульяницкий. Они к числу международных преступлений относили несоблюдение трактатов, стремление одних государств к порабощению других и всемирному владычеству, нападение без объявления войны и без достаточного повода.

Уже в этот период обнаружилась принципиальная слабость подходов ряда ученых, пытающихся сформулировать понятие международного преступления. Исходя из представления о том, что государство за такие преступления не может нести уголовную ответственность, они возлагали всю ответственность на физических лиц. Одновременно, конечно, следует иметь в виду состояние международного права того времени, допускавшего войну в качестве средства национальной политики. Перечень международных преступлений сужался до группы деликтов, в которых ответственность физических лиц могла быть легко установлена.

Допущение в качестве субъектов ответственности исключительно физических лиц приводило к тому, что общие, довольно правильные определения международных преступлений выхолащивались и в качестве примеров или перечня таких преступлений приводились не правонарушения, действительно угрожающие международному миру и безопасности, а, скорее, преступления международного характера типа подделки денежных знаков.

После первой мировой войны в соответствии со ст. 227 Версальского договора союзные и объединившиеся державы предъявили Вильгельму II, бывшему императору Германии, "публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договора". Версальский договор предусматривал создание специального международного трибунала для осуществления правосудия над Вильгельмом II. Суд над германским императором, правда, не был проведен из-за отказа Голландии выдать его. Однако нас в данном случае интересует тот факт, что, предъявляя это обвинение, союзные державы определенно исходили из преступной роли императора в развязывании мировой войны 1914-1918 гг.

Немало изменений в концепцию международных преступлений внесли нормы, сформулированные после первой мировой войны. Это ограничение обращения к войне Статутом Лиги Наций и ее запрещение Парижским пактом 1928 г., Лондонские конвенции 1933 г. об определении понятия агрессии и ряд других актов.

В период Лиги Наций представителями некоторых государств выдвигались предложения определить агрессивную войну в качестве международного преступления. Устав Лиги предусматривал специальный вид ответственности за любое нарушение обязательства не прибегать к силе для разрешения споров, прежде чем не будут использованы мирные средства их урегулирования. Статьи 16 и 17 Устава предусматривали применение по отношению к агрессору санкций с общего согласия всех стран-членов.

В период между двумя мировыми войнами определенная часть юристов-международников выступала за принятие международного кодекса, где были бы перечислены наиболее серьезные нарушения международного права и установлены санкции за их нарушение. Санкции предусматривали наказания от денежного штрафа до оккупации территории и лишения страны независимости. Однако влияние этой концепции было ослаблено тем обстоятельством, что ее сторонники выступали поборниками теории уголовной ответственности государств. В тот период начинает получать признание мысль, что существуют два вида правонарушений: менее опасные, с точки зрения

международного сообщества, которые касаются в основном пострадавших государств, и более опасные, в предотвращение и пресечение которых международное сообщество должно внести свой вклад.

Одним из наиболее известных представителей данного направления был румынский юрист В. Пелла, который к наиболее опасным международным преступлениям государств относил агрессивную войну; военные, морские, воздушные, промышленные и экономические мобилизации, предпринимаемые с целью военных демонстраций; угрозу агрессивной войны; вмешательство одного государства во внутреннюю политическую борьбу или в осуществление суверенных полномочий другого; приготовление или допущение приготовлений на своей территории посягательств на безопасность другого государства, в частности, покровительство бандам, готовящимся к вторжению на территорию последнего; нарушение демилитаризованных зон. Подобные перечни международных преступлений давали и другие представители концепции уголовной ответственности государств К. Сальдана, Н. Политис.

Одновременно существовала тенденция считать международными преступлениями правонарушения международного характера, в отношении которых либо имеет место конфликт национальных юрисдикции, либо трудно установить территориальную юрисдикцию каких-то определенных государств. Международная конференция по унификации уголовного законодательства, проходившая в 1927 г. в Варшаве, к международным преступлениям отнесла следующие правонарушения: 1. Пиратство. 2. Подделка металлических денег и государственных ценных бумаг. 3. Торговля рабами. 4. Торговля женщинами и детьми. 5. Умышленное употребление всякого рода средств, способных породить общественную опасность. 6. Торговля наркотиками. 7. Торговля порнографической литературой. 8. Иные преступления, предусмотренные международными конвенциями, заключенными данным государством¹⁹[1]. Попытки создать подобные перечни преступлений международного характера предпринимались и на других конференциях.

Комиссия международного права, разрабатывая в 50 — 70-е годы проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, заняла иную позицию. Она не внесла в проект каких-либо положений о преступлениях международного характера, таких как пиратство, торговля опасными лекарственными веществами, торговля женщинами и детьми, рабовладение, подделка денежных знаков, повреждение подводных кабелей и т. д. Комиссия отнесла их к вопросам, касающимся коллизии разноместных законов и юрисдикционных конфликтов в международных уголовных делах²⁰[2]. Ни одно из таких "международных" преступлений не было упомянуто и в уставах Нюрнбергского и Токийского трибуналов.

Важнейшее значение для прогрессивного развития принципа международно-правовой ответственности государств имело принятие Устава ООН, который в соответствии с гл. VII уполномочивает Совет Безопасности давать рекомендации или принимать решения о принудительных действиях в отношении угрозы миру, актов агрессии или других нарушений мира²¹[3].

Доказательством необходимости классифицировать международные обязательства государств в зависимости от их значения для международного сообщества явилось

_____

признание, сначала в доктрине международного права, а затем и в договорных нормах, особой категории норм, называемых императивными. Статья 53 Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров признает императивной такую норму общего международного права, "которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер".

Значение признания существования императивных норм международного права состоит прежде всего в том, что из него вытекает запрещение нарушать эти нормы путем заключения договоров. К таким нормам стали относить правила поведения, имеющие особое значение для всего международного сообщества: основные принципы международного права, и прежде всего запрещение применения силы или угрозы силой; принципы, запрещающие преступления против мира и человечности, апартеид, геноцид, рабство.

Устав Нюрнбергского трибунала подразделяет международные преступления на преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности (ст. 6 Устава).

Именно эти преступления, направленные против мира и безопасности народов, являются международными в строгом значении этого термина.

Это находит отражение и в проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества.

Международные преступления подрывают международный мир и безопасность, "отрицают" принцип неприменения силы и принцип самоопределения народов.

Первостепенное значение в этом отношении имели разработка и принятие Генеральной Ассамблеей Определения агрессии (резолюция 3314/XXIX).

На базе международно-правовой практики и развития теоретических представлений постепенно стало формироваться общее понятие международного преступления.

В ст. 19 подготавливаемого Комиссией международного права проекта Статей об ответственности государств, справедливо рассматриваемой учеными в качестве ключевой статьи в процессе кодификации проблемы ответственности²²[4], сделана попытка такого общего определения. Комиссия указала, что "международно-правовое деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом, составляет *международное преступление*". Комиссия отнесла к числу международных преступлений агрессию, тяжкое нарушение обязательств, обеспечивающих право народов на самоопределение и на ликвидацию колониализма, действия, отрицающие запрет рабства, геноцид, апартеид, а также тяжкое нарушение обязательств по охране окружающей среды.

Комиссия среди международных преступлений не назвала военные преступления как таковые, и в том числе с применением оружия массового уничтожения. Правда, к

международным преступлениям Комиссия отнесла тяжкие нарушения международных обязательств, имеющих основополагающее значение для защиты окружающей среды. Такими деликтами в первую очередь являются нарушения законов и обычаев войны, особенно с применением новейших видов оружия, в том числе противоправное применение химического и бактериологического оружия. Таким образом, эта формулировка Комиссии в определенной степени затушевывает нарушения законов и обычаев войны, т. е. военные преступления, что вряд ли можно считать правильным.

Следует также отметить — и это признала сама Комиссия, — что перечень международных преступлений, данный в ст. 19 проекта Статей об ответственности государств, далеко не исчерпывающий. В принципе он мог бы быть расширен за счет включения в него некоторых военных преступлений и преступлений против человечности.

В целом ст. 19 правильно, по нашему мнению, определяет международные преступления как правонарушения, наносящие ущерб жизненно важным интересам международного сообщества, т. е. в первую очередь международному миру и безопасности.

Видные ученые-юристы профессора Ж. Аби-Сааб²³[5], Г. Гаджа²⁴[6], Б. Грефэт²⁵[7], одобряя в целом формулировку ст. 19 как правильно отражающую суть проблемы, подтверждают особое значение необходимости поддерживать международный мир и безопасность в контексте обязательств *erga omnes* согласно Уставу ООН.

Такое понимание, по существу, проходит через весь Устав ООН. Первостепенная задача ООН — "поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира".

Такое определение методологически важно, поскольку благодаря ему борьба с международными преступлениями попадает в сферу компетенции Совета Безопасности ООН, который несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и действует от имени всех членов организации (п. 1 ст. 24 Устава ООН).

Разграничительные признаки международных преступлений и преступлений международного характера — объекты посягательства, степень их общественной опасности.

Общественной опасности как признаку преступления уделяется большое внимание во внутреннем уголовном праве. Критерий общественной опасности не менее важен и применительно к международным преступлениям. Этот критерий превращается в один из специфических принципов института международно-правовой ответственности. В качестве такового он способствует выделению *международных преступлений* в особую категорию. Нормативные последствия его действия — изменение круга субъектов правоохранительных отношений, установление более строгой ответственности за совершение международных преступлений и режима международной уголовной ответственности физических лиц, виновных в подобных преступлениях. Весьма важным проявлением принципа социальной опасности действий физических лиц является также то, что порядок возложения ответственности за международные преступления может не соответствовать принципам и нормам, характерным для внутреннего уголовного права.

Ущерб от совершения международных преступлений, наносимый международному правопорядку, несоизмерим с ущербом от обычных правонарушений и имеет принципиально иной характер, связанный с сознательным и вызывающим нежеланием подчиняться предписаниям международного права, что делает правомерным применение в случае их совершения более тяжелых форм ответственности.

Преступления международного характера, как и международные преступления, наносят значительный ущерб международному правопорядку и в конечном счете касаются интересов всех или многих стран. Однако их опасность для всего международного сообщества значительно меньше, чем угроза международному миру и безопасности, являющаяся характерным элементом международных преступлений.

2. СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Субъекты международных преступлений – это государства, их органы, транснациональные корпорации, а также физические, частные или должностные лица, конкретно совершающие эти преступления.

В настоящее время общепризнано, что в связи с повышенной общественной опасностью международных преступлений субъектами претензий к делинквенту могут быть не только непосредственно пострадавшие государства, но и практически все участники международного общения, все международное сообщество — т. е. все государства и международные организации²⁶[1]. Как часто упоминается в правовой литературе, Международный суд ООН в своем решении от 6 февраля 1970 г. признал существование определенных обязательств *orga omnes*, в выполнении которых заинтересовано все международное сообщество. К ним относятся прежде всего обязательства, касающиеся поддержания мира и международной безопасности²⁷[2]. Поскольку эти правоотношения ответственности - международно-правовые, то такими субъектами, естественно, могут быть только субъекты международного права.

Один из основных принципов международного права — принцип суверенного равенства государств, а субъектами правоотношений, вытекающих из юридического факта международных преступлений, остаются именно государства-нарушители.

При правонарушениях непреступного характера значительные ограничения суверенитета таких государств — исключительное и временное явление, и эти государства остаются, в принципе, равноправными участниками международного общения. Они не утрачивают права на равенство, хотя на них должны быть возложены определенные обязанности по ликвидации вредных последствий международно-противоправного деяния²⁸[3].

Иначе обстоит дело с международными преступлениями. Совершившие их государства не могут претендовать на полное равенство в общении с другими. Ограничение суверенитета — основное юридическое следствие их преступного поведения. Это положение хорошо иллюстрирует на примере агрессии Ю.М. Рыбаков: "Вместо равноправной стороны в войне государство, развязавшее вооруженный конфликт, стало признаваться агрессором,

т. е. стороной, совершившей тягчайшее нарушение международного права, а государство, подвергнувшееся нападению, стало жертвой агрессии. Иными словами, по новому международному праву агрессор и жертва агрессии уже не находятся в равном положении"²⁹[4].

Авторы, продолжающие утверждать, что право на равенство принадлежит и государствам, совершившим международные преступления, по существу, исходят из наличия у них доброй воли, направленной на ликвидацию последствий их преступного поведения, что вряд ли является реалистичным.

В юридической литературе высказывается обоснованное мнение, что субъектами международных правонарушений могут быть и международные организации. Не исключено, что субъектом международного преступления могут быть военные союзы.

Большое теоретическое и практическое значение имеет вопрос об иных, чем государства, субъектах международных преступлений.

В ходе процессов над главными военными преступниками после второй мировой войны защита пыталась использовать доктрину государственного акта, исключаящую ответственность за международные преступления или преступления против человечества физических лиц — их исполнителей.

Отклонение этой доктрины и утверждение принципа индивидуальной ответственности за международные преступления важнейшие тезисы Нюрнбергского процесса³⁰[5]. В результате возникновения принципиально новой концепции международных преступлений институт международно-правовой ответственности сегодня значительно отличается от тех цивилистических воззрений, которые господствовали раньше.

Трибунал в Нюрнберге в своем приговоре подчеркнул, что "международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц, так же как и на государства"³¹[6]. Выраженная в этих положениях приговора точка зрения на правовое положение физических лиц по международному праву в настоящее время общепризнана.

До второй мировой войны концепция индивидуальной уголовной ответственности за международные преступления не получила развития, в частности, в связи с тем, что в документах периода Лиги Наций и пакте Бриана — Келлога речь шла лишь о международном преступлении — агрессии — как правонарушении государства.

Однако когда Нюрнбергский трибунал признал институт индивидуальной уголовной ответственности физических лиц, то судьи для подтверждения этого принципа ссылались именно на Парижский пакт 1928 г. и ряд документов, разработанных в период Лиги Наций, в которых речь шла о действиях суверенных государств и прямо не устанавливалась ответственность отдельных лиц.

Нет никакого сомнения в том, что для суда ответственность конкретных лиц была неотделима от международно-правовой ответственности германского государства. Это доказывает тот факт, что в приговоре сначала дается описание совершенных преступлений применительно к самой Германии, а лишь затем — к отдельным

---

²⁹ См. также: [4], с. 100.

обвиняемым. Суд, по существу, подтвердил тезис о том, что за совершение этих преступлений ответственность несут два типа субъектов, независимо от того, устанавливается ли это прямо в соответствующих источниках.

На этой точке зрения стоит большинство юристов. А. Даам, например, ссылаясь на Нюрнбергский приговор, указывает, что, хотя война явилась следствием государственной политики соответствующих государств, за конкретные составы преступлений осуждаются индивидуальные исполнители. О. Бакстер подчеркивает, что хотя эти преступления типично государственные, но они осуществлялись официальными органами, ответственность за которые не возникает исключительно для государства. Американский юрист Л. Саттон утверждает, что индивидуальная ответственность за такие преступления отнюдь не исключает коллективной. По мнению пуэрториканского юриста Н. Силвинга, для совершавшихся при национал-социализме преступлений характерно "сочетание индивидуального и государственного участия" в них.

Лаутерпахту принадлежит положение о том, что невозможно допустить, чтобы индивиды, объединившиеся в государства и поэтому в громадной степени усилившие свои возможности творить зло, могли пользоваться такой степенью иммунитета от уголовной ответственности и ее последствий, которой у них нет, когда они действуют сами по себе.

Как правильно отмечал А.И. Полтораки, "Нюрнбергский процесс показал, что все преступления, которые вменялись в вину официальным лицам... — это преступления самого государства и совершались они по его предписанию, ибо чудовищные преступления были возведены в Германии на уровень государственной политики"³²[7].

В Нюрнберге был не только развит принцип неотвратимости наказания за международные преступления в отношении физических лиц — субъектов международных преступлений, но и подтверждено, что этот принцип неотделим от международно-правовой ответственности самого государства. Можно сделать аналогичные выводы, проанализировав работу Токийского военного трибунала.

Во вступном комментарии к статьям об ответственности государств Комиссия международного права на своей двадцать восьмой сессии в 1976 г. отмечала: "Обязанность наказать персонально индивиды-органы, виновные в преступлении против мира, человечности и т. д., не является, по мнению Комиссии, формой международной ответственности государства, и такое наказание, разумеется, не исчерпывает международную ответственность государства за международно-противоправное деяние, которое, в связи с поведением его органов, присваивается ему в таких случаях. Наказание руководителей государственного аппарата, которые развязали агрессивную войну или осуществляли геноцид, не освобождает тем самым само государство от его собственной международной ответственности за такое деяние"³³[8].

В послевоенный период были приняты международно-правовые акты, в которых в отношении ряда преступлений прямо устанавливается как ответственность физических лиц, так и международно-правовая ответственность государств.

В конвенциях 1948 и 1973 гг. говорится о наказании физических лиц соответственно за преступления геноцида и апартеида, и в то же время Комиссия международного права

_____

приняла ст. 19 проекта Статей об ответственности государств, где эти преступления рассматриваются как деяния государств³⁴[9].

Хотя ни в Конвенции о геноциде, ни в Конвенции об апартеиде прямо не устанавливается международно-правовая ответственность государств за эти преступления, вопрос о ней встает уже на основе этих конвенций, поскольку по международному праву государству присваиваются акты действующих от имени государства лиц, государственных органов и других государственных механизмов (ст. 8, 5 и 7 Проекта статей об ответственности государств). При этом, по ст. 6, несущественным является положение органа в рамках государства³⁵[10].

Что касается агрессии, то при разработке ее определения многие страны выступали за развернутую характеристику правовых последствий агрессии, и прежде всего вопроса об ответственности за нее. В п. 5 советского проекта Определения агрессии (1969 г.) говорилось, что "вооруженная агрессия является международным преступлением против мира, влекущим за собой политическую* и материальную ответственность государств, а также уголовную ответственность виновных в этом преступлении лиц"³⁶[11].

Эта формулировка была поддержана целым рядом государств.

Из-за возражений некоторых государств положения такого рода в принятом определении не содержится, а в ст. 3, перечисляющей конкретные составы актов агрессии, говорится только о действиях государств. Однако ст. 5 устанавливает "международную ответственность" за агрессивную войну как преступление против мира, что, по нашему мнению, предполагает и индивидуальную ответственность за нее. Как отмечает Ю.М. Рыбаков, "общепризнанный в настоящее время в международном праве принцип международной уголовной ответственности индивидов за преступления против мира и человечества является важным и необходимым дополнением института международной ответственности государства за агрессию как тяжкое международное преступление"³⁷[12].

Вместе с тем имеются акты, относящиеся к запрещению таких преступлений как военные, посягательства на право народов на самоопределение, в которых либо делается ссылка на ответственность государств и не говорится об ответственности физических лиц (конвенции о разоружении), либо вообще прямо не определяется тип ответственности за правонарушения (Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам)³⁸[13]. Однако вряд ли на этом основании можно утверждать, что за совершение этих преступлений не возникает индивидуальной уголовной ответственности физических лиц.

Последнее подтверждение юридической значимости принципа международной уголовной ответственности физических лиц - универсальные по своей важности нормативные акты, такие как Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии; проект Устава Международного

_____

уголовного суда; проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, принятые на 46 сессии Комиссии международного права ООН в 1994 г.

Анализ международно-правовых документов позволяет сделать вывод о том, что субъекты международных преступлений, как и в случае других международных правонарушений, – это прежде всего государства³⁹[14], а также физические лица, выступающие от его имени и конкретно осуществляющие эти преступления (ст. 3, 5 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества).

Г.И. Тункин отмечал, что "в современном международном праве признается принцип индивидуальной ответственности (наряду с ответственностью государства) за преступления против мира, военные преступления против человечества"⁴⁰[15].

"Когда агрессивную войну, – указывал он, – и некоторые другие нарушения международного права называют преступлениями, то этим хотят лишь подчеркнуть в отношении государств особо опасный характер правонарушения. Что же касается физических лиц - конкретных исполнителей таких действий, то в современном праве речь идет действительно о международном преступлении и о вытекающей из этого уголовной ответственности"⁴¹[16].

В.И. Менжинский в своих работах показал, что международные преступления — это общественно опасные деликты, направленные против жизненных интересов миролюбивых народов⁴²[17]. Ответственность за них не ограничивается международно-правовой ответственностью государств. Субъектами международных преступлений наряду с государствами являются и физические лица, в отношении которых также возникает международная ответственность и которые изымаются из юрисдикционного суверенитета государства-правонарушителя⁴³[18].

По мнению Л.Н. Галенской, субъектами международных преступлений "могут быть как государства, так и отдельные органы государства, организации и даже физические лица"⁴⁴[19].

Вряд ли возможно назвать какое-либо международное преступление, международно-правовую ответственность за которое в рамках международного публичного права несет государство и за которое то же время нельзя было бы найти ответственных физических лиц, подлежащих уголовной ответственности.

В силу самого характера агрессии как типично государственного преступления идентичность составов на всех стадиях ее подготовки и развития, осуществляемых самим государством и соответствующими физическими лицами, связана с тем обстоятельством, что эти физические лица занимают ключевые посты в государственном аппарате и действуют при его посредстве.

Состав обычных военных преступлений определен в первую очередь в Гаагских и Женевских конвенциях. Осуществляющие их лица — субъекты преступлений и

ответственности за них в соответствии с положениями этих конвенций и аналогичных внутренних правовых актов. В случае попустительства таким действиям, поскольку эти лица входят, как правило, в состав вооруженных сил государства, субъектом этих актов и ответственности за них в силу принципа вменения становится само государство. В юридическом смысле составы преступлений, осуществленные физическими лицами и самими государствами, тоже идентичны.

Как подчеркивали А.И. Полтораки и Л.И. Савинский, опыт вооруженных конфликтов свидетельствует о том, что с каждой новой войной возрастает число нарушений, носящих именно государственно организованный характер⁴⁵[20]. Государство выступает в таких случаях субъектом военных преступлений с самого начала и несет ответственность за осуществление соответствующих составов преступлений.

Особенно это характерно для военных конфликтов с применением ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Для оружия массового уничтожения, с одной стороны, принципиально именно то, что его разработка, производство и применение осуществляются непосредственно государственным аппаратом. С другой стороны, хотя оно и обладает исключительной силой поражения, равнозначной усилиям целых войсковых соединений, применяющих обычные виды вооружения, принятие решений об агрессивном использовании оружия массового уничтожения сосредоточивается в руках ограниченного круга государственных и военных деятелей. Эти деятели выступают в качестве организаторов такого преступления. Легко могут быть установлены и конкретные исполнители, непосредственно совершающие такие преступления. Например, в случае ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, признанной в 1963 г. окружным судом Токио нарушением международного права (дело Шимода)⁴⁶[21], организаторами были президент США и высшие американские военачальники. Известны также имена военных летчиков, осуществивших эти бомбардировки. Юристы выступают за включение в соответствующие международно-правовые акты положений об индивидуальной уголовной ответственности за применение оружия массового уничтожения.

Подтверждение правильности этой точки зрения - принятие 9 декабря 1981 г. Генеральной Ассамблеей ООН декларации, в соответствии с которой "государства и государственные деятели, которые первыми прибегнут к использованию ядерного оружия, совершат тягчайшее преступление против человечества".

Государственно организованные преступления, по нашему мнению, – это и преступления против человечности, в первую очередь геноцид и апартеид.

Составы преступления апартеида таковы: убийства членов расовых групп, причинение им телесных повреждений; произвольные аресты; создание условий для расовых групп, рассчитанных на их физическое уничтожение; меры законодательного характера, препятствующие развитию этих групп и их участию в политической, социальной, экономической и культурной жизни.

Могут возникать ситуации, когда отдельные акты, например геноцида, осуществляются лицами или группами лиц, не действующими от имени государства. Такие акты, согласно международному праву, не должны в принципе рассматриваться как деяния государства. На этой же точке зрения стоит Л.Н. Галенская, которая считает, что субъектами геноцида

могут быть и физические лица — не органы государства⁴⁷[22]. Но, как показывает печальный опыт, за спиной исполнителей геноцида могут быть и государства либо их представители.

Подобное же положение, когда международные преступления совершаются лицами — не органами государства, может иметь место в отношении некоторых других составов. Тяжкое нарушение международных обязательств по обеспечению права народов на самоопределение в большинстве случаев Конкретно приобретает форму действий государств по подчинению народов иностранному игу и господству; военных действий или репрессивных мер, направленных против зависимых народов; попыток, направленных на частичный или полный подрыв национального единства и территориальной целостности стран; посягательств на право народов свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами.

В то же время имеются отдельные составы преступлений, которые могут совершаться как государством, так и физическими лицами, не выступающими от имени государства. К первому случаю относятся, например, акты разграбления культурных или исторических памятников. Широко известен такой состав преступления как наемничество. В определении наемников, данном в ст. 47 первого Дополнительного протокола к Женевским конвенциям 1977 г., в качестве специальной их черты указывается, что они не посланы государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лиц, входящих в состав его вооруженных сил.

Поскольку наемники не представляют собой, таким образом, органы самого государства, последнее, не совершая непосредственно преступления наемничества, в то же время несет международно-правовую ответственность, если на своей территории допускает организованную деятельность по вербовке, подготовке и отправке наемников.

Возникает вопрос, можно ли в данном случае одновременно сказать, что государство выступает субъектом преступления? По этому поводу существуют две различные точки зрения.

Сторонники одной из них утверждают, что в этом отношении институт ответственности имеет в международном праве особенности по сравнению с внутренним уголовным правом. В последнем действует непреложный принцип, что субъекты уголовной ответственности это физические вменяемые лица, достигшие определенного возраста, в случае совершения ими общественно опасных деяний. Юридические лица не могут быть привлечены к уголовной ответственности и не могут быть субъектами преступления⁴⁸[23].

Следовательно, во внутреннем уголовном праве субъект уголовной ответственности идентичен субъекту преступления, причем условие этой идентичности — факт совершения этим субъектом преступления.

Если рассмотреть с этой точки зрения положение в международном праве, то возникающие при международных преступлениях ситуации можно разделить на две категории.

---

⁴⁷ Ibid., с. 10.

⁴⁸ Ibid., с. 10.

В случае совершения международных преступлений органами государства, с точки зрения международного права, это преступное поведение — поведение самого государства. Поэтому можно сказать, что в таких ситуациях органы и само государство совершают одни и те же составы преступлений, являются их субъектами и возникающей вследствие этого международной ответственности.

Другое дело, когда преступные акты совершаются физическими лицами, а государство не принимает мер по их предотвращению или пресечению. И хотя оно должно безусловно нести международно-правовую ответственность за акты, нарушающие его международные обязательства, по мнению сторонников этой точки зрения, вряд ли можно утверждать, что оно совершило соответствующие составы преступлений и является субъектом этих преступлений. В данном случае субъектами преступлений, видимо, будут эти физические лица, а субъектами ответственности выступают как сами эти лица, так и государство.

Из отечественных юристов с этой точкой зрения согласен Ю.В. Петровский, который указывал, что "одна из интересных особенностей международно-правовой ответственности за такие деликты состоит в несовпадении субъектов правонарушения и субъектов ответственности"⁴⁹[24].

Нам представляется более убедительным подход к этому вопросу, соответствующий традиционной для внутреннего уголовного права точке зрения о том, что только субъект преступления может быть субъектом ответственности за него. В случае международных преступлений, носящих обширный и продолжительный характер, если даже они и совершаются физическими лицами, не имеющими формально отношения к государственному аппарату, сам факт их допущения последним или его органами свидетельствует фактически о соучастии государства в этих преступлениях. Соучастие же вменяется самому государству как его собственное поведение. Тем самым государство становится субъектом не только ответственности за совершенные международные преступления, но и субъектом самих этих преступлений. Однако вид ответственности за это для государства иной, чем для физических лиц.

3. ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Как и всякое преступление, рассматриваемое с точки зрения его структуры, международное преступление содержит объективные и субъективные элементы (признаки), имеющие, однако, большую специфику. Она определяется как масштабами преступлений этого вида, так и кругом участников и особенностями их поведения.

С объективной стороны международное преступление характеризуется несколькими признаками. Общепринято, что объективная сторона всякого преступления представляет собой процесс совершения общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы. Этот процесс рассматривается с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития во времени и пространстве цепочки событий, которая начинается с преступного действия (бездействия) и кончается наступлением вредных последствий. В общем случае можно выделить три главных компонента, из

которых складывается объективная сторона: общественно опасное действие (бездействие) субъекта; вредное последствие; причинная связь между ними. К этому следует добавить, что поскольку всякое преступление совершается в пространстве и времени, существенные характеристики его объективной стороны — это способ, место, время и обстановка совершения преступления⁵⁰[1].

Все эти компоненты и характеристики объективной стороны присущи и международному преступлению, но здесь они обладают существенными особенностями. Что касается преступного действия, то его специфика связана прежде всего с масштабами международных преступлений.

Международные преступления разнообразны. При этом, если некоторые преступления международного характера по способам их совершения могут мало отличаться от общеуголовных преступлений, совершаемых в рамках национального права (например, угон самолета или продажа наркотиков), то международные преступления в собственном смысле слова достигают глобальных масштабов и соответственно объективная их сторона представляет собой не одно действие и даже не серию действий одного лица (продолжаемое преступление), а сложную и разветвленную деятельность многих лиц и организаций, осуществляемую подчас на протяжении нескольких лет и даже десятилетий.

Понятие деятельности встречается и в национальном уголовном праве. Но в международном уголовном праве она гораздо сложнее, продолжительнее и масштабы ее значительно шире.

Характерным примером служат преступления против мира и человечества. Агрессия гитлеровской Германии против европейских государств, вылившаяся во вторую мировую войну, готовилась с 1933 г. — прихода нацистов к власти. В подготовку и осуществление агрессии были вовлечены десятки тысяч людей, весь государственный и партийный аппарат, включая зарубежные службы. А.Н. Трайнин справедливо отмечал, что "преступление против человечества складывается не из эпизодического действия (удар ножом, поджог и т. п.), а из системы действий, из определенного рода "деятельности" (подготовка агрессии, политика террора, преследование мирных граждан и т. п.)"⁵¹[2].

Под рассматриваемым углом зрения иначе выглядит применительно к международным преступлениям и такой признак как способ совершения преступления. Под способом понимаются определенный порядок, метод, последовательность приемов, применяемых лицом при совершении преступления. Но в сложной и разветвленной деятельности, образующей объективную сторону международного преступления, часто невозможно выделить какой-то один способ его совершения: различные участники этого преступления, в зависимости от их места и роли в механизме единой деятельности, используют различные методы и приемы, равно как и различные технические и иные средства, в своей совокупности приводящие к намеченным результатам.

Действия, входящие в объективную сторону международного преступления, могут совершаться в разное время и на разных территориях, иногда весьма отдаленных друг от друга. Продолжительность международного преступления должна исчисляться начиная с первого во времени преступного акта, входящего в состав рассматриваемого деяния, и оканчивая временем наступления преступных последствий (если они имели место) или прекращения действий при пресечении преступления. Что же касается места совершения

международного преступления, то оно должно определяться как местом совершения действий (бездействия), входящих в его состав, так и местом наступления преступных последствий. Например, агрессивная война планируется, как правило, на территории государства-агрессора, а последствия ее наступают на территориях государств, подвергшихся нападению. Все эти территории будут местом совершения данного преступления.

Международное преступление может быть совершено и путем *преступного бездействия*. Эта форма преступления обычно определяется как общественно опасный и противоправный акт поведения, состоящий в несовершении лицом того действия, которое оно должно было и мог по выполнить. Во многих международных преступлениях такое бездействие встречается в соединении с различными и преступными действиями. Главным образом это относится к поведению должностных лиц.

Международный военный трибунал для Дальнего Востока приговорил к смертной казни бывшего командующего японской армией в Китае генерала И. Мацуи за зверства, совершенные японскими войсками при захвате Нанкина в декабре 1937 г. (там было убито более 200 тыс. человек). Сам Мацуи в этом не участвовал и никаких распоряжений не давал. Но в приговоре указывалось, что Мацуи "обладал достаточной властью для того, чтобы установить контроль над своими войсками и защищать несчастных жителей Нанкина. Это был его долг. Он должен нести уголовную ответственность за то, что не выполнил этот долг"⁵²[3]. Такое же обвинение по этому эпизоду был^{38а}

4. СОУЧАСТИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

Понятие соучастия в международном преступлении вытекает из общего понятия соучастия, сложившегося в уголовно-правовой доктрине, законодательстве и практике многих стран. Обычно под соучастием понимается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. В основе ответственности за соучастие лежит единство двух признаков, которые ему присущи: во-первых, помощь (взаимопомощь) соучастников, т. е. содействие, которое каждый из них оказывает или может оказать другому при совершении преступления; во-вторых, умышленная вина соучастников, которая, в отличие от вины в индивидуальном преступлении, включает также сознание того факта, что субъект действует не один, а совместно с другими лицами, оказывает им содействие и (или) может рассчитывать на помощь с их стороны.

В доктрине уголовного права распространены различные классификации форм соучастия и видов соучастников. Для международного уголовного права наиболее приемлема следующая: а) простое соучастие (соисполнительство); б) сложное соучастие (с распределением ролей); в) преступная организация. Все эти формы встречаются в международных преступлениях.

Простое соучастие имеет место в случае, когда соучастники непосредственно выполняют действия, образующие объективную сторону данного состава преступления. Оно может встретиться в таких преступлениях международного характера как контрабанда, подделка денег и ценных бумаг, работоторговля, пиратство. Простое соучастие для международных преступлений не характерно: оно обычно свойственно лишь небольшому числу лиц,

договорившихся "работать" вместе⁵³[1], т. е. совершать преступления международного характера, в то время как международные преступления гораздо более сложны в подготовке и осуществлении.

Международным преступлениям гораздо более свойственно *соучастие с распределением ролей*. В этой форме соучастия выделяются исполнители, организаторы, подстрекатели, пособники, выполняющие свои функции порой без непосредственной связи друг с другом, в глубокой конспирации. Все они объединены между собой. Преступники, действующие в форме соучастия с распределением ролей, несут ответственность не за отдельные действия, которые совершены каждым из них непосредственно, но за всю преступную деятельность, в которой участвовали, включая совместное причинение преступного результата.

Это положение было прямо зафиксировано в Уставе Нюрнбергского трибунала, ст. 6 которого, в частности, гласит: "Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений⁵⁴[2], несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана"⁵⁵[3].

Юридическое значение принципа соучастия в аспекте международной уголовной ответственности индивидов получило свое подтверждение в принятом согласно резолюции Совета Безопасности от 25 мая 1993 г. Уставе Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии (ст. 7), в проекте Устава Международного уголовного суда и проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (ст. 3)⁵⁶[4].

Отмечая сложность подготовки и осуществления наиболее опасных международных преступлений, А.Н. Трайнин писал: «Такого рода "деятельность" по природе своей и по своим масштабам требует согласованной работы значительного числа лиц. Нужна сложная разветвленная и в то же время сплоченная деятельность многочисленных звеньев и лиц»⁵⁷[5]. В силу этого обстоятельства для самых тяжких международных преступлений характерна третья форма соучастия — *преступная организация*. Этот термин введен ст. 9 Устава Международного военного трибунала. Понятие и признаки преступной организации были достаточно четко сформулированы в речах обвинителей, а затем и в приговоре Нюрнбергского трибунала. Там отмечалось, что политическое руководство нацистской Германии, военно-политические фашистские организации СА и СС, имперский кабинет, военное командование – ОКБ и генеральный штаб, гестапо — были "собранием лиц, находящихся между собой в определенной связи, наличие которой можно установить в общей цели"⁵⁸[6]. Эти организации "были теми группами, на которые подсудимые опирались и с помощью которых они для осуществления своих преступных целей оперировали покорным немецким народом и побежденными народами Европы"⁵⁹[7]. Преступным организациям присущи относительная устойчивость их

структуры и длительность существования, хотя последние признаки не обязательны в юридическом смысле.

Преступные организации, деятельность которых рассматривалась Нюрнбергским трибуналом, охватывали сотни, тысячи, порой десятки тысяч людей, вовлеченных в них разными путями и методами, занимавших различное социальное и должностное положение, действовавших по разным мотивам и выполнявших самые различные функции. В работе международных военных трибуналов возникла необходимость, во-первых, выделить из этой массы людей тот круг субъектов, которые могли и должны были рассматриваться как активные участники международных преступлений, во-вторых, внутри этого круга дифференцировать функции и роли конкретных членов преступных организаций, определить степень вины и ответственность каждого из них.

Принципиальные основания для решения этих вопросов содержались в общей теории уголовного права различных стран. Речь идет о принципах дифференциации ответственности и индивидуализации^{38а}

ГЛАВА III ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Большинство общих принципов ответственности, существующих в правовой системе, применяются и в международном уголовном праве. Такие принципы — ответственность лишь за поведение, за деяния, а не за мысли, родственные или иные связи людей; ответственность только за вину; законность, справедливость, целесообразность, неотвратимость ответственности и ее индивидуализация^{60[1]}.

Основные требования законности состоят в том, что ответственность допустима лишь за запрещенное законом деяние и только в пределах закона, определяющего вид и пределы ответственности .

Во внутреннем уголовном праве эффективность этих принципов обеспечивается наличием уголовных кодексов, перечисляющих все возможные составы преступлений, причем в каждом отдельном случае определяются вид и мера наказания.

Функционирование принципа ответственности в международном уголовном праве имеет свои особенности. Во время Нюрнбергского процесса защита постаралась использовать вопрос о ретроактивности, т. е. об исключении обратной силы положений Устава Трибунала.

Некоторые юристы и позднее поддерживали тезис о неправомерности решений Трибунала. Но они, как правило, не единодушны в отношении того, к каким из преступлений, рассматривавшихся Трибуналом, это относится.

Трибунал в своем приговоре отметил, что ссылка на отсутствие в международном праве норм, запрещающих агрессивную войну, несостоятельна, поскольку пакт Бриана — Келлога провозгласил отказ от войны как инструмента национальной политики, что

сделало такую войну незаконной в соответствии с международным правом. "Те, кто планируют такую войну с ее неизбежными и ужасными последствиями, действуя таким образом, совершают преступление"⁶¹[2].

С рассматриваемой проблемой связан вопрос о *мере ответственности*. Если во внутреннем праве не только преступность, но и наказуемость какого-либо деяния устанавливаются законодателем (как правило, в рамках одной и той же нормы), то особенность международного уголовного права состоит в том, что правовые акты устанавливают преступность тех или иных деяний, оставляя открытым вопрос о конкретной санкции за их осуществление.

Посылка, что принцип "нет закона – нет ни преступления, ни наказания" не применяется в отношении международных преступлений и преступлений международного характера, неточна. Скорее можно говорить о том, что нормы международного права устанавливают преступность тех или иных деяний, а часто и состав преступлений, но указания о виде и мере наказания содержатся в национальном уголовном праве. Такое положение имеет важные юридические последствия. Одно из них — допустимость того, что конкретная мера наказания может быть определена либо национальными судами, либо международным трибуналом. Можно даже утверждать, что принцип "нет закона — нет наказания" действует и в международном праве с той лишь оговоркой, что конкретные виды и мера наказания могут устанавливаться национальным законом, в том числе и после совершения преступления.

Интересно проанализировать с этой точки зрения сформулированный Комиссией международного права второй нюрнбергский принцип. Он гласит: "То обстоятельство, что по внутреннему праву не установлено наказания за какое-то действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, не освобождает лицо, признаваемое согласно международному праву преступным, от ответственности по международному праву"⁶²[3].

Здесь как бы приравниваются две юридические категории, различные в пределах одной и той же системы права и совпадающие в разных системах, – уголовное наказание во внутреннем праве и признание действий преступными в международном. Можно говорить о том, что установление преступности определенных актов включает в себя, хотя в родовом виде, возможность наказания за них. Еще более важно то, что, с точки зрения Комиссии международного права, эти две категории юридически равнозначны и представляют собой основание ответственности за преступные действия.

Принцип отсутствия обратной силы закона имеет свои существенные особенности в международном праве. Эти особенности не сводятся к установлению конкретной санкции после совершения соответствующих актов. Если преступный характер таких деяний установлен международным правом, а сами они имеют тяжкий и массовый характер, то возможно и последующее уточнение объективной стороны преступления. Это имело место и в Нюрнберге, где Устав Международного военного трибунала с его конкретными формулировками был разработан после фактического совершения действий, задолго до этого признававшихся преступными .

Народно-революционный трибунал, заседавший в Пномпене в августе 1979 г., в своем приговоре Пол Поту и Иенг Сари признал их виновными в планировании и осуществлении геноцида по следующим пунктам:

- а) преднамеренное убийство невинных людей;
- б) насильственная эвакуация из городов и деревень;
- в) заключение людей в концентрационные лагеря и принуждение;
- г) запрещение вероисповедания и разрушение экономических и культурных структур, подрыв семейных и социальных отношений.

Трибунал признал, что преступление геноцида, совершенное этой кликой "и не имеющее прецедента в мировой истории является намного более тяжким, чем оно определено в Конвенции от 9 декабря 1948

2. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В теории международного права при анализе режима ответственности принято различать прежде всего виды и формы ответственности государств. Употребляемая юристами терминология еще недостаточно разработана в этом отношении, а кроме того, порой понятия видов и форм ответственности применяются недостаточно последовательно.

Обычно под видом ответственности понимается общее содержание последствий международного правонарушения, их юридический характер. Формы ответственности — это способы осуществления ответственности в пределах данного вида⁶³[1].

Критерии установления видов и форм ответственности государств — *характер и объем* ущерба, наносимого противоправным поведением государства.

Что касается материального ущерба, то противоправное поведение государства может нанести реальный материальный ущерб другим государствам и международным организациям, а также привести к упущенной выгоде, т. е. к потерям пострадавших государств и международных организаций, которых не было бы, если бы не противоправное поведение государства-делинквента⁶⁴[2]. К реальному ущербу, по нашему мнению, можно относить и ущерб, причиненный противоправным поведением имущественным интересам различных юридических и физических лиц.

Что касается нематериального ущерба, то он выражается в отрицательных последствиях противоправного поведения государства для международного правопорядка и для защищаемых международным правом нематериальных интересов государств (его авторитета на международной арене, внешнеполитической роли).

Характер и объем причиненного ущерба должны тщательно учитываться при определении видов и форм ответственности за международные правонарушения. При обычных правонарушениях очень часто наносится какой-то материальный ущерб либо ущемляются нематериальные, но ограждаемые международным правом интересы пострадавшего

_____

государства. Отсюда следует и определение в отношении государства-делинквента видов и форм ответственности.

При совершении международных преступлений и преступлений международного характера, например агрессии, наносится тяжелейший материальный ущерб и повышенный урон международному правопорядку. Это несомненно должно учитываться при определении государству-правонарушителю соответствующих видов и форм ответственности за его преступное поведение.

Помимо характера и объема причиненного ущерба при решении вопроса об ответственности государства-правонарушителя должны приниматься в расчет и другие факторы. К их числу относится определение степени его вины. Речь идет о том, что устанавливается более тяжелый режим ответственности, если ущерб – это следствие обдуманной и целенаправленной политики и противоправного умысла, чем отличаются международные преступления и преступления международного характера от ситуаций, когда государства в лице их органов или должностных лиц допускают небрежность.

Соответственно видам причиняемого этими правонарушениями ущерба в современном международном праве различаются два основных вида ответственности – материальная и нематериальная.

Довольно часто, особенно в доктрине старого международного права, нематериальную ответственность называли моральной. Эта тенденция была подвергнута обоснованной критике. Однако на смену ей пришла довольно устойчивая традиция считать этот вид ответственностью политической.

Было бы, однако, неправильно говорить только о политическом характере этой ответственности. Г.И. Тункин отмечал, что выражение "политическая ответственность"^{65[3]} не очень удачно, поскольку имеет неправовой оттенок, в то время как виды и формы ответственности государств носят международно-правовой характер. Очевидно, что когда авторы избегают говорить о нематериальной ответственности как о международно-правовой, это делается в первую очередь с целью отделить ее от ответственности материальной.

В старом международном праве четко прослеживалось разделение ответственности на эти основные категории, хотя вся доктрина ответственности носила преимущественно материально-репарационный характер. При этом в рамках материального вида ответственности существовали такие его формы как реституции и репарации.

Реституция – это возмещение государством-правонарушителем материального ущерба в натуре. Государство, у которого в результате неправомерного поведения государства-делинквента были захвачены промышленное оборудование или художественные ценности, имеет право на их возвращение.

Широкое применение в международной практике получили и *репарации*, т. е. возмещение причиненного материального ущерба ценностями, товарами, услугами. В то же время современным международным правом запрещены контрибуции, т. е. имущественные изъятия под видом возмещения военных издержек, не имеющие отношения к причиненному материальному ущербу и носящие характер военной дани в пользу государства-победителя.

В результате появления категории особо опасных международных правонарушений — международных преступлений — эта в принципе верная схема видов и форм международно-правовой ответственности государства претерпела значительные изменения.

Во-первых, некоторые традиционные формы ответственности неприменимы к международным преступлениям. Ю.В. Петровский отмечал, что сатисфакция как форма политической ответственности применяется в тех случаях, когда совершаются правонарушения, не приобретающие характера международных преступлений⁶⁶[4].

Во-вторых, изменилось внутреннее содержание форм ответственности. Хотя после второй мировой войны, по решению Крымской и Берлинской конференций в отношении Германии и по мирным договорам с Болгарией, Венгрией, Италией, Румынией и Финляндией, возмещение материального ущерба, причиненного ими, устанавливалось в традиционной форме репараций и реституций, содержание этих конкретных форм ответственности за международные преступления Германии и ее союзников было качественно другим по сравнению с содержанием этих форм в старом международном праве.

Как во внутреннем, так и в международном праве юридическая ответственность выполняет две основные функции: право-восстановительную и штрафную, карательную, что имеет большое значение для эффективности самого института ответственности. Эти функции находятся, как правило, в диалектическом подвижном взаимодействии. Такое взаимодействие подчиняется следующему правилу: чем выше общественная опасность международного правонарушения, тем большую роль должна играть штрафная, карательная, функция ответственности. В перспективном плане как бы увеличивается и правоохранительно-превентивное воздействие института ответственности. Наличие у ответственности штрафной, карательной, функции отнюдь не противоречит основному принципу международного права — принципу суверенного равенства государств. Напротив, заложенная в самой основе института ответственности идея возложения на государство-правонарушителя негативных последствий и лишений — гарантия поддержания международного правопорядка и нормальных отношений государств в соответствии с принципами и нормами международного права.

Для репарационной конструкции ответственности, связанной с обычными международными правонарушениями, главной была правовосстановительная функция. Основной метод борьбы с международными преступлениями — штрафная, карательная, функция. Однако это не означает, что правовосстановительная функция, в частности, включающая возмещение материального ущерба, утрачивает свое значение.

"Учитывая особо опасный характер и вредность международных преступлений, — указывает В.А. Василенко, — следовало бы предусмотреть, что при их совершении должен в максимально возможной степени возмещаться весь причиненный ущерб, т. е. и положительный ущерб, и упущенная выгода"⁶⁷[5].

Для достижения правовосстановительного эффекта и обеспечения возмещения причиненного ущерба, проистекающего из факта международных преступлений, устанавливаются те же традиционные формы материальной ответственности, а именно реституции и репарации, как это имело место после второй мировой войны в отношении

Германии и ее союзников. Некоторые авторы специально подчеркивают необходимость возмещения материального ущерба, явившегося следствием колониального господства, аналогично возмещению ущерба за агрессию. Однако фактическое содержание традиционных форм ответственности в случае международных преступлений, как правило, далеко выходит за рамки осуществления лишь одной праввосстановительной функции.

Международной практике и ранее были известны случаи, когда за морально-политический ущерб судами назначалось материальное возмещение. Практически это означало, что формы нематериальной ответственности признавались неадекватными и не способными обеспечить равноценное возмещение нематериального ущерба, которому находили материальный эквивалент. Если благодаря развитию и долговременному применению международной практикой репарационной ответственности материальные формы ответственности оказывались достаточными для возмещения материального ущерба и выполнения связанной с ним праввосстановительной функции, то формы нематериальной ответственности были недостаточно развиты и разработаны для возмещения нематериального ущерба и достижения карательного, штрафного, эффекта мер ответственности. Именно поэтому для восполнения нематериального ущерба применялись формы ответственности, традиционно характерные для материального типа ответственности.

3. ИНДИВИД КАК СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В настоящее время общепризнанной является норма Приговора Международного военного трибунала (МВТ): "Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершивших такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права... Принцип международного права, который при определенных обстоятельствах защищает представителя государства, не может быть применим к действиям, которые осуждаются как преступные по международному праву"⁶⁸[1].

Это правильное и справедливое положение. Однако возникает вопрос: не только действия, представляющие собой преступления по международному праву, совершаются отдельными лицами. Государство как внутри, так и вовне всегда действует через свои органы и должностных лиц. Любое международное правонарушение государства, а не только международное преступление, складывается из действий (или бездействия) конкретных физических лиц. Поэтому и возникает вопрос: почему принцип международного права, при обычных обстоятельствах защищающий представителя государства, не может быть применен к действиям, которые осуждаются как преступные согласно международному праву?

Ответом первого порядка на этот вопрос может служить следующее положение: индивиды, из действий которых складывается международное преступление государства, несут международную уголовную ответственность потому, что это закреплено в нормах международного права (Устав и Приговор МВТ; Резолюция 95/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г.; Конвенции о геноциде и апартеиде; Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии; проект Устава Международного уголовного суда; проект Кодекса преступлений против

мира и безопасности человечества, принятые на сорок шестой сессии Комиссии международного права (КМП) ООН в 1994 г.). Однако возникает следующий вопрос: почему международное право в одном случае предусматривает индивидуальную ответственность физических лиц, а в других - нет. Чтобы ответить на него, необходимо вспомнить о различиях между двумя категориями международных правонарушений международными преступлениями и преступлениями международного характера. Правоотношения ответственности возникают не только между государством-правонарушителем и непосредственной жертвой агрессии или другого международного преступления, но и между правонарушителем и международным сообществом государств в целом.

Учитывая общественную опасность международных преступлений, их тенденцию развития, могущую привести к всемирной катастрофе, ответственность государства-правонарушителя выражается в различных формах и степенях ограничения его суверенитета. Одна из форм такого ограничения — ответственность виновных физических лиц согласно международному праву, часто вопреки национальному праву государства-правонарушителя. Ю.М. Рыбаков пишет, что "само изъятие физических лиц, совершивших преступления против мира, из юрисдикции государства-агрессора, несомненно представляет собой форму ограничения его суверенитета в связи с совершенной им агрессией, а следовательно, один из видов его политической ответственности за агрессию"⁶⁹[2]. Эта же мысль была высказана Л. Н. Галенской и Ю. В. Петровским: "... ответственность физических лиц выступает в качестве проявления ответственности государства, одной из форм его политической ответственности"⁷⁰[3].

Поэтому не совсем точен Р. Аго в своем докладе КМП ООН, когда говорит: «Было бы ошибочно видеть в признаваемом за государством праве - обязанности наказывать лиц, совершивших преступления упомянутой категории, "особую форму" ответственности, применяемую к государству в случаях, о которых идет речь"⁷¹[4]. Р. Аго прав, когда пишет, что "наказание лиц, стоящих во главе государственного аппарата, которые развязали агрессивную войну или вели политику геноцида, не освобождает тем не менее само государство от его международной ответственности за такие деяния"⁷²[5]. Правильно было бы сказать, что физические лица, виновные в совершении государством международного преступления, понесут международную уголовную ответственность. Государство-правонарушитель должно нести и другие формы политической и материальной ответственности. Постановления ст. 3 и ст. 5 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества полностью подтверждают изложенный тезис⁷³[6].

Из того факта, что международная уголовная ответственность физических лиц — это форма ответственности государства, выражающаяся в ограничении его суверенитета, вытекает возможность реализации международно-правовой ответственности конкретных индивидов. Подобное ограничение суверенитета государства, являясь формой его политической ответственности, служит необходимым условием ответственности физических лиц. Сама международная уголовная ответственность физических лиц имеет два аспекта. С одной стороны, это форма политической ответственности государства,

---

выражающаяся в ограничении его суверенитета, а с другой - уголовная ответственность конкретных физических лиц, вытекающая из норм международного права.

Характерная черта международной уголовной ответственности физических лиц — ее связь с международным преступлением государства. Без последнего нет и первого. В силу этого нелишне еще раз подчеркнуть различие между двумя категориями деяний - международными преступлениями и преступлениями международного характера. Это тем более важно, что еще встречаются работы, в которых не обращается должного внимания на различия между этими явлениями. Так, Н.А. Ушаков преступления против мира называет уголовными преступлениями международного характера⁷⁴[7]. В другом месте, говоря о международных договорах, которые содержат определения "тяжких преступлений международного характера", он приводит в качестве примеров Международную конвенцию 1973 г. о пресечении преступления апартеида и наказании за него и Конвенцию 1970 г. о борьбе с незаконным захватом воздушных судов и т. д.⁷⁵[8].

Однако в этих двух конвенциях речь идет о различных явлениях. Апартеид — это международное преступление, а не преступление международного характера. Незаконный захват воздушного судна — не международное преступление, а преступление международного характера. Преступления международного характера -это общеуголовные преступления, в борьбе с которыми государства сотрудничают между собой (борьба с наркотиками, воздушное пиратство, распространение порнографических изданий, фальшивомонетничество и т. д.). Если международное преступление совершается непосредственно государством и международная ответственность физических лиц часто есть форма политической ответственности самого государства, то преступления международного характера совершаются в основном только физическими лицами, а не государством. Ответственность государства за совершение физическими лицами преступлений международного характера может наступить только в случае невыполнения им своих договорных обязательств по борьбе с преступлениями международного характера или непосредственного участия государственных органов (например спецслужб) в этих преступлениях.

Получается, что режим ответственности в случае совершения преступления международного характера как бы обращен режиму ответственности в случае совершения международного преступления. Когда совершается международное преступление, государство отвечает за него непосредственно. Международная уголовная ответственность физических лиц выступает как форма и следствие ответственности самого государства. В случае совершения физическими лицами преступлений международного характера непосредственно отвечают именно они. Ответственность государства может возникать как результат необеспечения ответственности физических лиц, т. е. невыполнения своих договорных обязательств.

Международная уголовная ответственность не обязательно выражается в осуждении международным трибуналом. Характерные черты международной уголовной ответственности — ее связь с международным преступлением государства и возможность применить к виновным индивидам непосредственно нормы международного права.

Однако и в нашей международно-правовой литературе можно встретить отрицание возможности и необходимости существования института международной уголовной ответственности индивидов.

---

⁷⁴ Там же, с. 107.

⁷⁵ Там же, с. 107.

Н.А. Ушаков считает, что «никакой особой международной (международно-правовой) ответственности индивидов не существует и существовать, очевидно, не может. Индивиды несли, несут и, возможно, будут нести применительно к рассматриваемым деяниям уголовную ответственность за совершенные ими уголовные преступления. Нет также никакой "особого рода уголовной ответственности", например, за уголовные преступления против человечества. Ее не установили, ибо вполне достаточно существующих форм уголовной ответственности по национальным системам уголовного права»⁷⁶[9]. Однако автор не уточняет, почему не может существовать "особой международной (международно-правовой) ответственности индивидов". Вряд ли можно также утверждать, что "вполне достаточно существующих форм уголовной ответственности по национальным системам права".

В другом месте Н.А. Ушаков пишет: "Для того чтобы индивид подвергся уголовной ответственности за это (военные преступления. — *Р.К.*), независимо от того, что его действия не являлись нарушением права его национального государства, ему надо оказаться во власти иностранного государства"⁷⁷[10]. Эта точка зрения основана на отрицании физического лица субъекта международного права. Получается, что если и правовая система иностранного государства не содержит соответствующих норм, то указанные индивиды вообще не могут нести никакой ответственности. Отрицание возможности применять нормы международного права для наказания индивидов, совершивших международные преступления, в таком случае означало бы безнаказанность последних. Следует отметить, что 38а

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ

Трудности конструирования системы Особенной части международного уголовного права заключаются не только в разном понимании того, какие виды преступлений относятся к международным преступлениям, а какие — к преступлениям международного характера, но и в том, что разные системы права по-разному формулируют эти конкретные виды преступлений, и определяют наказания за их совершение. Среди ученых мирового сообщества нет единства мнений в отношении места в системе тех видов преступлений, которые признаны преступлениями, но в отношении которых нет международных соглашений.

Стремительно растет и число преступлений, затрагивающих в той или иной степени интересы мирового сообщества, относимых по нашему делению к преступлениям международного характера. Они и разнообразны по объекту преступного посягательства, и многообразны. Для борьбы со многими из них заключены международные соглашения, но по некоторым нет единогласия в признании их преступлениями. В этом случае существенное значение имеет позиция системы права.

Мы предлагаем следующую конструкцию Особенной части международного уголовного права.

К международным преступлениям мы относим все виды преступлений, угрожающих миру, международной безопасности и правопорядку, направленных против человечности. В эту группу сведены те виды преступлений, по которым человечество уже принимало

ответственные решения и признало наиболее тяжкими международными преступлениями. Это в первую очередь преступления, перечисленные в уставах Нюрнбергского и Токийского трибуналов и признанные таковыми Генеральной Ассамблеей ООН, а также пропаганда войны. Затем сюда следует отнести те виды преступлений, которые после окончания второй мировой войны международное сообщество признало в качестве международных. Это — агрессия, геноцид, апартеид. Затем — близкие к ним по характеру, хотя и не признанные в качестве преступных во вступивших в силу международных документах — экоцид, биоцид⁷⁸[1]. К этой же группе следует отнести рабство и работорговлю, признанные международным сообществом в качестве международных преступлений, а также пиратство.

Не все они в равной мере опасны для международного сообщества. Нет более тяжкого преступления чем агрессия, агрессивная война, да еще с применением средств массового уничтожения. По сравнению с ней рабство, работорговля или пиратство, конечно, менее опасны. Но в уголовном законодательстве государств в одной и той же главе могут быть поименованы разные по степени общественной опасности деяния, как различны по тяжести могут быть и наказания за их совершение.

Следующий раздел системы Особенной части можно условно назвать *международными преступлениями, находящимися на стадии становления*. К ним относятся терроризм, наемничество, расизм и расовая дискриминация. Эти виды преступлений сегодня достаточно распространены и опасны не только для международного правопорядка в конкретных регионах, но и для мирового сообщества в целом. По конкретным видам этих преступлений имеются международные региональные соглашения. Несмотря на различие в их трактовке, все едины в том, что это — международные преступления. Сопrotивление их официальному признанию идет от сил, противодействующих прогрессивному развитию международных отношений, международной законности и правопорядка.

В международно-правовых документах мы найдем их характеристику как международных преступлений, найдем и решения разных органов ООН относительно разработки понятий этих преступлений и даже отдельные резолюции, квалифицирующие подобные деяния в качестве международных преступлений. Однако, повторим, единства мнений (как, скажем, применительно к геноциду) нет. Тем не менее, выделив эти преступления в самостоятельную группу, мы отнесем их к преступлениям международным.

К последнему разделу системы Особенной части международного уголовного права мы отнесем *преступления международного характера*. Объекты посягательств их различны. Некоторые из них можно характеризовать как подвиды более опасных преступлений, близких к международным. Это относится прежде всего к угону самолетов, посягательствам на дипломатических представителей, захвату заложников. Эти виды преступлений как бы выделены из терроризма. Терроризм "начинался" не только с убийств и закладывания бомб под различные объекты, но и с захвата заложников и угона самолетов, как и с посягательства на жизнь и свободу иностранных дипломатов. Здесь мы имеем дело с тем случаем, когда объективные обстоятельства заставляют закреплять отдельные виды преступных деяний в международных соглашениях, инкорпорируемых в дальнейшем национальными уголовными кодексами⁷⁹[2].

Некоторые виды преступлений, включаемых в настоящий раздел системы Особенной части, были родоначальниками международного уголовного права. Это — контрабанда,

распространение наркотиков и торговля ими, распространение порнографии, подделка денег и ценных бумаг. С борьбы с ними многие государства начали свою совместную международную уголовно-правовую деятельность.

Расширение контактов между государствами, особенно в современный период стремительного сближения государств, стоявших до последнего времени "по разные стороны баррикад", когда стало очевидным, что есть сферы отношений, одинаково затрагивающие интересы всех членов международного сообщества, породило потребность в совместной борьбе с одинаково для всех опасными преступными посягательствами. Между многими государствами уже достигнута договоренность о необходимости пресечения преступных посягательств на окружающую среду, на национально-культурное наследие народов, столкновение судов и неоказание помощи на море, преступления, совершаемые на морском шельфе, разрыв или повреждение подводного кабеля. По многим из этих видов преступлений существуют специальные соглашения, и в разных странах они включены в уголовное законодательство.

В этот раздел должны быть включены такие — хотя и разные по степени общественной опасности и характеру — преступления как незаконное (иногда называемое "пиратским") радиовещание, торговля людьми и преступления, совершаемые на борту воздушного судна. К этой же группе следует отнести рабство и работорговлю, признанные международным сообществом в качестве международных преступлений, и пиратство.

Систему Особенной части мы закончим характеристикой ряда преступлений, которые еще не все признаны преступлениями международного характера. Но сейчас многие называют их международными, несмотря на неоднозначность мнений. По конкретным видам этих преступлений имеются международные региональные соглашения. Эти виды преступлений сегодня достаточно распространены и опасны не только для международного правопорядка в конкретных регионах, где совершаются, но и 38а

1. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

При характеристике этих преступлений необходимо исходить из того, как они сформулированы в Уставе Нюрнбергского военного трибунала (ст. 6) и соответствующих этим положениям позиций Токийского трибунала.

Обобщенно названные профессором Н.А. Трайниным "преступления против человечества", они разделяются на три самостоятельных вида: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

Преступления против мира включают в себя планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий.

Эта формулировка — результат обобщения преступных деяний немецкого (и итальянского) фашизма, японского милитаризма, ввергнувших мир во вторую мировую войну. Сейчас, когда любая война поставлена вне закона, следует внести некоторые коррективы в эту формулировку.

Статья 6 Устава Нюрнбергского трибунала – действующее право, по существу ставшее основой понимания того, какие преступления являются международными.

Преступлениями против мира международное право называет прежде всего планирование агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений. Планирование такой войны

- главная политическая линия гитлеризма. Вся деятельность, связанная с планированием агрессии германского нацизма, была преступной. Идеологическим обоснованием агрессии стала расистская теория.

По объективной характеристике (стороне) между планированием и подготовкой войны нет особой разницы. Планировать

- значит подготавливать. Подготовка включает и планирование. Но юридически "разведение" этих понятий позволило привлечь к ответственности "плановиков" — сотрудников генерального штаба и других военных ведомств, а также тех, кто занимался подготовкой войны в виде закупки и изготовления оружия, подготовки и строительства военных сооружений, самолетов, танков и т. п., т. е. промышленников, вскормивших нацизм.

Отдельно международное право говорит о развязывании и ведении агрессивной войны. В понятие *развязывания* входят те действия, которые совершались до момента начала войны и с точки зрения конкретных действий чрезвычайно многообразны: начиная с провокационных заявлений в адрес противника по поводу его политики и концентрации войск на границе — до провокации противной стороны на конфликт с использованием оружия, либо акции типа переодевания своих солдат в форму противника и организации мнимого нападения на войска проволирующей стороны. Так было, например, в момент нападения фашистской Германии на Польшу.

Под *ведением войны* следует понимать непосредственные военные действия против противника с целью захвата его территории либо достижения иных агрессивных политических целей. Формулируя эту часть преступных деяний против мира, законодатель имел в виду необходимость привлечь к уголовной ответственности непосредственных исполнителей, в частности военных.

Ст.6 Устава говорит также о ведении войны в нарушение международных соглашений, договоров или заверений.

Что же касается "участия в общем плане или заговоре", то нацизм втянул в преступную войну многие страны. Это был действительно "общий план и общий заговор". Его участники должны нести ответственность в полной мере.

В национальном законодательстве, предусматривающем ответственность за преступления против мира, возможны и иные, чем в ст. 6 Устава Международного Нюрнбергского трибунала, формулировки. Национальный уголовный закон должен быть сформулирован исходя из смысла ст. 6 и быть не менее конкретным.

С проблемой соответствия международных и национальных норм мы сталкиваемся в законодательстве тех стран, которые, признав для себя обязательными положения Устава Нюрнбергского трибунала, по-своему сформулировали статьи уголовного закона.

Как и многие нормы международного уголовного права, ст. 6 Устава содержит диспозицию, но не содержит конкретной санкции (наказания) за совершенное преступление. Это понятно, ибо в мире существуют разные правовые системы, как и разные виды наказаний даже за сходные или идентичные деяния. Конкретные наказания устанавливаются в соответствии с особенностями этих правовых систем, где отношение законодателя к преступлениям против мира одинаково — как к преступлениям наиболее тяжким, влекущим наиболее суровые наказания. В странах, где не отменена смертная казнь, за эти преступления, по нашему мнению, она должна быть сохранена. Там же, где она отменена, — в случае создания суда *ad hoc* для выработки единых подходов ее следует внести в перечень наказаний, как это и было сделано в Уставе Нюрнбергского трибунала. Новый Уголовный кодекс России, во всяком случае, идет по этому пути.

2. ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В эту группу преступлений международное уголовное право включает нарушение законов или обычаев войны (убийства, истязания, увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории, убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море, убийства заложников, ограбление общественной или частной собственности, бессмысленное разрушение городов и деревень, разорение, не оправданное военной необходимостью) и другие преступления⁸⁰[1].

Как и в преступлениях против мира, мы сталкиваемся со сложными и разнообразными по характеру деяниями. Их формирование результат обобщения прежде всего преступной деятельности нацизма, осуществлявшейся специальными субъектами — военными, от верховного командования до рядовых солдат нацистской армии. Современность также дала массу примеров преступлений этого рода: от событий в Югославии, Афганистане до военных действий на территории бывшего Союза ССР.

Родовой объект этих преступлений — правила и обычаи войны. Их конкретные виды уже названы выше. Убийства гражданского населения, разорение городов и сел для гитлеровской армии были санкционированной режимом нормой поведения воинских подразделений, захватывающих чужую территорию.

3. ГЕНОЦИД

С особой силой человечество почувствовало тяжесть этого преступления, когда геноцид в нацистской Германии стал не только и не столько единичным преступлением, сколько государственной политикой.

Конвенция "О предупреждении преступления геноцида и наказании за него" относит к геноциду действия, совершаемые с целью уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую, в том числе убийство членов такой группы, причинение им тяжких телесных повреждений, умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на ее полное или частичное физическое уничтожение, насильственную передачу детей из одной человеческой группы в другую, меры по предотвращению деторождения в среде такой группы (ст. V). Как видно из текста, речь идет как о родовом понятии геноцида, так и о расшифровке

способов преступления. И если убийства "традиционны" как способ преступных действий, особое значение имеет то, что законодатель называет преступлением умышленное создание невыносимых условий жизни. Во время второй мировой войны именно посредством геноцида гитлеровцы истребили 12 млн русских, поляков, югославов, евреев, чехов, словаков — гражданское население. Геноцид имел место и в Кампучии.

Признаки геноцида налицо в событиях в Южной Осетии, Баку, Нагорном Карабахе, Югославии и других "горячих точках", возникших в последние годы во многих районах земного шара.

Объективная характеристика национально-культурного геноцида — уничтожение языка, религии, культуры какой-либо национальной, расовой или религиозной группы, в том числе запрещение какой-либо национальной, расовой или религиозной группе пользоваться национальным языком в повседневной жизни или школах; запрещение печатания и распространения изданий на языке такой группы; уничтожение библиотек, музеев, школ, исторических памятников, зданий, предназначенных для нужд религиозных культов и т. д.

Человеческой истории известны случаи, которые, пользуясь современной терминологией, можно назвать геноцидом. Как правило, такие деяния совершались на религиозной почве либо из расистских побуждений, соединенных с политическими мотивами. Таковы, например, резня армян турками в Константинополе, Варфоломеевская ночь во Франции. Еще ранее, в древности, геноцид творила изуверская иудаистская секта манихейцев. Но только при нацизме геноцид стал политикой государства. После разгрома нацизма в мире остались режимы и государства, для которых геноцид — политическая практика. Все фашистские, полуфашистские, диктаторские режимы после второй мировой войны творили геноцид. Так было в Чили, Южной Африке, Кампучии, СССР и других странах. Не случайно суд над Пол Потом и его кликой — это, по существу, процесс, где главным видом преступления, вменяемого в вину подсудимым, был геноцид.

Объективная сторона понятия "геноцид" характеризовалась по-разному. А.Н. Трайнин трактовал это понятие достаточно широко. Он писал, что следует различать три формы геноцида: физический, когда происходит непосредственное физическое уничтожение людей; биологический, когда речь идет о предотвращении появления на свет человека (например, кастрация и стерилизация); национально-культурный, когда речь идет об уничтожении национальной культуры⁸¹[1].

В 1948 г. ООН признала геноцид в качестве самостоятельного вида международного преступления. Это определение геноцида по содержанию отличается от предложенного Трайниным. что, как мы полагаем, вполне естественно. Свое понимание геноцида Трайнин вывел из анализа преступных деяний гитлеровцев. Жизнь показала, что это преступление может совершаться и в условиях мирного времени, относительной стабильности в международных отношениях и быть направленным не только против другого государства и его граждан, но и против народа собственной страны⁸²[2].

А, скажем, посягательства на национально-культурное достояние могут иметь иной, чем геноцид, характер и строго юридически не укладываются в его объективную характеристику. Разграничить виды преступного посягательства на национально-культурное достояние можно, лишь определив, является ли это деяние результатом

политики по отношению к другой стране и ее народу или мотив этого посягательства — например, стремление к обогащению, обращению чужих культурных ценностей в личное пользование. Последнее — специальный вид преступления.

4. ЭКОЦИД

В последние годы в качестве международных ученые называют два близких к геноциду преступления: *экоцид* и *биоцид*.

Экоцид связан с необратимыми последствиями для окружающей среды и самого существования человека. Диким варварством было уничтожение гербицидами и химическими веществами всего живого в ряде местностей Вьетнама. Экоцид как преступление имеет своим истоком агрессивную войну. Он как бы вырос из нее. Его опасность заключается еще и в том, что нарушение экологического равновесия в каком-либо одном районе пагубно сказывается и на других, часто далеко лежащих местностях.

Вопрос об экоциде как самостоятельном виде международного преступления практически возник во время войны во Вьетнаме. Особое место в теоретической разработке понятия экоцида как международного преступления, способов его совершения в условиях агрессивной войны принадлежит вьетнамским юристам⁸³[1]. Однако все большее число юристов других стран поддерживали эту идею. В мае 1977 г. была подписана международная Конвенция о запрещении военного или любого другого враждебного использования средств воздействия на природную среду. Практически это конвенция против экоцида, хотя самого термина "экоцид" она не содержит. Очевидно, это вопрос будущего. Важно другое: запрещение подобных действий и объявление их международным преступлением. Это очень важное положение, свидетельствующее о значительном изменении взглядов мирового сообщества на войну вообще и на агрессивную войну в особенности.

Вопрос о загрязнении окружающей человека среды, фактически вопрос о здоровье настоящего и будущего поколений, о жизни на земле стал ныне ключевым для человечества. В условиях научно-технического прогресса, когда человечество накопило невероятное количество гербицидов, химических и иных веществ, могущих убить все живое вокруг, когда в недрах военных министерств и частных корпораций создано оружие, с помощью которого в короткие сроки любая адская смесь может быть доставлена в любую точку земного шара, — экоцид стал опаснейшим международным преступлением.

Способы его совершения многочисленны, как и средства доставки отравляющих природу веществ к месту, где агрессивные силы будут стремиться прибегнуть к экоциду. Ответственность за такие деяния должны нести не только военные, но и представители корпораций и иных предприятий, на которых изготавливается смертоносное оружие.

5. БИОЦИД

Близким по характеру к экоциду, но самостоятельным является новое, родившееся также в последние десятилетия международное преступление, именуемое *биоцид*. Биоцид более целенаправлен, чем экоцид. Условно о нем можно говорить как о применении ядерного оружия: об атомной, водородной бомбах, которые уничтожают все вокруг, и о нейтронной бомбе, уничтожающей лишь (!) человека; или о целенаправленном именно против человека химическом оружии. Таковыми могут быть бомбы или снаряды, ракеты, начиненные вакциной бруцеллы, ибо бруцеллы выводят из строя человека и животных, не затрагивая других элементов окружающей среды.

Биоцид, как и экоцид, — прямое выражение военного начала, агрессивной войны, или, как говорится в упомянутой Конвенции 1997 г., любое другое враждебное воздействие на природную среду. Биоцид (букв. — убийство жизни) возможен и в случаях, когда речь идет об угрозе международной безопасности, когда он как бы подготовительная стадия к агрессивной войне.

Один из ученых предложил следующее определение: "Биоцид противоправное, необратимое разрушение окружающей человека природной среды, сопряженное с нарушением международной безопасности и причинением вреда благосостоянию и здоровью не только настоящего, но и будущего поколений человечества"⁸⁴[1].

При общей правильной направленности данного определения автор, на наш взгляд, чрезмерно широко трактует объективную сторону этого преступления. Конечно, при биоциде окружающей среде тоже наносится ущерб, как и международной безопасности, но вряд ли правильно говорить о "причинении вреда благосостоянию" людей, если понимать благосостояние так, как это принято в экономической науке.

Все это важно иметь в виду вследствие идеализации "любителями военной силы" нейтронной бомбы как "чистого" оружия. Применение нейтронной бомбы — биоцид, ибо это "убийство жизни" в прямом смысле слова. Но биоцид — это и применение средств замедленного действия, не сразу убивающих, но калечащих людей, оказывающих вредоносное влияние на потомство. К ним можно отнести генетическое, многие виды бактериологического, химического и другого оружия, как и отравляющих веществ.

Как и при характеристике экоцида, биоцид следует отличать от преступного загрязнения окружающей среды прежде всего по субъектам преступления. Иные при биоциде и способы совершения преступления. Они связаны с использованием возможностей военной техники или техники, приспособленной для военных целей, поражения живой силы, причинения ущерба жизни и здоровью людей.

6. АПАРТЕИД

К числу международных преступлений относится также *апартеид*. Его сущность как преступной политики и преступного деяния заключается в территориальном, социальном, политическом или экономическом разделении физических лиц по признаку расы, национальности или религии, в узаконенном бесправии последних. Апартеид — это доведенная до предела политика расизма. Такое преступное отношение к человеку в свое время было узаконено в ЮАР. Даже страны, где расизм как политика и идеология достаточно прочно свили свое гнездо, не могут, хотя бы формально, не осуждать апартеид ввиду его чудовищной античеловечности.

Способы совершения этого преступления – полное политическое бесправие коренного цветного населения, при котором оно полностью устранено от участия в выборах органов власти, не пользуется никакими политическими и иными гражданскими правами; полное экономическое бесправие, при котором труд носит практически характер рабского; социальное бесправие, когда, в частности, коренное цветное население живет только в специально отведенных для этого местах.

Сейчас ЮАР меняет свою политику. Можно сказать, что режим апартеида потерпел поражение, хотя еще придется многое сделать.

XXVIII сессия Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 г. абсолютным большинством голосов приняла Международную конвенцию о пресечении преступления апартеида и наказании за него. Апартеид объявлен преступлением против человечества, создающим серьезную угрозу международному праву и безопасности. Конвенция была направлена против апартеида в Южной Африке, но имеет и более общий характер.

XXX сессия Генеральной Ассамблеи ООН призвала все страны мира ратифицировать названную Конвенцию, ибо ратификация ее проходила не так быстро, как этого требуют интересы человечества. Ратифицировать Конвенцию обязаны особенно те страны, где сегодня бушуют националистические настроения и проводится соответствующая политика. Об этом свидетельствует ставшая угрожающей, в том числе и для России, проблема беженцев.

Мир сейчас не готов к принятию радикальных решений по некоторым насущным для нормального функционирования международного сообщества вопросам, однако он стоит перед необходимостью признать *любую форму расовой дискриминации – расизм, национализм — международным преступлением*. Практика расизма получает свое выражение в различных акциях: принятие расистских законов, расистский произвол, выражающийся в преследовании людей по расовым мотивам, незаконные аресты людей иной расы, отказ в осуществлении присущих им прав и свобод и т.д.

Можно ли рассматривать расизм как международное идеологическое преступление?

За идеи преследовать нельзя. Можно наказывать (и лишь в соответствии с законом) только за преступные действия конкретных лиц, исповедующих те или иные идеи. Ответственность за преступления — общественно опасные деяния — всегда конкретна и индивидуальна.

Международный уголовный закон должен признать любые формы расовой дискриминации, шовинизма международным преступлением, осудить расистскую идеологию, назвать ее пропаганду преступной, а также установить ответственность за любые формы расовой дискриминации и практику расизма как за конкретные деяния.

7. РАБСТВО И РАБОТОРГОВЛЯ

Международное сообщество признало международным преступлением *рабство и работорговлю*.

Помимо рабства и работорговли имеется еще ряд преступлений, сходных с ними. Это торговля женщинами (в том числе проституция, торговля детьми и принудительный труд).

С разрушением рабовладельческой общественно-экономической формации рабство и работорговля не исчезли, а сохранились и модифицировались. Они существуют и сегодня как позор человеческого общества, несмотря на крах колониальной системы, политическое и моральное осуждение колониализма.

Работорговля начиналась с насильственного захвата аборигенов Африки, значительной части Австралии, Азии, островов Тихого океана, Карибского бассейна и других районов. В некоторых случаях будущие рабы покупались работорговцами за бесценок у местных властей. Насилие и покупка людей за бесценок — вот наиболее распространенные способы приобретения будущих рабов для последующей продажи или использования на собственных плантациях либо на каком-то производстве.

Объективная характеристика рабства — содержание в неволе людей, захваченных работорговцами или приобретенных кем-либо у них в целях эксплуатации. Преступлением будет и обмен рабами между уже владеющими ими рабовладельцами либо их продажа и перепродажа. Раб, по идеологии работорговцев, не человек, а вещь, существо, не имеющее никаких прав.

Работорговля как специфический промысел процветала в XVIII — XX вв. Победа Севера в Гражданской войне в США привела к отмене рабства, сокращению рынка сбыта рабов⁶. Первым торговлю неграми осудил Венский конгресс 1815 г. Затем в 1818 г. в Аахене такая торговля была запрещена и признана преступной. Несмотря на это, рабство и работорговля длительное время продолжали оставаться прибыльным промыслом.

Однако борьба с этим позорным для человеческого общества явлением продолжалась. В 1890 г. на Брюссельской конференции был выработан акт, предусматривающий конкретные меры борьбы с работорговлей. Был установлен "подозрительный пояс", куда попали западная часть Индийского океана, Красное море и Персидский залив как артерии, через которые из Африки шли караваны с человеческим товаром. Военные корабли договаривающихся сторон получили право задерживать и осматривать в этом районе все подозрительные суда.

Следует отметить односторонний характер этих мер. Исходя из анализа объективной характеристики того вида преступлений, на борьбу с которыми направлен акт Брюссельской конференции, преступной признавалась лишь *работорговля*, а не само рабство.^{85[1]} Лишь в XX в. появились международно-правовые документы, запрещающие не только работорговлю, но и само рабство. Здесь следует отметить последовательную позицию в этом вопросе бывшего СССР. Одним из таких важных документов является Конвенция о рабстве от 25 сентября 1926 г.^{86[2]} Правда, она нередко игнорировалась многими государствами, по-прежнему закрывавшими глаза на этот преступный бизнес.

В Конвенции дано определение рабства: "Состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них". Конечно, для уголовного закона, это, мягко говоря, не очень четкая характеристика, но суть ее очевидна: она не допускает, чтобы человек был чьей-либо собственностью. Внутренний закон государства может пойти и по пути дальнейшего раскрытия содержания этого

_____

термина, а может ограничиться понятием "рабство" и просто установить наказание за это преступление.

После второй мировой войны начался бурный процесс освобождения народов от колониальной зависимости и рабства. Были приняты документы, фиксирующие это положение. Статья 4 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. говорит: "Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии, рабство и работорговля запрещаются во всех их видах".

Несмотря на все эти запреты, Международная конференция по правам человека несколько лет тому назад констатировала, что в мире насчитывается 9 млн рабов.

Экономический и Социальный Совет ООН (ЭКОСОС) в одной из своих резолюций (1126/1 окт.) 1966 г. внес дополнения в понятие рабства. К рабству отнесена практика апартеида и колониализма. Политически это в общем верно, но возникает несколько правовых вопросов. Не могут быть одним составом преступления, хотя и сходные, но разные по своим объективным характеристикам деяния. Понятие "колониализм" шире, чем рабство и апартеид. Понятия рабства и апартеида тоже не совпадают. Поэтому в международном уголовном законе должно быть *три* разных состава преступления, хотя политическая их характеристика может быть единой.

Теперь о составе преступления "*работорговля*". Оно производно от рабства. Работорговля есть перевозка или попытка перевезти рабов из одной страны в другую, а также продажа их либо обмен с целью получить материальную или иную выгоду. Если эти признаки отсутствуют, — нет состава преступления работорговли. Она может существовать самостоятельно, когда кто-либо занимается этим промыслом, но может быть составной частью рабства, если этим промыслом занимаются те же, кто эксплуатирует рабов.

Современное общество рождает новые, скрытые формы работорговли, сходные с другими преступлениями международного характера, что важно иметь в виду для их отграничения.

Так, во многих странах процветает бизнес по продаже дешевой рабочей силы. Продавец получает немалую прибыль за посредническую деятельность. В этом подобные деяния сходны с работорговлей. Отграничение здесь следует проводить по такому признаку: если "дешевая рабочая сила" становится собственностью покупателя — налицо рабство, если нет, — имеется состав преступления "торговля людьми", но не работорговля.

Специфической формой работорговли в подавляющем большинстве случаев следует считать похищение и последующую продажу детей. Во многих странах Запада, Востока и Юга, полуофициально сложился "черный рынок" по продаже детей. Ребенок практически всегда становится собственностью покупателя, во всяком случае, до своего совершеннолетия. Этот вид работорговли также следует считать международным преступлением.

Сохраняется в мире и торговля женщинами, в частности, для занятия проституцией. Как и в случае продажи дешевой рабочей силы, когда речь идет о продаже женщины в собственность покупателя, данное преступление также может квалифицироваться как работорговля.

Сходными с рабством могут быть и сохраняющиеся в ряде стран брачные обычаи, ставящие женщину по существу в положение рабыни. В Дополнительной конвенции,

принятой в 1956 г. в Женеве, среди обычаев, сходных с рабством, поименован принудительный труд, что означает признание его использования преступлением.

В 1930 г. была принята Конвенция МОТ № 29 относительно принудительного и так называемого обязательного труда⁸⁷[3], которая определяет его как состояние человека, в связи с которым он выполняет "всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг". Насилие, угроза наказания — вот те "движущие" силы, которыми человек принуждается к труду или выполнению какой-либо работы.

Небезынтересно, что Конвенция МОТ, провозгласив цель -упразднить принудительный и обязательный труд во всех его формах, установила и переходный к его ликвидации срок — пять лет. С тех пор прошло уже много пятилетий, а принудительный труд процветает скрыто и открыто во многих государствах.

Конвенция предусмотрела исключения из понятия принудительного труда, если выполняется: 1) работа или служба, требуемая в силу закона об обязательной военной службе и применяемая для работ чисто военного характера; 2) всякая работа являющаяся частью обычных гражданских обязанностей граждан полностью самоуправляющейся страны; 3) всякая работа или служба, требуемая от какого-либо лица по приговору, вынесенному компетентным судом, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором и контролем государственных властей и что указанное лицо не будет уступлено или передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ; 4) всякая работа или служба, требуемая в условиях чрезвычайных обстоятельств, т. е. в случаях войны или бедствия, как-то: пожар, наводнение, голод, землетрясение, сильная эпидемия или эпизоотия, нашествие вредных животных, насекомых или паразитов, растений и вообще обстоятельства, ставящие или могущие поставить под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего или части населения; 5) мелкие работы общинного характера, т. е. работы, которые выполняются для прямой пользы коллектива его членами и поэтому могут считаться обычными гражданскими обязанностями членов коллектива при условии, что само население или его непосредственные представители имеют право высказать свое мнение относительно целесообразности этих работ.

Эти виды принудительного труда должны осуществляться под контролем государства и не должны быть, как правило, связаны с удалением граждан от места их жительства. Такой труд запрещается применять для выполнения подземных работ в шахтах или в качестве наказания коллектива за преступление, совершенное кем-либо из его членов.

Мы видим стремление к четкому определению понятия "принудительный труд", к недопустимости его расширительного толкования. Названы и обстоятельства, когда труд не считается принудительным, хотя интересы общества и государства требуют необычных усилий граждан. Конвенция проводит очень важную мысль о недопустимости применять принудительный труд как наказание коллектива людей за преступления его членов. Это своеобразная реакция на случаи отступлений от принципа индивидуальной вины, что ведет к произволу. Конвенция МОТ 1930 г.- один из самых признанных международно-правовых документов: в ней участвуют 143 государства. Это говорит о растущем самосознании народов, все более отчетливо понимающих, что жизнь в человеческом обществе не может строиться на началах страха, насилия, принуждения и принижения человеческой личности, что подобные действия преступны.

---

⁸⁷ См. Конвенция МОТ № 29, ст. 1.

Таковы преступления, обычно относимые к категории международных. Теперь перейдем к анализу преступлений, по которым не достигнуто единства мнений.

8. ТЕРРОРИЗМ

Предваряя юридический анализ состава преступления "терроризм", заметим, что этот вид международного преступления вызывал самые разноречивые суждения. Терроризм либо "политизировался", либо, наоборот, оценивался как обычное уголовное преступление в зависимости от того, на какой идеологической и политической позиции стояли те, кто занимался этой проблемой.

А.Н. Трайнин писал в свое время: "Можно с уверенностью сказать, что именно этот состав преступления, терроризм, есть центральная проблема развернувшегося в капиталистических странах унифицированного движения в области уголовного законодательства"⁸⁸[1].

Сегодня между юристами мира больше стало понимания сути проблемы. По многим вопросам терроризма — и как явления, и как международного преступления — достигнуто единство, что очень важно вследствие той опасности, которую терроризм представляет для человеческого общества⁸⁹[2].

Терроризм и агрессия. Терроризм и агрессия, конечно, не одно и то же. Однако в политическом лексиконе мы встречаемся с таким понятием как "государственный терроризм". Так были охарактеризованы действия США против Гренады, Ирака против Кувейта, Израиля против Ливана и другие, совершенно различные действия не только частных лиц или сообществ, но и государств. Здесь мы вновь сталкиваемся с ситуацией, когда политические характеристики не совпадают с юридической квалификацией тех или иных деяний. Политику можно назвать преступной, террористической, но это не основание для формулирования *конкретного* состава преступления. Подавление, скажем, национальных меньшинств или коренного населения может осуществляться методами, которые в моральном или политическом плане характеризуются как террористические. Но если эти действия не рассматриваются в законе или договоре именно как терроризм, то остается их политическая характеристика, но не будет состава преступления, за которое установлена ответственность.

Для того чтобы какое-либо деяние вошло в международную юридическую практику как преступление, нужна его точная правовая характеристика. Если одно государство применяет против другого военную силу в целях захвата территории, порабощения и т. д., то это агрессия, хотя могут иметь место и элементы терроризма.

Действия преступников, физически уничтожающих целые группы людей, жилища и т. п., могут быть определены как терроризм только в том случае, если подобные деяния совершают террористические организации или отдельные лица, а не государства или их официальные органы.

Международные преступления, составляющие по своей сути акты терроризма, наносят непоправимый ущерб международному правопорядку в целом. Это обстоятельство требует консолидации усилий целого ряда государств в масштабах определенного региона либо всего мира. Современное международное право выработало целый ряд международных конвенций универсального и регионального характера, которые на основе четких критериев устанавливают в качестве предмета своего правового регулирования взаимное сотрудничество государств в борьбе с международным терроризмом.

К актам универсального характера относятся Конвенция 1963 г. о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов; Конвенция 1970 г. о борьбе с незаконным захватом воздушных судов; Конвенция 1971 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации; Конвенция 1988 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства; Конвенция 1979 г. о борьбе с захватом заложников; Конвенция 1980 г. о физической защите ядерного материала; Конвенция 1973 г. о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов.

К региональным актам такого рода можно отнести Вашингтонскую конвенцию от 2 февраля 1971 г. о предотвращении и наказании актов терроризма, принимающих форму международно значимых преступлений против личности, и связанного с этим вымогательства; Европейскую конвенцию о борьбе с терроризмом 1976 г.; Дублинское соглашение 1979 г. по применению Европейской конвенции о борьбе с терроризмом.

Достигнутый в рамках мирового сообщества прогресс в отношении взаимной судебной помощи определяется общим для всех перечисленных многосторонних конвенций международным обязательством либо выдавать правонарушителя, либо передавать дело компетентным властям государства для судебного преследования. Это обязательство известно науке международного права как принцип *aut dedere aut judicare*.

Указанный принцип ныне стал эффективным средством в системе действующего конвенционно-правового режима по организации борьбы мирового сообщества с международным терроризмом.

Перейдем к уголовно-правовой характеристике терроризма. С точки зрения *объекта посягательства*, терроризм наносит ущерб жизни и здоровью людей, их имуществу, правам и законным интересам, дезорганизует общественную жизнь.

По *объективной стороне* обычно терроризм представляет собой действия, направленные против жизни конкретного политического (общественного) деятеля либо неопределенного числа людей, выражающиеся в насилии либо угрозе его применения. Насилие большей частью сопровождается физическим воздействием вплоть до причинения телесных повреждений и смерти. Оно может сопровождаться и психологическим воздействием, и вымогательством различных благ, что особенно характерно для тех случаев, когда террористический акт сопровождается требованием выкупа.

Терроризм может выражаться также в разрушении (или попытке разрушения) каких-либо объектов: самолетов на земле и в воздухе, административных зданий, жилищ, морских судов и т. п. При совершении таких действий возникает опасность и для жизни людей, причем не только оказавшихся объектом непосредственного преследования террористов, но и посторонних, включая женщин, стариков, детей. Одна из главных целей террористов

- запугивание, создание атмосферы страха, неуверенности в безопасности жизни своей и близких.

Учитывая эти цели терроризма, можно, вероятно, и уничтожение имущества террористическими группами, даже не повлекшее человеческих жертв, квалифицировать как терроризм. Взрыв, поджог и т. п. могут расцениваться как угроза применения насилия по отношению к человеку или группам лиц.

Терроризм — преступление, которое может быть совершено и одним лицом против одного или нескольких человек или каких-либо объектов (в этом случае речь идет о террористическом акте), и группой лиц. Для терроризма как международного преступления совершение деяния в одиночку в настоящее время не характерно. Даже тогда, когда преступник действует один, нередко ответственность за совершение преступления берет на себя какая-либо террористическая организация.

С точки зрения уголовного права деятельность таких организаций и групп – соучастие *sui generis* типа преступных организаций или мафиозных объединений, что предусмотрено в национальном праве многих государств. Из признания тех или иных концепций соучастия должны вытекать и выводы об ответственности членов террористических организаций и групп.

Современный терроризм несет в себе все признаки организованной преступности. Разоблачение различных террористических организаций и групп в разных регионах мира, потворство им со стороны политических организаций и правительственных органов, использование террористов в политических целях свидетельствуют об организованном характере этих преступлений. Сказанное позволяет выдвинуть предложение о признании террористических организаций преступными со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями как для самих организаций, так и их членов.

Основываясь как на действующем уголовном законодательстве, так и на международной практике, целесообразно применять к террористам те правила об ответственности соучастников, которые применялись в отношении нацистских военных преступников. Это означает, что каждый участник террористической организации или группы должен нести ответственность за всю преступную деятельность организации. Такой суровый подход к тем, кто совершает это тяжчайшее преступление, будет удовлетворять принципу социальной справедливости. Это предполагает необходимость, в соответствии с принципами уголовного права, при назначении наказания принимать во внимание активность каждого члена организации, степень его индивидуальной вины. Однако при этом необходимо соблюдать принцип: чем более тяжкими преступными акциями характеризуется деятельность преступной террористической организации, тем более суровым должно быть наказание и конкретных ее участников.

Если действия террористов не выходят за рамки своей страны, ответственность наступает по положениям национального законодательства. В целях координации усилий государств-участников международного сообщества в борьбе с терроризмом во всех случаях необходимо выявлять международные связи террористов.

При рассмотрении дел о терроризме необходимо особо изучать вопрос о вдохновителях, организаторах не только конкретных действий, но и создания террористической организации. Для координации борьбы с терроризмом в международном масштабе это имеет важное значение. В тех случаях, когда в качестве организатора выявлено официальное учреждение какой-либо страны, входящей в ООН, следствием могут быть

политические, экономические, дипломатические акции против такого государства, попустительствующего терроризму. Вслед за этим может встать вопрос и о привлечении к уголовной ответственности дополнительно выявленных участников террористических организаций и групп.

Субъективная характеристика терроризма. Это преступление всегда умышленное, совершаемое с прямым умыслом. При этом умысел террористов отличается от умысла на убийство. Если в случае убийства имеются две стороны: преступник и жертва, то в акте терроризма есть и третья: органы власти и (или) общественность. По сути дела, сама жертва террористов может и не особенно интересоваться: их цель - возбуждение общественного внимания, запугивание населения и представителей власти, пропаганда своих политических или иных воззрений. В связи с безразличием к жертвам со стороны террористов часты проявления особой жестокости, пренебрежения к положению жертв и к тому обстоятельству, что при актах терроризма гибнут случайные люди. Нет и сожаления по поводу массовости жертв, особенно если при этом достигнут большой "пропагандистский" эффект, которому зачастую вольно или невольно, в погоне за сенсацией содействуют средства массовой информации. Мотивы терроризма могут быть весьма разнообразны.

Некоторые авторы стремились доказать, что у террористов нет политических мотивов, что они — "чистые" уголовники, и мотивы совершения ими преступлений — насилие, нажива, месть и т. д. Между тем ныне терроризм в значительной части превратился в политический феномен и мотивы совершения террористических акций тоже в значительной части политические. Конечно, среди террористов есть и уголовники, для которых политические мотивы — ширма, и ли они — оружие в руках политиков. Таким уголовником, по всей вероятности, был небезызвестный Агджа, покушавшийся на жизнь папы римского. Определенные круги из политических соображений пытались представить его террористом-политиком. В других случаях, наоборот, чтобы уменьшить ответственность террористов, их "превращают" в обычных уголовников и утверждают, что терроризм — не политическое преступление, а обычное уголовное. Это ведет к попыткам "вывести" терроризм из числа международных преступлений.

Специалисты по уголовному праву и криминологии в последнее время стали заниматься изучением *личности* террористов, признаков субъектов этого преступления, что помогает лучше понять причины терроризма, его истоки, общую обстановку, в которой формируется личность, вставшая на путь терроризма.

В 1996 г. в США был арестован университетский профессор математики Т. Казински. Он оказался тем легендарным террористом, который в течение 18 лет держал в страхе всю Америку. По всей стране он рассылал взрывчатые устройства, от которых пострадали десятки людей. Основными объектами его действий были университеты, авиакомпании, ученые-компьютерщики и владельцы компьютерных магазинов. Его целью было "изменить направленность" человеческого прогресса, доказать губительность выбранного индустриальными странами пути, опасность урбанизации, научно-технической революции. Под угрозой новых взрывов он принудил центральные газеты "Нью-Йорк тайме" и "Вашингтон пост" опубликовать свой манифест, в котором излагались эти взгляды.

Ученые Д. Хаббард и Г. Тоха изучали террористов из организации "Черный сентябрь". Был сделан вывод, что это фанатично настроенные личности, готовые на любые жестокости, не исключая жестокости и по отношению к самим себе. Канадский психиатр Г. Морф в результате исследования пришел к выводу, что терроризм процветает

вследствие раздутой вокруг него рекламы, что террористы прежде всего стремятся к успеху, особенно связанному с устрашением не только граждан, но и правительств. Наблюдение верное, но достаточно поверхностное. Конечно, такие внешние черты как стремление к известности, скандалу действительно в большинстве случаев сопутствуют терроризму, входят составной частью в мотивацию поведения террористов, но только в самую элементарную ее часть. Те, кто выступает в качестве конкретных исполнителей, могут даже не знать об истинных целях и задачах, стоящих перед организацией, членами которой являются.

Если же в мотивах действий террористов, в личности террористов и истоках ее формирования разобраться глубже, то нужно исходить из сущности этого деяния, имея в виду прежде всего, что терроризм служит достижению самых низменных, антидемократических, антигуманных целей. Это — одна из наиболее актуальных научных проблем современности, в том числе для ученых России, стран СНГ.

Следует ограничивать терроризм как от вытекающих из него некоторых конкретных преступных деяний (угон самолетов, посягательства на дипломатических представителей и лиц, пользующихся международной защитой, захват заложников), так и от отдельных актов насилия, по формальным признакам совпадающих с объективной характеристикой терроризма. Такие действия могут квалифицироваться как *однократный* террористический акт (такой состав преступления имеется в уголовном законодательстве многих государств) либо как иное насильственное преступление (например, убийство, уничтожение имущества и т. д.). В подобных случаях первостепенное значение для ответственности имеет установление форм вины и мотивов преступления.

9. НАЕМНИЧЕСТВО

Международным преступлением следует считать и *наемничество*. Известен судебный процесс над наемниками, проведенный в Анголе. В открытом судебном процессе, в присутствии представителей прессы многих стран наемники были осуждены за ведение агрессивной войны и зверства, чинимые против мирного населения⁹⁰[1].

Как было установлено, наемники действовали и во время войны в Чечне. Это были люди из различных мусульманских стран, в том числе из некоторых государств СНГ, а также из Балтии. Некоторые из них участвовали в боевых действиях в качестве снайперов; на их совести — жизни многих российских солдат.

Субъекты преступления - наемники (отсюда и их название), т. е. это платные солдаты, нанятые для участия в агрессивных войнах. Для них во многих случаях заранее устанавливается "ценник" за преступления. Общественная опасность наемничества не только в том, что наемники, выполняя политическую волю нанимателей, убивают, насилюют, грабят и т. д., т. е. совершают уголовные преступления, ставшие вследствие объективной характеристики наемничества международными, но и в том, что воспитывается слой людей, для которых убийства и другие преступления становятся профессией (см. ст. 47 Дополнительного протокола 1997 г. о международном вооруженном конфликте к Женевским конвенциям 1949 г. о защите жертв войны).

Между террористами и наемниками как личностями в их социально-психологической характеристике немало сходства. Их способ действий сопряжен с насилием над другими людьми, действия жестоки и циничны.

Наемники должны подвергаться суровым наказаниям как за самые тяжкие насильственные преступления. Пока это дело в основном национальных законодателей и судов. Такой подход закреплен и в международном уголовном праве. Есть немало международно-правовых документов, в которых прямо указывается, что наемничество — международное преступление, а наемники должны караться как тяжкие уголовные преступники. На международной дипломатической конференции по гуманитарному праву (1977 г.) был подписан ряд важных документов, в том числе два Дополнительных протокола к Женевским конвенциям 1949 г. о защите жертв войны. Там, в частности, записано, что наемник не имеет прав комбатанта, а является военным преступником и подлежит уголовному наказанию (ст. 47 Протокола I).

По объективным характеристикам наемничество впитывает в себя все то, что в международных преступлениях связано с насилием, а субъект наемничества — специальный субъект — практически уравнивается с военным преступником. Мотивы преступления не влияют на его состав. Здесь главное, что человек сознательно поступает в наемники, осознанно убивает, грабит, насилует и получает за это денежное вознаграждение.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ

ГЛАВА II ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Преступления международного характера — это деяния, предусмотренные международными договорами, не относящиеся к преступлениям против человечества, мира и безопасности, но посягающие на нормальные отношения между государствами, наносящие ущерб мирному сотрудничеству в различных областях отношений (экономической, социально-культурной, имущественной и т. п.), а также организациям и гражданам, наказуемые либо согласно нормам, установленным в международных договорах, либо согласно нормам национального уголовного законодательства в соответствии с этими договорами.

1. УГОН САМОЛЕТОВ

Этот вид преступления международного характера "вырос" из терроризма. Когда будет достигнута договоренность о значении понятия "терроризм", возможно, эти преступления можно будет квалифицировать как терроризм либо по совокупности преступлений. Как преступление угон самолетов имеет свои особенности и представляет повышенную общественную опасность для нормального сотрудничества между государствами, для жизни многих людей, даже не будучи актом терроризма. Преступление это умышленное. Мотивы действий угонщиков могут быть весьма разнообразными. Вот почему встал вопрос о выделении такой преступной деятельности в самостоятельный вид.

В целях более точного словоупотребления следует говорить, собственно, об угоне не самолетов, а "воздушных судов". Дело в том, что угоняются самые разнообразные летательные аппараты: самолеты, вертолеты, дельтапланы, воздушные шары и др., причем

независимо от формы собственности (государственные или частные) и целевого назначения (пассажирские, транспортные, санитарные и др.).

Швейцарский журнал "Интервиа" выделяет три группы преступников, совершающих угоны самолетов. Первая — преступники, которые угоняют самолеты, угрожают экипажу и пассажирам, заставляют пилотов менять курс, спасаясь от властей, преследующих их за совершение других преступлений, либо от "собратьев-преступников". Сюда же относятся лица, по другим причинам стремящиеся незаконно покинуть страну.

Вторая — преступники, совершающие угон самолета с целью получения выкупа. Этот выкуп преступники могут требовать либо от конкретного пассажира или другого лица, обладающего нужной им суммой денег, либо от государства, организации, учреждения. Подобный вид преступления — "усовершенствованное" в век научно-технического прогресса вымогательство, издавна известное уголовному праву. В данном случае угон самолета может сочетаться с другим преступлением международного характера — захватом заложников.

Третья — преступники, совершающие угон самолета с целью спровоцировать международный конфликт или межгосударственные осложнения. Это преступление может быть разновидностью международного терроризма. Угон самолета совершается обычно после того, как какой-либо вопрос отношений между государствами не удастся решить мирным путем. Угон становится средством давления на государство или провокации конфликта.

В борьбе с этими преступлениями особо важное значение имеет Монреальская конвенция 1971 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации. В этой Конвенции (как и в Гаагской конвенции 1970 г.) законодатель стремится не только регламентировать ответственность за преступные действия, но и предупредить их, не оставляя безнаказанными не только сам угон воздушного судна, но и случаи сообщения заведомо ложных сведений о каких-либо обстоятельствах или возможных действиях, либо о наличии устройств или веществ, могущих причинить ущерб воздушному судну либо его экипажу и пассажирам⁹¹[1].

В юридическом плане состав этого преступления разработан достаточно четко, что позволяет при наличии доброй воли государств вести эффективную борьбу с угоном воздушных судов. Но далеко не всегда официальные власти реализуют эту возможность.

К указанным преступлениям примыкают преступления, совершенные на борту воздушного судна.

Первым законодательным актом, установившим ответственность за преступления, совершенные на борту воздушного судна, была Токийская конвенция 1963 г.⁹²[2] В ней лишь обозначены в общей форме те действия, которые должны считаться преступными. Последующее развитие отношений в мире показало ее неполноту, ибо появились столь опасные преступления как захват и угон самолетов, терроризм. Преступные действия, совершаемые на борту воздушного судна в условиях, когда создается угроза для жизни многих людей, свидетельствуют о повышенной их опасности.

Конвенция исключает из сферы своего действия так называемые преступления политического характера, а также связанные с расовой или религиозной дискриминацией. Однако возможно принятие мер, чтобы обеспечить безопасность судна, лиц и имущества, находящихся на борту (ст. 2.). Из этого можно сделать вывод, что общеуголовные преступления, хотя бы совершенные по политическим мотивам, подпадают под состав указанного преступления.

В Конвенции немало юридически неточных формулировок, оставляющих открытыми многие вопросы. Если исходить из ее текста, то преступники на борту воздушного судна могут быть привлечены к ответственности практически за любое преступление против личности, связанное с насилием, посягательством на имущество, нарушением общественного порядка или правил полетов, если их действия представляют угрозу жизни, здоровью и имуществу пассажиров или экипажа.

Из п. 1 ст. II можно сделать вывод, что преступным признается не только оконченное деяние либо покушение на него, но даже наличие одного только умысла на его совершение. Это положение не согласуется с основополагающими принципами уголовного права.

Анализ текстов последующих соглашений, в которых говорится о конкретных видах преступлений (объективной их стороне), совершаемых на борту воздушного судна, позволяет выделить следующие⁹³[3]:

- а) совершение актов насилия в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна в полете, если это деяние может угрожать безопасности судна;
- б) уничтожение воздушного судна или нанесение ему повреждения, которое делает судно неспособным к полету или может угрожать безопасности полета;
- в) помещение в воздушном судне каких-либо веществ или предметов, которые могут уничтожить это судно или повредить его;
- г) уничтожение или повреждение оборудования воздушного судна или нарушение его работы;
- д) передача неправильной информации, угрожающей воздушному судну в полете.

Конвенция дает толкование употребляемых терминов. Это имеет важное значение для выработки четких формулировок национальных уголовных законов, ибо, помимо общих принципов, на основе которых строится и формулируется уголовный закон, необходимо учитывать специфику тех общественных отношений, которые ставятся под его защиту. Этот вид преступления и ответственность за него необходимо отграничивать от других подобных преступлений прежде всего по субъективной стороне преступления, мотиву и целям. Если нет террористической цели угона самолета, то ответственность лиц, совершивших это преступление, устанавливается по данной норме закона. Разумеется, необходимо, чтобы наказание носило конкретный характер.

Если совершен угон самолета, а в процессе его происходили и другие преступные акции на борту воздушного судна (убийства, насилие и т. д.), тогда речь должна идти о совокупности преступлений. Если же преступления — составная часть террористического

---

⁹³ См. также: Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против жизни и здоровья государственных и общественных деятелей, в том числе должностных лиц (1973 г.).

акта, то дополнительной квалификации не требуется, поскольку террористический акт включает в себя любые, вплоть до убийств, действия, совершенные на борту воздушного судна.

Под действие Конвенции подпадают преступления на самолетах, совершающих международные или внутригосударственные рейсы. Преступления, связанные с уничтожением или повреждением оборудования самолета, подпадают под действие Конвенции лишь в случае совершения самолетом международного рейса.

2. ЗАХВАТ ЗАЛОЖНИКОВ

Это преступление, существующее с давних времен, в последнее десятилетие стало распространенным и приобрело повышенную общественную опасность. Захват заложников применяется в политических целях, например для давления на правительство; при совершении других преступлений, таких как захват воздушного или морского судна; для побега за границу, получения денежного выкупа и иных целей.

Захват заложников в последние годы получил в нашей стране широкое распространение, в первую очередь — в Чечне и других регионах Северного Кавказа. Там он стал, по сути дела, формой преступного бизнеса: государственные органы, частные фирмы или родственники заложников платят огромные деньги за выкуп своих сотрудников, друзей и близких.

Постепенно эта форма преступной деятельности стала распространяться по стране, появилась она и в Москве. В 1996 — 1997 гг. ежегодно в столице совершается до 200 актов захвата заложников ради выкупа. К сожалению, противодействие этим актам со стороны правоохранительных органов пока малоэффективно, да и политика по отношению к захватчикам заложников четко все еще не определена. Достаточно напомнить, с одной стороны, решительные, но плохо продуманные действия по освобождению заложников в Буденновске, повлекшие большие жертвы, и, с другой стороны, "мирный" выкуп журналистов в Чечне, при котором преступники, ничуть не пострадав, получали громадные деньги.

В уголовном законодательстве многих стран, прямо не предусматривавшем захват заложников, и ранее существовали составы преступлений, фактически поглощавшие этот состав или близкие к нему. Например, в России в уголовном кодексе был раньше и теперь имеется состав незаконного лишения свободы. Однако общественная опасность захвата заложников несравнимо выше чем в упомянутом случае.

При захвате заложников страдают, как правило, несколько или множество лиц. Преступление вызывает большой общественный резонанс, серьезно нарушает нормальную деятельность государственных органов, может закончиться гибелью людей и другими тяжелыми последствиями. Особенно опасны случаи захвата в качестве заложников женщин и детей, что неоднократно имело место в последние годы в нашей стране (Северный Кавказ).

Когда в 70 — 80-е годы в СССР участились случаи угона самолетов, связанного с захватом заложников, оба преступления рассматривались как единое целое. Дальнейшее развитие событий показало, что это разные составы. Угон самолета возможен в "чистом виде" такие случаи имели место. Вместе с тем захват заложников может быть не связан с завладением какими-либо транспортными средствами. Характерные признаки объективной стороны этого преступления — удержание (лишение свободы передвижения)

одного или нескольких лиц при предъявлении им, их родным и близким либо представителям власти тех или иных требований. Если к заложникам применяются насилие, угрозы, пытки, то налицо совокупность преступлений. Так же обстоит дело с убийством заложников или причинением ущерба имуществу.

Как и многие другие преступления международного характера, захват заложников может быть и сугубо внутренним делом государства, а в некоторых случаях – выходить в "межгосударственное пространство". Последнее происходит тогда, когда заложники - иностранные граждане либо захватчики предъявляют требования, выходящие за рамки внутреннего правового регулирования (например, предоставить им самолет для вылета за рубеж, освободить их соучастников за границей и т. п.). Международное сотрудничество в борьбе с захватом заложников становится в последнее время все более актуальным, особенно на территории стран СНГ, где это преступление стало совершаться чуть ли не регулярно.

Международно-правовые документы по борьбе с захватом заложников стали разрабатываться в конце 70-х годов. В декабре 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Международную конвенцию о борьбе с захватом заложников. Наша страна присоединилась к ней в 1987 г.⁹⁴[1]

Тогда же в СССР был принят Указ "Об уголовной ответственности за захват заложников" и уголовные кодексы союзных республик дополнены соответствующей статьей.

В настоящее время в Уголовный кодекс РФ включена статья о захвате заложников, предусматривающая в качестве наказания за эти преступления длительные сроки лишения свободы.

3. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЦ, ПОЛЬЗУЮЩИХСЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТОЙ

Преступлением международного характера, близким к преступлениям, рассмотренным выше, в частности к терроризму, является *посягательство на дипломатических агентов и других лиц, пользующихся международной защитой*. Это преступление "выросло" из терроризма, захвата заложников, угона самолетов. Учитывая особый статус дипломатов и лиц, пользующихся международной защитой, международное сообщество приняло решение выделить этот вид преступления в самостоятельный⁹⁵[1].

Посягательства на дипломатических представителей и лиц, пользующихся международной защитой, нередко являются делом рук различных экстремистских политических группировок. Они используются, в частности, как средство давления на какое-либо правительство с целью получить выгоды материального либо политического порядка, например вынудить обменять захваченного дипломата на какое-нибудь задержанное властями лицо.

Какими бы ни были мотивы лиц, совершающих указанное преступление, оно недопустимо в нормально функционирующем международном правопорядке. Не случайно за всю историю развития международных отношений был выработан особый статус дипломата и установлен дипломатический иммунитет. Теперь понадобились нормы международного уголовного права, ибо размах терроризма и сходных с ним преступлений, активизация

деятельности экстремистских организаций и групп, рост организованной преступности вынудили международное сообщество принимать более суровые меры борьбы с этим явлением.

Посягательства на дипломатических представителей и лиц, пользующихся международной защитой, могут быть и актом мести за действительный или мнимый ущерб. Но большей частью они имеют политический характер.

4. ПИРАТСТВО

Борьба с пиратством регулируется Женевской конвенцией об открытом море 1958 г. и Международной морской конвенцией 1982 г. До их принятия пиратство уже считалось преступлением по международному обычному праву, но толковалось оно по-разному.

В соответствии с Конвенциями, пиратством признается любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частного судна или летательного аппарата и направленный в открытом море или в другом месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства – против другого судна или летательного аппарата или против находящихся на их борту лиц и имущества.

Как видно, Конвенции дают достаточно широкое определение пиратства.

Раньше пиратство было связано лишь с морем. Пираты жили на берегах морей и океанов (вспомним их живописные поселения на Адриатике, в Средиземноморье или близ Китая, Индонезии, Филиппин, Японии). Женевская конвенция 1958г. признает пиратством и нападения, совершаемые с помощью летательных аппаратов.

Пиратство, т. е. морской разбой, дезорганизовывало торговлю между государствами, наносило ущерб владельцам перевозимых грузов, от рук пиратов погибло немало людей. В прежние времена пираты нередко действовали в сговоре с работоторговцами. Ныне они вступают в контакты с торговцами оружием, чем способствуют разжиганию конфликтов и локальных войн. В качестве пиратов всегда выступали владельцы частных судов. Это — отличительный признак пиратства как преступления. В то же время надо иметь в виду, что пиратов нередко поддерживали правительства многих стран, например Англии, которая отнюдь не без их помощи завоевала славу "владычицы морей". Один из самых легендарных пиратов, капитан Дрейк, "дослужился" до высших знаков отличия английского королевства.

Истории известны случаи, когда военные суда различных государств занимались морским разбоем, например до и во время второй мировой войны суда немецкого и итальянского фашистских флотов. В 1937 г., как реакция на эти разбойные нападения, было подписано Лионское соглашение, установившее, что нападение на нейтральное судно должно рассматриваться как пиратство. Именно тогда государства договорились распространить принципы этого Соглашения на нападения, совершенные подводными судами и самолетами. Однако Соглашение не получило всеобщего одобрения, да и из текста его не очень ясно, какие именно суда (самолеты) должны признаваться пиратствующими.

Представляется, что действие военных судов, принадлежащих флотам государств, не следует приравнивать к пиратству. Такие действия могут оказаться, например, актом агрессии со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В подобных случаях государства должны нести политическую, материальную, дипломатическую ответственность, а конкретные виновники преступлений — уголовную. Следует иметь в виду, что пиратство — не обычное уголовное преступление, а преступление международного характера.

Женевская конвенция 1958 г. признает пиратством "любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа". Однако на практике и в литературе *объективные характеристики* преступления рассматриваются гораздо шире.

Способами совершения пиратства считают, помимо того, что указано в Женевском соглашении, потопление судна, обстрел, бомбардировку с воздуха, убийство членов экипажа или пассажиров подвергнувшегося нападению корабля. Пиратство — это и сам факт неправомерного задержания судна и находящихся на нем людей, главным образом с целью грабежа. Здесь возникает вопрос: достаточно ли точно в Конвенции, Соглашении и на практике трактуется пиратство, не имеем ли мы дело с расширительным толкованием этого преступления? Например, в случае, когда пиратством признается бомбардировка с воздуха.

Чего достигает (или хочет достичь) "пират", когда совершает налет на какой-либо объект с воздуха и уничтожает его? Сходство с классическим понятием пиратства лишь в том, что действие происходит в открытом море. Ну, а если на суше? На наш взгляд, такие действия пиратством не являются. Действия преступников, уничтожающих корабль и людей, на нем находящихся, путем налета с воздуха, следует квалифицировать как террористический акт.

По сложившейся практике ответственность за пиратство наступает по нормам национальных уголовных законов. Но не все страны ввели этот состав в свое законодательство. В таких случаях они могут преследовать пиратов по статьям, предусматривающим ответственность за разбой, бандитизм, убийство и т. д. Однако с позиций уголовного права гораздо точнее закрепить в законодательстве *самостоятельный состав* преступления пиратство.

В новом Уголовном кодексе (УК) РФ имеется статья о пиратстве (227). Однако ее диспозиция сформулирована несколько иначе, чем определение пиратства в Конвенциях. Так, она говорит о нападениях только на морское или речное судно, не упоминая о летательных аппаратах. Вместе с тем она не называет субъектов пиратства. Это дает основание полагать, что возможно нападение на корабль не только с моря, но и с суши, и с воздуха.

Субъектом пиратства должно быть частное лицо. Ответственность по законодательству любой страны несет в равной степени как гражданин этой страны, так и иностранец.

5. КОНТРАБАНДА

Рассмотрим еще один вид преступления международного характера, который может быть связан с рассмотренными выше. Это - *контрабанда*, включая контрабанду оружием.

Контрабанда — давно известный человечеству преступный промысел. Она наносит ущерб правопорядку, установленному государствами в области международной торговли, экономическим отношениям как внутри, так и во вне государства, нарушает государственный суверенитет.

Под контрабандой в уголовном праве понимается незаконное перемещение каких-либо предметов, товаров или ценностей через границы государства. Национальному законодательству всех стран известен этот состав преступления. Обычно предусматривается простая контрабанда и контрабанда, отягченная квалифицирующими признаками (в крупных размерах, совершаемая организованными преступными группами, с применением оружия и т.п.).

В новом УК РФ состав контрабанды предусматривает два обязательных признака: крупный размер незаконно перемещаемых через границу товаров или иных предметов и сокрытие их от таможенного контроля, в том числе путем обманного использования документов или недостоверного декларирования перевозимых предметов. Если же через границу перемещаются наркотики, психотропные, сильнодействующие, ядовитые, отравляющие, радиоактивные или взрывчатые вещества, а равно оружие, боеприпасы или материалы и оборудование для создания средств массового поражения, либо стратегически важные сырьевые товары и культурные ценности, то мера наказания существенно ужесточается.

К сожалению, контрабанда за последние годы получила чрезвычайно широкое распространение. Этому способствовали упрощение выездов за рубеж, расширение международных связей, ликвидация монополии внешней торговли.

Корыстная цель, стремление извлечь выгоду из преступных операций составляют неотъемлемые черты контрабанды. Для современного положения многих стран, особенно в связи с чрезвычайно широким размахом незаконной торговли и контрабанды оружия, это занятие стало родом бизнеса, если не легального, то такого, который многие полицейские службы стараются "не замечать", ибо в этом бизнесе нередко участвуют люди, занимающие весьма заметное положение в обществе. Контрабанда наносит серьезный ущерб правопорядку в сфере международной торговли. Контрабанда оружия создает напряженность во многих регионах, ибо контрабандисты снабжают оружием противоборствующие политические группировки, не говоря уже об уголовных преступниках, мафии. Контрабанда цветных, редких металлов и т.п. наносит ущерб экономике страны, из которой похищаются и перевозятся через границу эти металлы или полуфабрикаты изделий из них. Субъекты контрабанды – частные лица, но за их спиной могут стоять государственные или коммерческие структуры, что обязано выявлять правоохранительные органы.

Особую опасность представляет организованная контрабанда. Те, кто ею руководит, изучают экономическое положение в различных странах и регионах, устанавливают преступные связи с таможенной службой, используют сотрудников транспортных служб, подкупают служащих полиции.

Сравнительно недавно, используя бедственное положение с рисом в районе Бангладеш и прилегающих к ней государств, контрабандисты практически дезорганизовали усилия правительства этого региона по снабжению населения рисом. Прибыль, полученная ими, достигла многих миллионов долларов. Контрабанда риса была организована во много раз лучше чем торговля официальным путем. Мы приводим этот пример для того чтобы показать огромную опасность контрабанды для государств и необходимость международного сотрудничества в борьбе с ней. Контрабанда идет по суше, морю и воздуху, нередко – под вооруженным конвоем.

В 1975 г. контрабандисты вывезли из Аргентины за границу товаров больше чем при нормальном экспорте. Стоимость вывезенных товаров оценивалась в 2,5 млрд долл. И это

при бедственном экономическом положении страны в тот период и огромных внешних долгах.

В условиях экономического кризиса контрабанда может быть следствием и других преступлений, в частности краж. В Западной Европе, например, где проезд через границы многих государств осуществляется без особого пограничного контроля (особенно на автомашинах), нередко совершались кражи для последующей контрабанды товаров в другие страны. Во всех европейских странах отмечается рост числа краж автомашин, груженых различными товарами, которые организованные преступные группы контрабандистов, похищая в одной стране, сбывают в другой.

В конце 70-х годов в Индии был арестован некий Чандо Нахад, слывший бизнесменом. Создав разветвленную сеть агентов, используя похищенные бланки документов резервного банка Индии, он переводил крупные суммы государственных средств в иностранной валюте в банки США, Швейцарии, Гонконга. Там эти деньги обращались в золото, которое тайно перевозилось в Индию и сбывалось по спекулятивным ценам. Эти контрабандисты имели свой флот и вооруженные отряды.

Из бывшего Союза в Эстонию рекой потекли металлы, сделавшие эту новую суверенную страну, не производящую и не добывающую их, чуть ли не первым их экспортером в мире, а России был нанесен непоправимый ущерб.

Современные модификации контрабанды разнообразны. Преступники причастны и к финансовым махинациям, и к разграблению национально-культурного достояния, и к другим преступлениям. Вряд ли без контрабандистов в современном мире могут обойтись торговцы оружием, да и сама по себе контрабанда оружия стала одним из наиболее прибыльных видов преступного бизнеса. Все это делает контрабанду одним из самых опасных преступлений международного характера.

6. РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАРКОМАНИИ И НЕЗАКОННАЯ ТОРГОВЛЯ НАРКОТИКАМИ

Следующее преступление международного характера – распространение *наркомании и незаконная торговля наркотиками*. Это преступление состоит из двух элементов. Строго говоря, следовало бы иметь две статьи, ибо торговля наркотиками входит в понятие "распространение наркомании", но последняя не всегда связана с торговлей, ибо распространять наркотики можно и иными путями. Однако в условиях усиления борьбы с этим злом в международном масштабе соединение двух составов в одно сложное преступление можно признать допустимым.

Общее понятие "наркотическое вещество" является собирательным. Оно может включать как само вещество, так и его препарат - смесь в любом виде, содержащую одно или несколько наркотических или психотропных веществ, независимо от того, изготовлена ли она промышленным либо кустарным способом. Важно, чтобы название этих веществ было предусмотрено в списке наркотических средств, изданном Постоянным комитетом по контролю наркотиков при Министерстве здравоохранения РФ (последняя редакция - 1995 г.).

В России, ранее почти не знавшей наркотиков, это зло современного мира распространяется теперь катастрофически быстрыми темпами. Главный источник страны Востока, в том числе и расположенные в Центральной Азии государства СНГ, с которыми у России практически прозрачные границы. Кроме того, стали использоваться не только

природные, но и синтетические вещества, которые производятся и распространяются через сеть фармакологических учреждений по всей стране.

Распространение наркомании и незаконная торговля наркотиками наносят, если не прямо, то косвенно, ущерб отношениям между государствами. Нельзя игнорировать и то обстоятельство, что эти преступления нередко совершаются при попустительстве либо с благоволения некоторых правительств (вспомним историю с лидером Панамы генералом Норьегой). Доходы от торговли наркотиками подчас составляют статью в бюджете страны. В 1975 г. президент Колумбии обвинил правительство США в том, что они превратили территорию Колумбии в перевалочную базу для поставок наркотиков. Было установлено, что правительство США продавало частным лицам устаревшие самолеты, которые затем использовались для перевозки наркотиков. Западная пресса писала о том, что торговля наркотиками - составная часть бюджета Кубы (официальные круги Кубы отрицали это, о чем заявил Ф. Кастро на Конференции ООН по предупреждению преступности, состоявшейся в Гаване в 1991 г.). В общем, правительствам многих стран есть над чем задуматься, ибо наркомания распространяется по миру все более стремительно, как растет и число наживших огромное богатство на этом бизнесе-преступлении.

Сбыт наркотиков в современных условиях осуществляется через поставщиков, посредников, крупных и мелких торговцев, агентов по распространению и т. д. "Осколки" преступного бизнеса - различные мелкие спекулянты и торговцы наркотиками - это как бы отражение основного преступления. Хотя этих мелких распространителей зла не так уж мало в современном мире, не они определяют опасность преступления и делают его преступлением международного характера. Наибольшую опасность для международного общения представляют организованное распространение наркомании и торговля наркотиками.

Законодательство по борьбе с наркоманией — как национальное, так и международное — складывалось постепенно. Вопрос об объективных характеристиках этого преступления и о его наказуемости решался неоднозначно. Причем в свете достижения науки, как правовой, так и медицинской, на наш взгляд, — не всегда правильно.

Развитие законодательства шло по линии установления: а) уголовно-правовых мер ответственности за продажу и потребление наркотиков; б) мер административно-правового принуждения и в) мер медицинского характера.

Все попытки избавиться от зла путем запрета потреблять наркотики оказались наименее эффективными. Несмотря на запреты, эпидемия наркомании стремительно распространялась по земному шару.

Международно-правовая борьба с наркоманией основывается на двух документах: Конвенции о запрещении незаконной торговли наркотическими средствами (1936 г.) и Единой конвенции о наркотических средствах (1961 г.).

Для характеристики объективной стороны такого преступления особое значение имеет ст. 36 Единой конвенции 1961 г. В ней говорится о наказуемости культивирования, производства, изготовления, извлечения, приготовления, хранения, предложения с коммерческими целями, распределения, покупки, продажи, доставки на любых условиях, маклерства, отправки, переотправки транзитом, перевоза, ввоза и вывоза наркотических средств, произведенных в нарушение постановлений Конвенции.

Не трудно заметить, сколь широк круг деяний, подлежащих наказанию. Все положения ст. 36 Конвенции, конечно, нуждаются в толковании и разъяснении, поскольку каждый из названных способов самостоятелен по своим объективным характеристикам. В национальных законодательствах это проявляется в различии наказаний.

Под культивированием наркотиков Конвенция, например, понимает выращивание опийного мака, кустов коки или каннабиса; под ввозом и вывозом - передачу наркотиков из одного государства в другое или с одной территории государства на другую; под изготовлением понимаются все иные, кроме производства, процессы, с помощью которых могут быть получены наркотические вещества, включая очищение и преобразование одних веществ в другие и т. д.

Некоторые термины, встречающиеся в Конвенции, разъяснения не получили. Впрочем, в практике государств, предусматривающих ответственность за это преступление, особых трудностей с формулированием составов преступлений не возникает. Конвенция, давая принципиальные установки, не считает предлагаемый перечень преступлений исчерпывающим, предоставляя право устанавливать наказуемость за другие деяния. В п. 4 ст. 36 прямо говорится, что конкретные составы преступлений, связанных с наркотиками, — прерогатива внутреннего национального законодательства.

Классификация этих составов позволяет выделить группы, связанные с: а) производством наркотиков; б) куплей и продажей их; в) транспортировкой наркотиков; г) их потреблением.

Пожалуй, ни за одно из преступлений международного характера в национальных законодательствах нет столь подробно разработанной системы наказаний, как за эти преступления, но нет и наказаний, столь разных по своей суровости: от смертной казни до административных штрафов.

Приведем некоторые примеры из национальных законодательств. В Гонконге — регионе, особенно пораженном наркобизнесом, — пожизненное заключение назначается лицам, уличенным в торговле одним из 97 видов наркотиков, а также в посредничестве, изготовлении наркотиков или владении ими в целях торговли. До 15 лет лишения свободы может быть назначено наказание за подготовку к торговле наркотиками или за участие в импорте-экспорте наркотического сырья, а также за руководство или участие в консорциумах, занимающихся импортом-экспортом. До 10 лет лишения свободы назначается другим соучастникам преступлений, связанным с торговлей наркотиками, и до 3 лет — виновным во владении наркотиками или их потреблении.

В Сингапуре только за хранение более чем 16 г героина или 30 г морфия предусматривается смертная казнь. В Индонезии за наиболее тяжкие преступления, связанные с наркотиками, предусмотрены следующие наказания: смертная казнь, лишение свободы на срок до 20 лет и штраф на сумму 200 тыс. долл.

Согласно УК Японии, подлежат наказанию ввоз, изготовление, продажа, хранение с целью продажи опиума, а также приборов, служащих для курения опиума, само курение опиума, предоставление помещения для курения. Наказание — каторжные работы на различные сроки.

В разных странах Европы вопросы ответственности решены также неоднозначно. В Голландии наказание за торговлю наркотиками внутри страны карается лишением свободы на срок до 8 лет, а за международную торговлю — до 12. В ряде американских

штатов за тяжкие виды торговли наркотиками, их организованную продажу предусматривается смертная казнь или до 20 лет каторги. Другие, менее тяжкие виды преступлений, связанные с наркотиками, в том числе их потребление, караются длительными сроками лишения свободы.

В ряде стран создаются правительственные программы борьбы с наркотизмом. Изучение практики борьбы с этим явлением в США показало, что полицейскими мерами можно изъять примерно 10% находящихся в обороте наркотиков. Этого крайне мало. Разрабатываемые программы расширяют круг мероприятий, направленных на борьбу с этим злом. Американские полицейские, например, стали читать лекции школьникам о вреде наркомании. В эту деятельность включилась и общественность. Значительный эффект дало гражданское патрулирование в местах распространения наркотиков (на стадионах, дискотеках, в закусочных и др.). Вооруженные видеокамерами граждане постепенно вытеснили торговцев "белой смертью" с улиц большинства американских городов. Так, если в 1974 г. 23% подростков употребляли марихуану, то в 1992 г. эта цифра снизилась до 10,6%. В отношении кокаина — уменьшение с 3,6 до 1,7%, а героина с 1 до 0,2%.

В 1993 г. администрация Клинтона приняла новый план борьбы с наркоманией, предусматривающий увеличение числа полицейских патрулей, повышение мер наказания и развития системы медицинского лечения наркоманов, в том числе попавших в тюрьму. На его реализацию отпущены большие средства.

Озабоченные размахом распространения наркотизма, многие западные законодатели и ученые считают, что нужно декриминализовать некоторые деяния, связанные с наркотиками, вплоть до того, чтобы за хранение марихуаны назначать не более тяжкие наказания чем за нарушение правил уличного движения. Гуманность, конечно, должна приветствоваться, но уж если к кому и проявлять гуманность, то прежде всего — к потребителям, которых в первую очередь нужно лечить, в том числе и принудительно.

На позициях гуманности по отношению к потребителям стоит и уголовное законодательство России, в котором, например, потребителей, впервые уличенных в потреблении наркотиков, в уголовном порядке не преследуют, — лишь в административном, и с применением принудительного лечения и социально-профилактических мер. В то же время распространители наркотиков, организаторы торговли караются лишением свободы до 15 лет. В ряде стран СНГ (Узбекистан, Туркменистан и некоторые другие) существует уголовная ответственность и для потребителей. Законодательство в этих республиках было принято давно и несет в себе идеи 30-х годов. Очевидно, что необходимо выработать единое законодательство и найти эффективные способы борьбы с распространением наркомании как социальным злом. Следует также определить, в каком случае нужно применять уголовное наказание, а в каком — меры медицинского характера (в том числе принудительные), ибо очевидно, что с помощью уголовных наказаний в тех случаях, когда наркомания стала болезнью, ее не вылечить. Но бездумная декриминализация может принести только вред.

7. ПОДДЕЛКА ДЕНЕГ И ЦЕННЫХ БУМАГ

Фальшивомонетничество всегда относилось внутригосударственным уголовным законодательством к тяжким преступлениям, ибо оно наносит ущерб экономике и финансовым отношениям. С тех пор как в человеческом обществе натуральный

товарообмен был заменен денежным, появилось фальшивомонетничество. Впрочем, подделка предметов, служивших мерилем ценности обмениваемых товаров либо иных предметов, имела место и раньше. Большой размах подделка денег получила тогда, когда в оборот были широко пущены благородные металлы.

Войны между государствами нередко сопровождались стремлением нанести ущерб экономике противника. Одним из методов был выпуск фальшивых денег. В период подготовки Наполеоном I нападения на Россию миллионами печатались фальшивые русские ассигнации. Точно так же поступал Гитлер, готовясь к вторжению в СССР. Сегодня мы констатируем, что фальшивомонетничество используется определенными силами для подрыва экономики многих стран. По материалам Интерпола, начиная с конца 60-х годов полиция нередко обнаруживала на мировом рынке поддельные деньги 20 — 25 стран. В 1992 г. была найдена большая партия фальшивых долларов, подготовленная для отправки в Россию и другие страны СНГ.

Когда американцы объявили в 1997 г. о замене пятидесятидолларовых купюр, на рынке в Москве сразу появились такие поддельные банкноты, хотя еще ни одной новой подлинной купюры указанного достоинства в Россию привезено не было.

Большое количество денег (российских и иностранных) подделывается в ближнем и дальнем зарубежье и затем переправляется в российские города, в основном - в глубинку, где их проще сбыть. Этому способствует открытость границ между большинством стран СНГ и недостаточный контроль на западных и восточных границах дальнего зарубежья. Что же касается техники подделки денег и ценных бумаг, то теперь, с изобретением цветных копировальных аппаратов, она стала достаточно простой.

Западные криминологи, исследующие эту проблему, пришли к выводу, что в области фальшивомонетничества и подделки ценных бумаг действуют хорошо организованные преступные группы во многих странах мира. Этот вид преступлений международного характера все более становится монополией организованной преступности. По мнению специалистов из ФРГ и Нидерландов, одно из самых распространенных преступлений экономического характера в этих странах — подделка векселей.

Законодательство в борьбе с фальшивомонетничеством было всегда весьма суровым. Первоначально это преступление рассматривалось как совершаемое частными лицами в целях наживы, не имеющее отношения к международным делам. Ныне это преступление международного характера, наносящее ущерб не только конкретному государству, но и межгосударственным отношениям, экономике международного сообщества.

Основа для принятия внутригосударственных законов о борьбе с фальшивомонетничеством и подделкой ценных бумаг (помимо внутреннего законодательства государства) - Международная конвенция по борьбе с подделкой денежных знаков, заключенная в Женеве 20 апреля 1929 г.

Ряд норм Конвенции устарел и не отвечает современному положению дел. Так, Конвенция предусматривает подделку денег и металлических монет (ст. 2), хотя наибольшее распространение ныне получила подделка бумаг типа векселей, знаков почтовой оплаты, чеков, аккредитивов и т. п.

Действующая Конвенция не предусматривает наказания за вывоз фальшивых денег за пределы государства, а только за ввоз. Очевидно, что требуются более совершенные международные акты.

Впрочем, эти недостатки корректируются национальными законодательствами. Их формулировки более точны, чем текст Конвенции 1929 г.

В уголовном законодательстве России наказуемы и вывоз, и ввоз фальшивых денег и ценных бумаг. Наказуемо изготовление поддельных денег с целью сбыта, что имеет принципиальное значение. По законам России наказуемы подделка и сбыт не только отечественных денег и ценных бумаг, но иностранных, причем тех, что находятся в обращении. Таким образом, уголовное законодательство России учитывает и внутри-, и межгосударственные интересы, чем способствует укреплению сотрудничества между государствами.

8. ЗАГРЯЗНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Одно из наиболее опасных для жизни на Земле преступлений международного характера — *загрязнение окружающей человека среды*.

Если человечество в ближайшее время не предпримет решительных действий по защите окружающей среды, то оно столкнется с последствиями, угрожающими самой жизни на Земле. Осознать это обязан каждый. Негативные процессы идут настолько стремительно, что обстановка ухудшается буквально каждый день. Незаметные для глаза отрицательные количественные накопления постепенно превращаются в качественные. Человек истребил более 150 видов животных, а тысяча видов находятся под угрозой исчезновения, идет стремительное загрязнение атмосферы, земли, вод ядерными, химическими и другими отходами от производства, ухудшается генофонд человечества, и наступают другие необратимые последствия.

Обсуждая проблемы борьбы с посягательствами в области загрязнения природной среды, Комиссия международного права ООН еще в 1979 г. в ст. 19 проекта Международной конвенции по этому вопросу отнесла к международным преступлениям массовое загрязнение морей и атмосферы.

Объективная характеристика преступных деяний, составляющих данный вид преступления, столь многоаспектна, что в полной мере ее невозможно описать. Достаточно сказать, что чуть ли не ежегодно появляются его новые виды, например вывоз в другие страны вредоносных ядерных и химических отходов для захоронения, чем занимаются развитые страны Европы и США. Втайне от населения многие места в России стали кладбищами таких отходов. Вывоз из страны вредоносных отходов для захоронения в другую страну не предусматривался ни в одном из законодательных актов, принимавшихся прежде.

По своим внешним характеристикам этот вид преступления сходен с экоцидом и биоцидом. Разграничение здесь должно происходить по признаку того, что экоцид и биоцид — преступления преимущественно военного характера, следовательно, и субъекты их - военнослужащие, в том числе руководители военных ведомств. Данное же преступление совершается в обычных мирных условиях компаниями (и их служащими), производящими смертоносные вещества.

По *субъективной характеристике* экоцид и биоцид — умышленные преступления. Загрязнение же окружающей среды может быть как умышленным, так и неосторожным. Если говорить об умысле, то чаще всего он бывает косвенным, хотя не исключается и

прямой. Неосторожность бывает в обеих формах — и самонадеянности, и небрежности. Данное преступление — яркое свидетельство того, что по своим вредным последствиям неосторожное преступление может быть несколько не менее тяжким чем умышленное, а при определенных условиях — и более. Аварии на ядерных станциях в ряде стран мира, в частности в Чернобыле, - достаточное тому подтверждение.

Наказуемость этих преступлений должна быть весьма суровой. Уголовное право в предупреждении этого преступления, безусловно, играет и должно играть важную роль.

Здесь, как нигде, видна запоздалая роль наказания. Предупреждение этих преступлений — огромная социальная проблема, жизненно важная для всего человечества. Усилия какого-то одного государства в этом плане вряд ли будут исчерпывающими.

Главными мерами, могущими защитить человечество от вырождения и гибели вследствие загрязнения окружающей среды, должны быть меры социальные, экологические, научно-технические. Уголовно-правовые санкции — лишь обеспечение этих мер. Но законодательство должно быть достаточно строгим, а практика его применения — последовательной. Законодательство должно быть столь же многогранным, сколь многогранна проблема защиты окружающей человека среды. Здесь есть место для многих отраслей права: гражданского, административного, финансового, экологического. Тем самым будет создано то правовое обеспечение, которого заслуживает экологическая проблема.

Неудовлетворительная защита окружающей среды мерами уголовного права привела к тому, что некоторые природоохранные общественные организации стали прибегать к самовольным, в том числе и противоправным, действиям. Например, американская организация защиты животных в связи с тем, что ее призывы игнорировались властями, стала уничтожать научно-исследовательские центры и лаборатории, где проводятся опыты над животными. К числу экстремистских относится и экологическая организация "Земля прежде всего".

Известная экологическая организация "Гринпис" также предпринимает подчас акты, стоящие на грани нарушения закона. Это и проникновение активистов организации в закрытые зоны, и несанкционированные митинги и т. п. Хотя благородные мотивы природоохранных общественных организаций не вызывают сомнения, их деятельность, видимо, должна быть все же синхронизирована с работой государственных и международных органов, на которых лежит основная ответственность за сохранение окружающей среды.

Между государствами заключен ряд соглашений по вопросам борьбы с загрязнением окружающей среды, есть и региональные договоры, скажем по борьбе с загрязнением Балтийского моря. Наряду с мерами общесоциальными, техническими и проч., эти соглашения сопровождаются принятием уголовных законов. Из этих отдельных актов складывается система международной уголовно-правовой защиты окружающей человека природной среды — раздел Особенной части международного права.

9. ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ НАРОДОВ

В последние два-три десятилетия человечество столкнулось с новой острой проблемой. Речь идет о различных посягательствах на национально-культурное достояние стран и народов, совершаемых в весьма широких масштабах как гражданами страны, откуда ценности похищаются, так и иностранцами. Идет интенсивный вывоз (перемещение) незаконными путями национально-культурного достояния.

Побудительные мотивы к этому различны: от ограбления музеев и частных коллекций, завладения тем, что "плохо лежит", с целью обогащения до хищения из государственных хранилищ с целью нанесения ущерба данной стране. Для многих богатых людей составление коллекций из награбленного — мода, утверждение их "престижа". Национально-культурное достояние стало разменной монетой на рынке бизнеса. Если ранее эти преступления были ограничены рамками конкретного государства, то ныне приобрели международный характер. Они грубо нарушают право государства и народа на собственное национально-культурное достояние.

Памятники истории и культуры — это объекты материальной культуры, в том числе связанные с историческими событиями в жизни народа, обладающие художественной, научной или иной культурной ценностью и зарегистрированные в государственных списках памятников истории и культуры. В РФ еще в 1978 г. был принят Закон "Об охране и использовании памятников истории и культуры", а в 1992 г. — "Основы законодательства РФ о культуре", где регламентируется порядок охраны, использования и передачи другим владельцам этих объектов. Природные комплексы, взятые под охрану государства, определены в Законе РФ "Об особо охраняемых природных территориях", принятом в 1995 г.

Объекты материальной культуры могут быть как движимыми (исторические ценности, в том числе полученные в результате археологических раскопок; художественные ценности — старинные книги, картины, музыкальные инструменты; предметы коллекционирования и др.), так и недвижимыми (здания, сооружения). Все они подлежат охране в соответствии с названными законами.

Выдающиеся деятели культуры всегда проявляли заботу о сохранении того, что создавалось веками развития цивилизации. Напомним о выдающейся роли русского художника Н.К. Рериха, явившегося инициатором принятия важнейшего международно-правового документа о защите памятников культуры от уничтожения, который получил наименование Пакта Рериха. Его проект был опубликован еще в 1929 г.

Мы не можем оставаться равнодушными к тому, как международные преступники опустошили в России хранилища памятников древнерусской культуры, в Италии и Франции — произведений эпохи Возрождения, в Латинской Америке — оставили пустыню на месте раскопок поселения ацтеков и майя, разграбили драгоценности в Индии и Египте и т. д.

ООН и ЮНЕСКО неоднократно возвращались к вопросу о защите памятников культуры. Были заключены важные соглашения, однако преступный бизнес на национально-культурном достоянии не только не прекратился, но принял еще больший размах. Естественно, что в этом случае свое слово должен сказать уголовный закон. Страны-участницы мирового сообщества, опираясь на имеющиеся международные соглашения, устанавливают ответственность за эти преступления. Однако его подлинная оценка всем международным сообществом еще впереди.

Необходимо отграничивать посягательство на национально-культурное наследие как преступление международного характера от такого преступления как геноцид. А.Н. Трайнин относил уничтожение национальной культуры к геноциду. Известно, что гитлеровцы разграбили национально-культурное наследие народов Европы и Советского Союза. С юридической точки зрения эти похищения — не самостоятельное преступление, а составная часть геноцида. Посягательство на национально-культурное достояние как преступление международного характера отличается от геноцида тем, что оно, во-первых, предуготовлено как самостоятельное деяние; во-вторых, не является средством уничтожения всей культуры вообще; в-третьих, совершается тайно, между тем как уничтожение памятников культуры при геноциде творится открыто.

10. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОРНОГРАФИИ

Распространение порнографии также относится к преступлениям международного характера.

Латинские слова (*porno* – неприличный, *grafire* – писать) легли в основу понятия, означающего неприличное изображение сексуальных отношений.

Объективная характеристика этого преступления включает в себя не только зрительное изображение, но другие возможные способы отображения половой жизни: изготовление предметов порнографического содержания, написание произведений, в которых в неприкрыто оголенном, неприличном виде изображается половая жизнь, включая кинокартины и видеофильмы.

Человечество шло по пути законодательного запрещения порнографии, справедливо полагая, что порнография разлагает человека, унижает его достоинство, пробуждает низменные инстинкты.

Материал или предмет является порнографическим, если он направлен на возбуждение похоти (грубого, чувственного полового влечения) и если он в явно циничной форме изображает половое поведение человека, и при этом не имеет существенной литературной, художественной или научной ценности. Порнографический характер материала или предмета должен быть в общем очевидным для любого человека, не обладающего специальными познаниями. Когда же порнографический характер объекта не является очевидным, должна назначаться экспертиза. Хотя на представления о пристойном и непристойном, разумеется, влияют культурные, национальные и религиозные особенности разных народов и групп населения, тем не менее международное сообщество несомненно может найти и фактически находит общий язык в понимании и юридическом определении рассматриваемого явления.

В преступности, как и во всех социальных явлениях, есть грани, которые не может переходить никакое общество. Поэтому порнография как явление нравственно противоестественное вызвала всеобщее требование ее запрета, что привело к необходимости заключить ряд международных соглашений.

Первым таким соглашением было Соглашение 1910 г., заключенное 15 государствами в Париже. В нем шла речь об обмене информацией с целью облегчения розыска преступников, а также об ознакомлении с законодательством и состоявшимися судебными процессами. Вопрос о конкретных видах преступлений, связанных с распространением порнографии, тогда не стоял.

В 1923 г. в Женеве заключается Международная конвенция о пресечении обращения порнографических изданий и торговли ими⁹⁶[1]. В этом акте приведен более полный перечень преступ^{3f}

11. СТОЛКНОВЕНИЕ МОРСКИХ СУДОВ И НЕОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ НА МОРЕ

Здесь, по существу, содержатся два преступления: столкновение судов и неоказание помощи на море. Иногда одно может быть следствием другого (суда столкнулись и уцелевшее уходит с места столкновения, не оказывая помощи пострадавшим), иногда же является самостоятельным.

Интенсификация мореплавания привела к тому, что стало необходимым установить правила судоходства на море. Сначала такие правила принимали отдельные государства. Сейчас действуют Международные правила предупреждения столкновения судов на море 1974 г. Вопросы ответственности в случае столкновения судов регулируются Брюссельскими конвенциями 1910 г.

Эти преступления имеют свою специфику. В отличие от других преступлений международного характера, они носят черты должностных. Субъектом может быть лишь должностное лицо: капитан, дежурный помощник или иное лицо, которому в данное время доверено вождение корабля.

Указанные деяния несут в себе черты и другой группы уголовных преступлений, предусмотримых национальным законодательством, — нарушений правил техники безопасности. Столкновение судов — обычно разновидность нарушения правил безопасности и эксплуатации транспортных средств.

Данный вид преступлений международного характера своего рода комплексное преступление, несущее в себе признаки ряда деяний.

Ответственность за столкновение судов наступает в случае виновного действия или бездействия лица. Столкновение судов на море — преступление, как правило, совершенное по неосторожности (в виде небрежности или самонадеянности). Если такое деяние совершается умышленно (одно судно таранит другое), то это иное преступление (кстати, не предусмотренное международным правом). Во внутреннем уголовном праве государств такие действия могут квалифицироваться по статьям о повреждении или уничтожении имущества; если же будут человеческие жертвы, то ответственность может наступить и за убийство.

При установлении наказания следует иметь в виду, что столкновения на море влекут весьма тяжелые последствия. Это тот самый случай, когда наказание за неосторожное деяние может (и во многих случаях должно) быть более суровым чем умышленное преступление.

Неоказание помощи на море — всегда преступление умышленное. Столкновение судов вследствие непреодолимой силы исключает ответственность за столкновение, но не исключает ответственности за неоказание помощи на море, если к тому была хотя бы малейшая возможность. Здесь на сцену выступает особый нравственный долг моряков, ставший их долгом со времени начала мореплавания.

В Конвенции 1958 г. об открытом море сказано: "В случае столкновения или какого-либо другого происшествия с судном при плавании в открытом море, вызывающего уголовную или дисциплинарную ответственность капитана или какого-либо другого лица на службе судна, какое бы то ни было уголовное или дисциплинарное преследование против этого лица может быть возбуждено только перед судебными или административными властями государства флага или того государства, гражданином которого это лицо является".

Поскольку возможно столкновение интересов государства флага и гражданства, это правило требует толкования. Наиболее точной в этом плане является позиция, согласно которой преимущественно компетентно государство флага судна, а вопрос о юрисдикции государства гражданства может наступить в том случае, если виновный избежал ответственности, или государство, гражданином которого является виновный, лишит своего гражданина диплома или квалификационного свидетельства.

Одна из Брюссельских конвенций 1910 г. возлагает на капитана обязанность "насколько он может это сделать без серьезной опасности для своего судна, своего экипажа, своих пассажиров, оказать помощь любому лицу, даже враждебному, встреченному в море, находящемуся в опасности" (ст. 11). Безразлично, о каком судне — военном, пассажирском или ином — идет речь. Буквальное толкование приводит к выводу, что помощь должна оказываться судну и в том случае, если судно-спаситель принадлежит государству, находящемуся в состоянии войны со спасаемым. Однако это правило, как показал опыт первой и второй мировых войн, государствами не соблюдается. Более того, государства-агрессоры безжалостно топят пассажирские суда, попирая не только нормы международного права, но и элементарную гуманность.

Гибнушими следует считать не только тех, кто уже находится в водной стихии и пытается достичь берега, но и тех пассажиров или членов экипажа, которые еще остаются на судне, терпящем бедствие. Не имеет значения, подавало ли это судно сигнал "SOS"; важен сам факт бедствия (вероятность гибели), о чем сообщают находящиеся на судне люди, а также персонал спасающего судна. Иногда сообщение о бедствии может поступить и от третьих лиц (например, с самолета).

Ответственность за неоказание помощи на море наступает как в том случае, когда люди погибли, так и если они спаслись (сами или при помощи третьих лиц). Капитан судна, не оказавшего помощь, не вправе в свое оправдание ссылаться на то, что гибнущим людям помогали или могли помочь другие корабли или самолеты.

Объективной характеристикой (видами преступлений) неоказания помощи на море, как это вытекает из Брюссельских конвенций и Конвенции об открытом море, являются: а) неоказание помощи погибающим в открытом море; б) неприбытие к месту, где гибнут люди на море, если капитаном корабля получены сигналы бедствия и он находится на расстоянии, позволяющем прибыть к месту происшествия. В обоих случаях преступление налицо, если при оказании помощи не подвергаются серьезной опасности собственное судно, экипаж и пассажиры

12. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ НА КОНТИНЕНТАЛЬНОМ ШЕЛЬФЕ

В современный период человечество употребляет все больше усилий, чтобы использовать наиболее полно и целесообразно богатства морей, океанов и морского дна. Нередко предмет спора между государствами не только что и как добывать на шельфе, но и сама его принадлежность. Известен спор между Грецией и Турцией, чуть не приведший к вооруженному конфликту.

Понятие и режим континентального шельфа в нашей стране определены в Законе "О континентальном шельфе Российской Федерации" (1995 г.). Внешняя граница шельфа находится на расстоянии 200 морских миль от территориальных вод РФ. Исследования, разведка и разработка естественных богатств континентального шельфа являются исключительным правом страны, которой этот шельф принадлежит (в данном примере — России). Нарушение законодательства о континентальном шельфе образует преступление международного характера. Состав этого преступления (исключая споры о границе) весьма сложен по объективной характеристике.

Прежде всего речь идет о родовом понятии — преступлении, совершаемом на континентальном шельфе. Конкретно — это возведение сооружений и иных установок на континентальном шельфе, нарушение требований правовых норм, а также создание вокруг них зон безопасности без надлежащего на то разрешения, необеспечение охраны сооружений и иных установок на континентальном шельфе, отсутствие постоянных средств предупреждения об их наличии, неликвидация сооружений и установок, эксплуатация которых окончательно запрещена; непринятие в зоне безопасности мер по защите живых ресурсов моря от вредоносных отходов; исследование, разведка, разработка естественных богатств и иные работы на континентальном шельфе, проводимые с нарушением установленных требований.

Анализ этих преступлений позволяет сделать вывод, что все они совершаются умышленно. Субъектами преступлений могут быть как представители государственных органов, так и частные лица.

13. РАЗРЫВ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ ПОДВОДНОГО КАБЕЛЯ

Конвенция об охране подводных телеграфных кабелей заключена в 1884 г. в Париже, поскольку вопрос о защите этого средства общения между государствами был чрезвычайно важен для установления между ними нормальных отношений.

Конвенция ставит под охрану кабель, проложенный в открытом море, за пределами территориальных вод.

Это преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. В Конвенции по этому поводу говорится, что разрыв или повреждение подводного кабеля, произведенные умышленно или по преступной оплошности, могущие иметь последствием перерыв или приостановку, полностью или отчасти, телеграфных сообщений, подлежат наказанию, независимо от гражданского иска о возмещении издержек и убытков.

Не являются преступлением действия, если они совершены в связи с необходимостью охранить жизнь - свою, людей или безопасность судов, принявших предварительно все меры предосторожности для избежания таких разрывов или повреждений (ст. 2).

В Конвенции есть единственная в своем роде норма: государства-участники за разрыв или повреждение морского телеграфного кабеля обязаны установить такое наказание как денежный штраф или арест.

По законодательству РФ разрыв или повреждение подводного телеграфного кабеля может повлечь уголовную ответственность по статьям об умышленном или неосторожном уничтожении или повреждении имущества (ст. 167 и 168 УК РФ).

14. НЕЗАКОННОЕ РАДИОВЕЩАНИЕ

Изобретение радио, а затем телевидения открыло перед человечеством широкие перспективы, облегчило международное общение между государствами и народами, сделало более безопасным использование железнодорожного, воздушного, морского и других видов транспорта, расширило возможности для культурного обмена между народами.

Для радио и телевидения не существует государственных границ. Но нарушить государственный суверенитет других стран, стать орудием разжигания вражды, подстрекательства к войне, оскорблять национальное достоинство народов, совершать иные аморальные и противоправные действия с помощью радио, телевидения, вообще средств массовой информации стало гораздо легче. Поэтому для упорядочения их использования заключаются межгосударственные соглашения.

Государства устанавливают разный режим радио и другой связи. Большинство европейских государств осуществляют монополию в области радиосвязи. После окончания второй мировой войны получили распространение различные частные радиостанции, а также передачи, направленные на какую-либо конкретную страну. Такие передачи нередко носят рекламный характер. Однако даже в этом случае они далеко не всегда безобидны, ибо часто становятся орудием прямого вмешательства во внутренние дела государств. Например, незаконная передача торговых реклам может расцениваться как нарушение экономических интересов другого государства.

Нередко радиовещание "на страну" носит откровенно враждебный, подстрекательный характер. "Радиоголосов" в мире множество, и необходимо упорядочить их функционирование. Такое радиовещание называют даже "пиратским". Незаконные радиопередачи могут иногда расцениваться как "радиовойна".

Подстрекательским радиовещанием занимаются и официальные, а не только нелегальные, радиостанции. Подобные методы получили широкое распространение во времена "холодной войны", и от них ныне необходимо отказываться. С учетом наличия ряда региональных соглашений, направленных на борьбу с незаконным радиовещанием, полагаем, что назрело время для принятия всеобъемлющего соглашения (конвенции), где свое место должны найти нормы международного уголовного права.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ

ГЛАВА I ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ООН ПО ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Современный мир во всем его многообразии и противоречивости сталкивается с общими проблемами и вопросами, решение которых возможно только на пути сотрудничества государств. Общепризнанный принцип международного сотрудничества получает широкую материальную основу, что особенно важно в борьбе с международными преступлениями и преступлениями международного характера.

В соответствии с Уставом ООН (ст. 1 п. 3), Декларацией о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, с IX принципом Заключительного акта Сопредседателя по безопасности и сотрудничеству государств в Европе, "государства-участники будут развивать свое сотрудничество друг с

другом, как и со всеми государствами, во всех областях в соответствии с целями и принципами Устава ООН". Они будут содействовать международному миру, безопасности и справедливости, "стремиться, развивая свое сотрудничество, повышать благосостояние народов и способствовать претворению в жизнь их чаяний, используя, в частности, выгоды, вытекающие из расширяющегося взаимного ознакомления и из прогресса и достижений в экономической, научной, технической, социальной, культурной и гуманитарной областях".

Сотрудничество государств в борьбе с нарушениями международной законности затрагивает ту область общечеловеческих интересов, где необходимость в их предотвращении и борьбе с ними определяет и совместные действия, и широкое использование международного механизма, прежде всего ООН.

Система ООН была создана, в числе прочего, для борьбы с международными преступлениями, такими как агрессия, чтобы избавить грядущие поколения от бедствий войны, утвердить веру в основные права и свободы человека и достоинство личности.

ООН – единственная из существующих организаций, обладающая мандатом и международным механизмом, необходимым для оказания странам эффективной помощи в целях предупреждения преступности и борьбы с ней в национальном и международном масштабах. Вместе с тем, как говорилось на VIII конгрессе по борьбе с преступностью, ООН не хватает "организационных возможностей для полной и эффективной реализации своих обязанностей".

Первыми актами ООН по борьбе с преступностью можно считать резолюцию Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 1946 г., которая подтвердила принципы, признанные статутom Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в приговоре Трибунала как общепризнанные; резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 13 февраля 1946 г. "Выдача и наказание военных преступников" и от 31 октября 1947 г. "Выдача военных преступников и изменников", где сформулирована обязанность выдачи лиц, совершивших преступления, предусмотренная в Уставе Нюрнбергского трибунала. В 1950 г. Генеральная Ассамблея по рекомендации Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС) 10 августа 1949 г. приняла резолюцию (415 V), по которой ООН взяла на себя функции Международной уголовной и пенитенциарной комиссии (МУПК). При ЭКОСОС были созданы специальные органы - консультативные группы ООН, специальный отдел ООН по социальным делам, временный консультативный комитет экспертов, которые должны осуществлять функции по борьбе с преступностью⁹⁷[1].

Комиссия международного права ООН вместе с фондом по созданию Международного уголовного трибунала провела во Франции заседание, где была выдвинута идея включить в проект Статей об ответственности специальную статью, обязывающую создать Международный уголовный трибунал для наказания лиц, виновных в противоправных действиях государства. Сейчас разработан проект Статей о создании Международного уголовного суда⁹⁸[2].

Совет Безопасности ООН в резолюции № 808 (1993 г.) 22 февраля 1993 г. одобрил принципы международного уголовного трибунала ad hoc для бывшей Югославии. Этому предшествовала большая работа на Лондонской конференции по Югославии в 1992 г.

Согласно резолюции Совета Безопасности № 827 от 25 мая 1993 г. учрежден (на основе соответствующего Статута) Международный трибунал для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии.

Для деятельности ООН по сотрудничеству государств в борьбе с международной преступностью характерны два направления. Первое — борьба с международными преступлениями, второе — борьба с преступлениями международного характера и выработка рекомендаций по предупреждению общеуголовных преступлений и обращению с преступниками.

Вопросы сотрудничества в борьбе с международной преступностью рассматривают и решают органы ООН, такие как Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея и Международный суд.

Особое внимание борьбе с международной преступностью уделяют комитеты Генеральной Ассамблеи и Экономического и Социального Совета: Комитет по правовым вопросам, Комитет по социальным и гуманитарным вопросам, Комиссия по правам человека, Комитет по борьбе с преступностью в Венском филиале ООН и др.

Представленные в этих органах государства рассматривают практически все вопросы сотрудничества в борьбе с преступностью — обеспечение безопасности и охраны дипломатических и консульских представительств и представителей, выработка мер против пыток, незаконной торговли наркотиками, разработка принципов защиты лиц, подвергшихся аресту, минимальных правил обращения с преступниками, рекомендации по борьбе с организованной преступностью и др.

В сфере деятельности ЭКОСОС и Комиссии социального развития находятся также вопросы борьбы против общеуголовной преступности.

Под эгидой ЭКОСОС, кроме Комиссии ООН по правам человека, регулярно, один раз в пять лет, собираются Конгрессы ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

ЭКОСОС принимает решения о создании вспомогательных международных органов, утверждает их статус, регламент, разрабатывает основные направления их деятельности, созывает конференции, сессии органов, утверждает рекомендации, принимает резолюции, утверждает долго-, средне- и краткосрочные программы деятельности ООН по борьбе с преступностью. ЭКОСОС может поручить провести исследования и составить доклады по определенным проблемам, подготовить рекомендации для Генеральной Ассамблеи, проекты международных соглашений и др.^{99[3]}

Организацией Объединенных Наций созданы научно-исследовательские институты по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Они играют важную роль в разработке эффективных мер борьбы с преступностью и координации деятельности правоохранительных органов в конкретных регионах. В связи с этим следует назвать научно-исследовательский институт социальной защиты ООН (1968 г. — ЮНСДРИ — Рим), рассматриваемый как часть аппарата ООН; Институт ООН для стран Азии и Дальнего Востока по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1961 г. — ЮНАФЕИ Токио); Институт ООН для стран Латинской Америки по

предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (1975 г. - ЮНЛАИ - Сан-Хозе); Институт ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней на Севере и в Центре Европы (1982 г. – Хельсинки), Центр социальных и криминологических исследований при ООН (1972 г. — Каир); институт, аналогичный Хельсинкскому, в Милане; наконец, Отделение по предупреждению преступности и уголовному правосудию Секретариата ООН, созданное в 1950 г., во главе с помощником директора Центра по проблемам социального развития и гуманитарным вопросам.

В принятом VI Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями документе "Краткое изложение программы работы отделения по предупреждению преступности и уголовному правосудию Секретариата ООН" задачи Отделения определяются следующим образом. Отделение несет ответственность за:

политику и стратегию в области предупреждения преступности на международном уровне в соответствии с резолюциями Генеральной Ассамблеи, Экономического и Социального Совета;

подготовку и обслуживание конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, а также сессий Комиссии по предупреждению преступности и борьбе с ней;

координацию деятельности в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в рамках системы ООН, особенно региональных и межрегиональных институтов, а также административных органов, подчиняющихся специализированным функциональным комиссиям, таким как Отдел прав человека (в настоящее время — Центр по правам человека) и Отдел по борьбе с распространением наркотиков. Они обеспечивают координацию технической помощи, оказываемой государствам-членам и региональным институтам в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Все эти задачи выполняются в тесном сотрудничестве с правительственными, национальными корреспондентами, меж- и неправительственными организациями, научными учреждениями и отдельными экспертами¹⁰⁰[4].

Координация деятельности органов ООН в области борьбы с международной преступностью - одна из важнейших функций организации.

В соответствии с резолюцией ЭКОСОС 1979/19 от 9 мая 1979 г. о функциях и долгосрочной программе работы Комитета ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней на ЭКОСОС возложена координация деятельности органов ООН и специализированных учреждений, с которыми ЭКОСОС вступил в специальные соглашения. Статья 63 Устава ООН уполномочивает ЭКОСОС согласовывать деятельность специализированных учреждений, хотя уже можно отметить, что работа ряда органов ООН остается вне координации (III Комитет Генеральной Ассамблеи ООН – вопросы культуры, социальные и гуманитарные; VI Комитет - правовые вопросы; специальные комитеты и рабочие группы Генеральной Ассамблеи, например специальный комитет по международному терроризму, специальный комитет по наемникам). ЭКОСОС призван координировать деятельность прежде всего органов специальной компетенции, работающих под руководством комиссии социального развития, Комитета по предупреждению преступности и борьбе с ней; научно-исследовательского института социальной защиты; региональных институтов ЮНАФЕИ, ЮНЛАИ, институтов в Хельсинки (ХЕЮНИ) и Милане, Центра в Каире, национальных корреспондентов. Вторая

группа — это функциональные комиссии ЭКОСОС, за исключением Комиссии социального развития: Комиссия по борьбе с распространением наркотических средств и ее подкомиссия по незаконному обороту наркотиков на Ближнем и Среднем Востоке и связанным с этим вопросам, Комиссия по правам человека и ее подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств; Комиссия по транснациональным корпорациям; региональные экономические комиссии.

Среди специализированных учреждений ООН, которые занимаются вопросами борьбы с международной преступностью и деятельность которых подлежит координации ЭКОСОС, следует назвать ЮНЕСКО, ВОЗ, МОТ, ИКАО.

Практически вся работа по координации выполняется в Комиссии ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней во взаимодействии с сотрудниками Отделения по предупреждению преступности и уголовному правосудию. К сожалению, это взаимодействие не вполне отлажено.

Главное препятствие в координации — отсутствие конкретных функций у органов, занимающихся проблемами борьбы с преступностью, четкого определения сферы деятельности некоторых органов, неурегулированность вопроса о понятийном содержании используемых терминов. В практике часто смешиваются понятия международных преступлений, преступлений международного характера и общеуголовных. Отсюда параллелизм в работе и дублирование.

С точки зрения науки и практики современного международного права, такое смешение абсолютно недопустимо. Поддержание законности и правопорядка — как на международном, так и на внутригосударственном уровне — требует четкого разграничения между международными преступлениями, преступлениями международного характера и общеуголовными. Доктрина международного права признает разделение на международные преступления и международные правонарушения (преступления международного характера)¹⁰¹[5]. Общеуголовные преступления по мере их конвенционной регламентации государствами постепенно входят в категорию международных правонарушений (преступлений международного характера).

Комиссия международного права ООН - главный орган Организации Объединенных Наций по кодификации и прогрессивному развитию международного права – внесла существенный вклад в дело теоретического уяснения серьезного и имеющего универсальное значение вопроса о разделении международно-противоправных деяний государств на международные преступления и международные правонарушения государств. Пункт 2 ст. 19 проекта Статей Комиссии международного права о международной ответственности государств гласит: "Международно-противоправное деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом, составляет международное преступление". С учетом всей сложности квалификации международно-противоправного деяния в качестве международного преступления Комиссия международного права ООН в п. 3 ст. 19 проекта на основе ряда примеров показала применение на практике критериев международного преступления. Пункт 3 гласит: "С соблюдением пункта 2 и в соответствии с действующими нормами международного права международные преступления могут, в частности, возникать в результате: а) тяжкого нарушения

международного обязательства, имеющего основополагающее значение для обеспечения международного мира и безопасности, такого как обязательство, запрещающее агрессию; б) тяжкого нарушения международного обязательства, имеющего основополагающее значение для обеспечения права народов на самоопределение, такого как обязательство, запрещающее установление или сохранение силой колониального господства; в) тяжкого и массового нарушения международного обязательства, имеющего основополагающее значение для защиты человеческой личности, таких как обязательство, запрещающее рабство, геноцид, апартеид; г) тяжкого нарушения международного обязательства, имеющего основополагающее значение для защиты окружающей среды, такого как обязательство, запрещающее массовое загрязнение атмосферы или морей". Поскольку, помимо международных преступлений государств, могут существовать международно-противоправные деяния иного, менее тяжкого характера, интерес с точки зрения теоретического осмысления предмета исследования имеют постановления п. 4 ст. 19 проекта. "Всякое международно-противоправное деяние, которое не составляет международного преступления в соответствии с пунктом 2, является международным правонарушением", гласит п. 4 ст. 19.

Таким образом, международные преступления имеют место при нарушении основополагающих принципов и иных императивных норм *jus cogens*, поскольку именно они представляют собой по формуле проекта Статей "международные обязательства, столь основополагающие для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества в целом". Выделение в проекте Статей обязательств типа *erga omnes* из всех международных обязательств логически продолжает устоявшуюся международную судебную практику. Так, например, Международный суд ООН в делах о Барселонской компании, о ядерных испытаниях и о дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране ясно заявил, что нарушение обязательств *erga omnes* создает правовой титул по обеспечению выполнения императивных норм международного права со стороны любого члена международного сообщества государств¹⁰²[6].

Авторы, посвятившие свои работы практике Международного суда, исследовали соотношение понятий международных преступлений, обязательств *erga omnes*, императивных норм *jus cogens*, развивая таким образом заключение Международного суда. Обязательства *erga omnes* подлежат защите со стороны всего международного сообщества. Международные преступления со своей стороны связаны с нарушением обязательств, основополагающих для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества в целом, т. е. именно обязательств *erga omnes*. Если третье государство, таким образом, вправе выступить в защиту указанных норм, то это, очевидно, является результатом не его статуса в качестве потерпевшего государства, а следствием его членства в международном сообществе. В этом смысле высказываются А. Дж. Хуг, Дж. Гаджа, Р. Аго, Дж. Пальмисано и др.¹⁰³[7] Бывший председатель Международного суда Т. Элайес отмечает: "Квалификация международно-противоправного деяния в качестве международного преступления имеет следствие существенно важного значения. Создавая юридическую связь между государством, совершившим международно-противоправное деяние, и не только исключительно потерпевшим государством, но также и со всем международным сообществом в целом, международное преступление создает право как потерпевшего государства, так и любого другого государства – заявлять о необходимости возложения международной ответственности на совершившее международное преступление государство. Далее. Юридические последствия международного преступления не будут ограничены

обязанностью совершить репарацию, но повлекут за собой применение также и санкций"104[8].

Комиссия международного права ООН в своем проекте Статей о международной ответственности государств подтвердила положение о том, что в случае совершения международного преступления (в контексте прав и обязательств по ст. 14 и 15) "любые другие государства", т. е., помимо непосредственно затронутого совершенным международно-противоправным деянием государства, могут выступить в защиту обязательств *erga omnes*.

Какие же конкретные, легальные, с точки зрения науки и практики международного права, меры по обеспечению императивных норм *jus cogens* могут быть приняты с тем, чтобы не допустить (через нарушение императивных норм *jus cogens*) совершения международного преступления?

Венская конвенция 1969 г. о праве международных договоров в ст. 66 предусматривает возможность (на основе обязательной юрисдикции) передачи вопроса о применимости норм *jus cogens*, предусмотренных ст. 53 и ст. 64, в компетенцию Международного суда ООН. Т. Элайес в своем выступлении в 1989 г. в Европейском институте права отметил, что установленный в ст. 66 Венской конвенции 1969 г. прецедент может с учетом специфики проекта Статей быть применим для выяснения юридических последствий различия, сделанного ст. 19 Проекта между международными преступлениями и международными правонарушениями государств105[9]. Другой, бывший председатель Международного суда ООН Х. де Аречага, заявил о допустимости применения положения об обязательной юрисдикции Международного суда согласно ст. 66 Венской конвенции 1969 г. в контексте установления различия между международными преступлениями и международными правонарушениями государств согласно ст. 19 проекта Статей о международной ответственности106[10]. И действительно, поскольку и в ст. 53 Венской конвенции и в ст. 19 проекта Статей идет речь об императивных нормах международного права, которые принимаются и признаются "международным сообществом в целом", то предложения известных авторитетов науки международного права о применимости процедуры обязательной юрисдикции Международного суда для разрешения возможных споров о норме *jus cogens* здесь вполне уместны и обоснованны. В конечном итоге, в часть третью проекта Статей, посвященную процедуре имплементации международной ответственности и разрешению споров, по аналогии с системой, зафиксированной в Венской конвенции о праве международных договоров, было включено положение об обязательной юрисдикции Международного суда в отношении международных преступлений. Международный миропорядок на основе господства права предполагает, что все потенциально возможные споры между государствами, если их нельзя урегулировать другими средствами, согласно ст. 33 Устава ООН должны быть в обязательном порядке разрешены через обращение в Международный суд. Целостность международно-правовой системы предполагает, что международное сообщество имеет все возможности найти решение спора на основе права и справедливости. Суд не может отказать в решении за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права.

Международный суд ООН, таким образом, на основе обязательной юрисдикции может быть тем органом, который в состоянии установить наличие факта нарушения

обязательства, основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества в целом. Далее встает вопрос о том, какие меры следует предпринять в ответ на такое нарушение и каким образом они должны быть имплементированы. Если признать существование юридического интереса у всех государств с целью предоставления защиты обязательства, основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества в целом, то тогда отсюда вытекает следующий вопрос: должно ли это расцениваться как наделяющее легитимностью любое государство, выступившее в судебном порядке или же посредством нормальных (обычных) процедур, предусмотренных в случае нарушения международного права? Или же, что более предпочтительно, надлежит наделить международное сообщество и мировую организацию, его представляющую, исключительными правами реагирования на нарушение основополагающих норм права? Институализация "международного сообщества в целом" в лице Организации Объединенных Наций позволяет в конечном итоге разрешить наиболее адекватным (с точки зрения достижения желаемого результата) и законным (с учетом действующих на этот счет юридических предписаний по Уставу ООН) путем весь вопрос о принятии коллективных мер-санкций в отношении государства, совершившего международное преступление. В этом русле высказываются отечественные и зарубежные ученые (Н.А. Ушаков, Я. Синклер, А.Дж. Хуг, Р. Аго)¹⁰⁷[11].

Проведенное исследование ряда вопросов теории и практики современного международного права позволяет внести коррективы в понятийный аппарат, связанный с международными преступлениями и международными правонарушениями государств. Тем самым создаются условия для целенаправленного улучшения деятельности ООН по организации сотрудничества государств в области борьбы с международной преступностью. Здесь, как уже отмечалось выше, основным органом, осуществляющим институционно-правовое обеспечение связей между различными специализированными органами системы ООН (в рамках координационных структур ЭКОСОС), является Комитет ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней. Комитет (в настоящее время - Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию, членами которой являются представители 40 государств) оказывает ЭКОСОС помощь в координации борьбы с преступностью, например путем подготовки и представления на утверждение органами ООН программ международного сотрудничества. VIII Конгресс по предупреждению преступности обсудил вопрос о путях улучшения работы ООН в сфере предупреждения преступности и' уголовного правосудия. Как констатировалось в докладе Комитета по предупреждению преступности и борьбе с ней, многосторонние механизмы для оказания помощи странам в борьбе с преступностью и совершенствования их систем правосудия "далеко недостаточны". В докладе указывалось, что "профессиональные международные преступления превращают двусторонние договоренности в посмешище, перенося свои административные и финансовые операции из одной страны в другую и опережая расстроенных дипломатов, пытающихся разработать ряд двусторонних соглашений"¹⁰⁸[12].

Международное сотрудничество в рамках международных организаций, и прежде всего ООН, осуществляется в следующих направлениях:

содействие заключению международных договоров и соглашений по борьбе с международной преступностью;

выработка общих международных стандартов предупреждения преступности, преследования и наказания за совершение международных преступлений, преступлений международного характера;

выработка рекомендаций по борьбе с общеуголовными преступлениями и консультативная помощь государствам с учетом того, что каждое государство ведет эту борьбу в пределах своей территории в соответствии с собственными социальными и экономическими условиями.

К настоящему времени международное сообщество имеет целую систему международных договоров, подготовленных и заключенных в рамках ООН и других международных организаций. Например, это Конвенция 1948 г. о предупреждении геноцида и наказании за него, Международная конвенция 1965 г. о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Международная конвенция 1973 г. о пресечении преступления апартеида и наказании за него, Конвенция 1968 г. о неприменении сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества; Дополнительная конвенция 1956 г. об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством; Единая конвенция 1961 г. о наркотических средствах и др. Кроме того, отдельные положения о преследовании и наказании лиц, виновных в совершении тех или иных преступлений, содержатся в таких универсальных международных соглашениях как Международная конвенция 1982 г. по морскому праву, Женевская конвенция 1949 г. о защите жертв войны, Дополнительные протоколы к ним 1977 г. и др.

На VIII конгрессе ООН по борьбе с преступностью на Кубе в 1991 г. обсуждались пять типовых договоров: о предупреждении преступлений, связанных с посягательством на культурное наследие, о взаимной помощи в области уголовного правосудия, о передаче надзора за правонарушителями, о передаче судопроизводства по уголовным делам и о выдаче.

Типовой договор о предупреждении преступлений, связанных с посягательством на культурное наследие, восполняет пробел как во внутреннем законодательстве, так и в международном уголовном праве. Договор запрещает импорт "движимых культурных ценностей", если они похищены из музеев или являются памятником истории, или их вывоз особо запрещен государством происхождения.

Типовой договор о передаче надзора за правонарушителями предусматривает, что государство, выносящее приговор, может просить государство, его исполняющее, изменить окончательное решение суда, если лицо признано виновным, но для него был установлен испытательный срок, или исполнение приговора приостановлено, или лицо освобождено под честное слово.

Типовое соглашение о передаче уголовного судопроизводства разрешает государствам обращаться с просьбой о передаче уголовного судопроизводства другой стороне, чтобы избежать предварительного заключения и уменьшить вероятность коллизий, связанных с конституцией. Государство может отказаться передать уголовное судопроизводство против какого-либо лица, правонарушения которого рассматриваются этим государством как имеющие политический характер в другой стране, или когда деяние является правонарушением лишь по военным законам или связано с налогами, таможенными сборами или валютными операциями.

В типовом договоре о выдаче говорится, что правонарушениями, влекущими за собой выдачу преступников, являются правонарушения, наказуемые по законам обеих стран

тюремным заключением или другой мерой лишения свободы на минимальный срок не менее одного года или подлежащие более суровым наказаниям. В договоре указываются императивные и факультативные основания для отказа в выдаче, временного ареста, передачи разыскиваемого лица и имущества.

Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия предназначен для того, чтобы облегчить правоохранительным органам различных стран оказание помощи в розыске и задержании правонарушителей, предоставлении банковских и деловых документов и получении свидетельских показаний.

Типовые договоры ООН о международном сотрудничестве в вопросах уголовного права являются важным средством развития межгосударственного сотрудничества в области международного правосудия. Как и любое другое сотрудничество, международное сотрудничество по укреплению правопорядка и законности в международных отношениях основывается на двусторонних и многосторонних договорах, в основе соблюдения которых находятся принцип *pacta sunt servanda* и принцип добросовестности. Типовые договоры ООН в этом плане выполняют роль определенных стандартов, призванных обеспечить единообразие применения юридических норм в области международного правосудия. Основная цель Организации Объединенных Наций здесь состоит в том, чтобы на базе типовых договоров, вырабатываемых в ходе проводящихся каждые пять лет Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, создать такие международные договоры, которые после практического применения обеспечили бы соответствие национального законодательства государств-участников требованиям уголовного права.

IX Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Каир, 29 апреля — 8 мая 1995 г.) в своей специальной резолюции подтвердил международно-правовое значение типовых договоров ООН о международном сотрудничестве в вопросах уголовного права в аспекте достижения единообразия в процессе применения норм в области международного правосудия¹⁰⁹[13].

Сама задача достижения единообразия внутреннего законодательства государств-членов ООН в области уголовной юрисдикции в аспекте обеспечения его строгого соответствия нормам международного уголовного права достаточно многопланова и уже имеет опыт своего разрешения в рамках ЕЭС. Право Европейских Сообществ, созданное на основе писанных норм (учредительных документов и в более общем плане посредством законодательного правотворчества органов Европейских Сообществ) и неписанных норм (выработанных практикой Суда Европейских Сообществ) содействует в широком смысле (*lato sensu*) процессу гармонизации уголовных систем государств-членов. Прогресс в этом направлении, по мнению ученых, весьма существен. Процесс гармонизации осуществляется трояким путем: во-первых, поддерживается единообразие в правоприменительной сфере; во-вторых, само внутреннее уголовное законодательство подчиняется требованию соответствия общеевропейскому уголовному праву и, наконец, в-третьих, создаются условия для сближения уголовных систем государств-членов Европейских Сообществ¹¹⁰[14].

Весь позитивный опыт Европейских Сообществ по гармонизации, сближению национальных уголовных систем, обеспечению их строгого соответствия международно-

---

¹⁰⁹ См. также: Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Каир, 1995 г., резолюция 1995/12, пункт 10.

¹¹⁰ См. также: Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Каир, 1995 г., резолюция 1995/12, пункт 10.

правовым нормам в области уголовной юрисдикции может быть перенесен, с учетом специфики ООН, на общемировой уровень.

Принятие Комиссией международного права ООН проекта Устава Международного уголовного суда (1994 г.), проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (1996 г.), а также проекта Статей об ответственности государств позволило выработать и принять на международной дипломатической конференции в 1998 г. Конвенцию об учреждении Международного уголовного суда ООН.

По общему мнению участников заседания Шестого (правового) комитета Генеральной Ассамблеи ООН¹¹¹[15], главными элементами Международного уголовного суда ООН в порядке их резюмирования должны стать следующие положения: 1) суд призван быть постоянным и независимым органом международного правосудия, действующим на основе универсального договора и одновременно поддерживающим через посредство Совета Безопасности ООН тесную связь с Организацией Объединенных Наций; 2) в компетенцию суда должны входить наиболее серьезные (опасные) международные преступления — агрессия, геноцид, преступления против человечности, военные преступления, а также террористические акты. Юрисдикция суда в отношении указанных преступлений должна носить неотъемлемый и обязательный характер, присущий современной международной практике (признание Устава суда и принятие Конвенции о его учреждении не содержит условия дополнительного согласования данного государства с юрисдикцией суда); 3) Устав суда предполагает наличие специальных постановлений об общих принципах уголовного права, в частности *nullum crimen sine lege* и *nulla poena sine lege*, законность процедур и уважение прав индивидуумов. Наряду с правилом отсутствия обратной силы, эти принципы должны составлять фундаментальную основу для объективного и эффективного функционирования суда. Вместе с тем Устав суда должен содержать обязательство государств-членов сотрудничать с судом, в частности в том, что касается выдачи обвиняемых в рамках существующих механизмов юридического сотрудничества; 4) в основе суда должен лежать принцип комплементарности, дополняемости национальных судебных систем и национальной юрисдикции. Принцип комплементарности, помимо общих упоминаний о нем в преамбуле Устава, должен учитываться в положениях, касающихся приемлемости принципа *pop bis in indem*, сотрудничества и судебной помощи, а также передачи суду обвиняемых. Эффективность суда обеспечивается на основе установления четкой связи между международной и национальной уголовной юрисдикциями; 5) общий нормоустанавливающий универсальный договор должен предусматривать довольно жесткую процедуру внесения поправок в Устав суда, чтобы тем самым гарантировать стабильность его положений.

Создание Международного уголовного суда должно стать одним из достижений мирового сообщества на этапе завершения Десятилетия международного права Организации Объединенных Наций (1990— 1999 гг.). В контексте рассматриваемого материала учреждение постоянного органа международного уголовного правосудия имеет двоякое значение. Первое: обеспечение на практике неотвратимости наказания будет способствовать предупреждению преступлений и содействовать международному миру и безопасности. Деятельность Международного уголовного суда повысит общий уровень права в мировом сообществе, стремящемся через достижение уставных целей Организации Объединенных Наций обеспечить соблюдение международного права и справедливости. Второе: практика Международного уголовного суда, по аналогии с практикой Суда Европейских Сообществ, создает комплекс неписаных норм международного уголовного права, которые совместно с нормами двусторонних и

многосторонних международных договоров (созданными на основе типовых договоров ООН о международном сотрудничестве в вопросах уголовного права) будут содействовать гармонизации уголовных систем государств в масштабе всего мирового сообщества. Требования добросовестного соблюдения норм международного уголовного права находятся в компетенции действующего органа международного правосудия - Международного уголовного суда. Практика Международного уголовного суда в этом плане призвана восполнять "пробелы" в писаном праве. Однако речь здесь идет отнюдь не о восполнении действительно существующих пробелов в современном международном праве. Запрет *pop-liquet* является общим принципом права по смыслу п. 3 ст. 38 Статута Международного суда. Суд, как известно, "не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права". Восполнение так называемых пробелов на самом деле здесь проявляет себя в дополнении писаных норм международного уголовного права в той части, где присутствуют "неясности" в смысле "подлежащей применению нормы права". Суд своей практикой снимает "неясности" и обеспечивает окончательное решение вопроса на основе права и справедливости. Международное право является законченной и цельной системой. Международный уголовный суд тем самым ориентирован на вынесение окончательного и юридически обязательного для сторон решения на основе принципа *res judicata*.

Построение миропорядка на основе верховенства права в условиях перехода человечества в новое тысячелетие ставит перед Организацией Объединенных Наций новые задачи в области координации международного сотрудничества в борьбе с преступностью и сфере уголовного правосудия. В ответ на требования мирового сообщества государств усилить борьбу с опасной транснациональной преступностью ООН за последнее время приняла ряд конкретных мер как на уровне международного нормотворчества, так и в чисто практическо-организационном плане по установлению правопорядка и укреплению системы международного уголовного правосудия. В рамках своей международной нормотворческой деятельности ООН приняла Декларацию принципов и действий Программы ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия (резолюция 46/152 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1991г.); Неапольскую политическую декларацию и Глобальный план действий против организованной транснациональной преступности (резолюция 49/159 Генеральной Ассамблеи от 23 декабря 1994г.); Декларацию ООН о преступности и международной безопасности (резолюция 51/60 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1996 г.); Постановление по вопросу о разработке международной конвенции против организованной транснациональной преступности (резолюция 51/120 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1996 г.). Практическо-организационная деятельность ООН в основном была сконцентрирована на подготовке к проведению в 2000 г. (предположительно в Австрии или ЮАР) X конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. К обсуждению на этом конгрессе было представлено четыре темы. В рамках первого пункта повестки дня основное внимание предполагается уделить "созданию учреждений" для оказания содействия установлению правопорядка и укреплению функционирования системы уголовного правосудия. Второй пункт посвящен международному сотрудничеству в борьбе с транснациональной преступностью — новым задачам в XXI в.

Международно-правовому анализу предстоит подвергнуть следующие проблемы: процедуры по оказанию взаимного содействия в вопросах уголовного права и выдачи; международный обмен информацией между правоохранительными и судебными органами; выполнение действующих юридических актов; выработка новых конвенций по международному уголовному праву; выявление и конфискация активов (включая

банковскую тайну и международное разделение активов); сбор и анализ оперативных данных, касающихся международной преступности.

Настоятельная потребность в обсуждении указанных проблем обусловлена такими проявлениями транснациональной преступности как организованная преступность; терроризм и его связь с организованной преступностью; незаконный оборот предметов мирового культурно-исторического назначения; отмывание денег; контрабандный провоз незаконных мигрантов; незаконный оборот транспортных средств; преступления, связанные с компьютерными сетями; преступления с использованием новейших технологий.

Для достижения целей пункта второго повестки дня Конгресса поставлена задача — разработать международно-правовые документы, направленные на эффективное предупреждение преступности в свете имеющихся новейших технологий. С учетом научно признанной классификации преступлений по степени их опасности для мирового сообщества, в разряд приоритетных включен вопрос о юридической разработке понятийного и содержательного аппарата, присущего "традиционным" и "современным" преступлениям, таким как ксенофобия и расизм. Серьезная кодификационная работа предстоит X Конгрессу согласно четвертому пункту повестки дня ("Правонарушители и жертвы: подотчетность и беспристрастность процесса отправления правосудия") для договорно-правового оформления мер по оказанию помощи сообществом в установлении и устранении причин преступности. Нахождение прагматичного решения проблемы в рамках концепции "правосудие, предусматривающее возмещение ущерба жертвам преступности" допустимо на путях определения баланса между, с одной стороны, обеспечением неотвратимости привлечения к уголовной ответственности правонарушителей, поддержанием должного уровня обращения с ними с последующей их реинтеграцией в жизнь общества и, с другой стороны, созданием оптимальных условий для жертв в получении надлежащих гарантий в удовлетворении в полной мере в судебном порядке их законных прав¹²[16].

Очередной X Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями призван внести значительный вклад в развитие и укрепление международного сотрудничества в области предупреждения преступности и осуществления уголовного правосудия.

Как отмечалось в Докладе Комиссии ООН по предупреждению преступности и правосудию о работе ее шестой сессии (28 апреля — 9 мая 1997 г.), конгрессы ООН выполняют функции всемирных форумов, на которых происходит обмен опытом и ноу-хау в целях воздействия на политику государств, общественное мнение, выработки рекомендаций (типовых договоров ООН о международном сотрудничестве по вопросам уголовного права). Они разрабатывают и координируют стратегию мирового сообщества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия.

Важную, хотя и вспомогательную, роль в сотрудничестве государств по борьбе с преступностью играют международные неправительственные и межправительственные организации.

ООН, будучи согласно Уставу центром согласования действий наций в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера (п. 3 ст. 1), координирует деятельность указанных организаций.

---

¹² См. также: [16].

Среди международных неправительственных организаций ведущее место в системе международного сотрудничества в области уголовной юстиции занимают четыре всемирно известные юридические организации: Международная ассоциация уголовного права (МАУП), Международное криминологическое общество (МКО), Международное общество социальной защиты (МОСЗ), Международный уголовный и пенитенциарный фонд (МУПФ)¹¹³

ГЛАВА II ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Одним из основных механизмов разрешения конфликтов и поддержания социального мира является эффективно функционирующая система уголовного правосудия, в частности ее три основных элемента – суды, правоохранительные органы и исправительные учреждения.

Не вызывает сомнения, что одно из эффективных средств борьбы против международных преступлений — предание виновных национальным судам. Д.Б. Левин указывает, например, что в принципе вопросы о таких преступлениях как геноцид и военные преступления, составы которых определены в Женевских конвенциях 1949 г., могут рассматриваться национальными судебными инстанциями¹¹⁴[1].

Статья VI Конвенции о геноциде предусматривает, что лица, обвиняемые в совершении подобных актов, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого они были совершены. Этот же принцип зафиксирован и в Женевских конвенциях. Статья 146 Конвенции о защите гражданского населения во время войны устанавливает, что каждая Высокая Договаривающаяся сторона обязуется разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из упомянутых в Конвенции серьезных нарушений, и предавать их своему суду¹¹⁵[2].

При этом возникают два вопроса: на каких лиц распространяется юрисдикция таких судов и какое право они применяют?

В современном международном праве все больше утверждается принцип универсального преследования лиц, виновных в международных преступлениях.

А.И. Полтораки, обращаясь к практике Нюрнбергского трибунала, писал, что международный характер суда определяется не применяемым правом и не тем фактом, что он был создан на основе международного соглашения, а одобрением Устава и Трибунала международным сообществом. С ним согласны и некоторые западные юристы.

Однако не следует забывать, что Нюрнбергский процесс "был первым в истории примером международного суда за преступления против мира и человечества"¹¹⁶[3] и что поэтому со стороны международного сообщества государств естественно и даже необходимо было выразить поддержку и одобрение его решениям. С тех пор нормы международного права, касающиеся пресе^{38а}

ГЛАВА III ОБЩЕУГОЛОВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ СООБЩЕСТВЕ

Преступность как общесоциальный феномен, никогда не остававшаяся уделом одной страны, перешла границы государств и обрела общемировое значение. Весьма актуальны слова из вступительной речи Генерального секретаря IX Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Дж. Джакомелли о том, что преступность стала одной из самых серьезных проблем в мире, которая создает угрозу для развития и безопасности государств. Наряду с уважением законных прав государств в отношении национального суверенитета и верховенства национального законодательства в международных соглашениях следует признать, что преступные группы ведут свою деятельность на международном уровне и рассматривают границы не как барьеры, а как коммерческие возможности¹¹⁷[1].

Перед Организацией Объединенных Наций была поставлена задача — оказать содействие членам мирового сообщества в проведении практических и исследовательских мероприятий в области уголовной юстиции: дать определение понятия общеуголовной преступности в масштабах международного сообщества, показать необходимость выработки правовых документов по регулированию межгосударственного сотрудничества в области борьбы государств с общеуголовной преступностью, рассмотреть вопрос о территориальности и экстра TERRИТОРИАЛЬНОСТИ международного уголовного права.

В условиях высоких технологий во всех сферах человеческого бытия, транспарентности границ и все повышающейся взаимозависимости членов мирового сообщества предложение некоторых ученых-криминалистов отделить международную преступность от немеждународной (общеуголовной, т. е. преступности, охватывающей практически весь перечень деяний, предусмотренных общим уголовным правом и соответственно уголовным законодательством данной страны) исключительно традиционными методами — по составляющим его преступлениям — в силу объективных причин уже не может представляться адекватно отражающим суть предмета. Реалии конца второго начала третьего тысячелетия человеческой цивилизации приводят нас к выводу, что практически все преступления, предусмотренные общим уголовным правом, имеют международную направленность и в этом смысле теряют свой "общеуголовный" характер. Таким образом, уже недопустимо ограничивать понятие "международная преступность" какой-то специфической категорией правонарушений, определенных в праве¹¹⁸[2].

Международная преступность становится в общей своей массе явлением общеуголовным. И вместе с тем, будучи присущей любому государству как следствие все возрастающей взаимозависимости стран мира и их стремления к объединению (по типу Европейского Союза), общеуголовная преступность обрела внешние черты и содержательные признаки международной. Соответственно можно говорить о транснациональной преступности, что и отражено в документах ООН.

Заинтересованность государств мира в поддержании справедливости и законности в границах своей юрисдикции требует расширения всестороннего сотрудничества членов международного сообщества в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Сотрудничество в этом направлении осуществляется главным образом через институты ООН. На сегодняшний день обязанность государств — членов

---

¹¹⁷ См. также: Дж. Джакомелли, «Преступность и мир», с. 117.

международного сообщества предпринимать совместные действия в сфере уголовной юстиции стала общепризнанной нормой международного уголовного права. Она предусматривается в следующих международных документах: Конвенции 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него; Конвенции 1949 г. о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами; Международной конвенции 1973 г. о пресечении преступления апартеида и наказании за него; Конвенции 1973 г. о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов; Международной конвенции 1979 г. о борьбе с захватом заложников; Декларации 1975 г. о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания; Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию порядка 1979 г.; Конвенции 1963 г. о преступлениях и некоторых других актах, совершенных на борту воздушных судов; Конвенции 1970 г. о борьбе с незаконным захватом воздушных судов; Конвенции 1971 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации; Единой конвенции 1961 г. о наркотических средствах и Протоколе 1972 г. о внесении изменений в Единую конвенцию о наркотических средствах 1961 г.; Конвенции 1971 г. о психотропных веществах.

Пакет международно-правовых актов, предусматривающих создание условий для эффективного функционирования системы уголовного правосудия, сам по себе не в состоянии обеспечить работу в должном режиме механизма борьбы с различными проявлениями общеуголовной преступности на транснациональном уровне. Недостаточно признать договор обязательным посредством ратификации. Необходимо обеспечить его применение на основе принципа добросовестности.

Расширение сотрудничества государств - членов международного сообщества по проблемам общеуголовной преступности требует совершенствования процедур, связанных с выдачей преступников, расследованием преступлений и судебным производством. Речь идет о судебных поручениях, выполнении судебных приказов и вручении протоколов судебных решений, представлении свидетельских показаний в других государствах при обеспечении должного уровня безопасности для свидетелей, процедуре передачи заключенных-иностранцев и приведении в исполнение судебных приговоров за границей, осуществлении (в порядке судебного решения) функций по надзору над условно освобожденными лицами в других странах.

Существенным шагом в консолидации членов международного сообщества в противодействии различным проявлениям общеуголовной преступности на транснациональном уровне стало подписание ряда специальных договоров об оказании правовой помощи, в частности в получении доказательств преступления, между странами общего и континентального права. Основой для таких договоров послужили типовые юридические документы ООН (Типовой договор о взаимной помощи в области уголовного правосудия, Типовой договор о передаче уголовного судопроизводства, Типовой договор о передаче надзора за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями, Типовой договор о предупреждении преступлений, связанных с посягательством на культурное наследие народов в форме движимых ценностей), а также выработанные в ходе проведения на 44-й сессии Генеральной ассамблеи Интерпола в 1975 г. типовые договоры о прямом полицейском сотрудничестве¹⁹[3]. Сближение двух систем права представляет собой естественный процесс согласования национального уголовного законодательства государств — членов международного сообщества.

---

¹⁹ См. также: [3].

Для ускорения этого процесса были разработаны на уровне ООН Типовой договор о выдаче¹²⁰[4] и Типовой закон о взаимной помощи в области уголовного правосудия¹²¹[5]. Процедура введения в действие Типового договора о выдаче осуществляется следующим образом. По представлении Генерального секретаря ООН Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию разрабатывает типовое законодательство для оказания помощи государствам-членам при введении в действие Типового договора о выдаче. Затем, с учетом элементов типового законодательства, на уровне каждого члена ООН проводится соответствующая законодательная работа по практическому применению Типового договора о выдаче.

Механизмы, регулирующие международное сотрудничество по вопросам правоприменительной практики для принятия на постоянной основе эффективных мер (по решению насущных проблем) в области борьбы с общеуголовной преступностью на транснациональном уровне, требуют постоянного совершенствования.

На шестой сессии Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (28 апреля 9 мая 1997 г.) была выработана специальная резолюция "Международное сотрудничество в вопросах уголовного права"¹²²[6]. В этом документе государствам — членам международного сообщества в рамках национальных правовых систем в контексте использования и применения договоров о выдаче предлагалось принять ряд вполне необходимых, на наш взгляд, мер. Институализация данного акта в виде резолюции Генеральной Ассамблеи ООН в ходе проведения пятьдесят второй сессии придает ему надлежащий юридический вес.

Прежде всего речь идет об обеспечении эффективного применения принципа *aut dedere aut judicare*. Этот общепризнанный принцип современного международного права устанавливает, как известно, обязательство "судить или выдать"¹²³[7]. Будучи зафиксирован в более чем семидесяти конвенциях в области международного уголовного права, указанный принцип обеспечивает не в прямой форме правоприменительную функцию на межгосударственном уровне. Механизм схемы непрямого обеспечения действует через обязательство государства включить соответствующие положения в свое национальное законодательство с целью признать в качестве уголовно наказуемого и судебно преследуемого преступления определенное предписываемое в международном порядке правонарушение (деяние). В силу своего сущностного содержания принцип *aut dedere aut judicare*, естественно, требует действенного подтверждения со стороны членов международного сообщества.

Далее следует предписание, предусматривающее, чтобы в договорах или в других соглашениях не перечислялся состав отдельных правонарушений и чтобы к числу правонарушений, могущих повлечь за собой выдачу, были отнесены любые деяния или любое бездействие, которые представляют собой уголовное правонарушение в обоих государствах и за которые предусматривается минимальное наказание. Данное предписание логически оправданно, поскольку вполне вписывается в общую заинтересованность государств — членов международного сообщества упростить и рационализировать процедуры, необходимые для выполнения и направления просьб о выдаче. В этом же смысле следует рассматривать постановления и резолюции, которые предписывали предоставление запрашиваемой государством достаточной информации

(обеспечивающей возможность выдачи), а также специальной документации (необходимой для удовлетворения критериев выдачи в тех случаях, когда какое-либо лицо обвиняется в совершении правонарушения).

Постоянное изменение методов, которые используются транснациональной преступностью, время от времени требуют пересмотра двусторонних и многосторонних договоренностей о сотрудничестве в правоохранительной области с учетом новых реалий. Поэтому резолюции содержат предписания, которые устанавливают для государств - членов международного сообщества необходимость регулярной корректировки договорных механизмов выдачи и соответствующего законодательства по их реализации.

Завершает исследование резолютивных постановлений документа ООН проблема соотношения между потребностью в эффективном международном сотрудничестве по вопросам уголовного права и необходимостью уважения прав человека. Проблема имеет доктринальное и практическое значение. И вот почему. С одной стороны, гипертрофирование проблемы уважения прав человека приводит к расширительному толкованию исключения в вопросах выдачи, касающегося политических правонарушений. Тем самым создается возможность для расширения исключения в вопросах выдачи в случае террористических преступлений. С другой стороны, обоснованная потребность в эффективном международном сотрудничестве по вопросам уголовного права зачастую сопровождается утверждениями о несовместимости защиты прав человека с успешным сотрудничеством. Рациональное начало, как всегда, находится "посередине". Эффективное международное сотрудничество по вопросам уголовного права в полной мере совместимо с защитой прав человека, поскольку обеспечение законности и уважения прав человека лишь повышает эффективность такого сотрудничества.

Признание общей уголовной политики как продолжения общей концепции в области прав человека в аспекте реализации резолюции пятьдесят второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН "Международное сотрудничество в вопросах уголовного права" ставит ряд проблем практического порядка. Последовательная реализация предписаний указанного решения ООН создает общее правовое пространство для борьбы с транснациональной преступностью. Урегулированное на основе договорных постановлений (и норм обычного международного права), оно обеспечивает экстратерриториальное применение уголовного права.

Когда мы говорим об универсальности (в аспекте экстратерриториального применения норм уголовного права), то здесь речь идет, собственно говоря, не об универсальности судебной компетенции, а, скорее, об универсальности содержания уголовной политики государств—членов международного сообщества. Другими словами, "универсальность материальных и процедурных норм делает беспредметной универсальную судебную компетенцию"¹²⁴[8].

Борьба международного сообщества с транснациональной преступностью в ее различных проявлениях носит многоплановый характер, ожесточенна и опасна для непосредственно задействованных в этом лиц. В каких же конкретных направлениях проявляет себя общеуголовная по своим признакам, транснациональная по степени своей распространенности преступность? Соответственно каковы успехи международного сообщества в борьбе с ней? Естественно, ответы на эти вопросы не могут быть исчерпывающими. И сама преступность каждый раз видоизменяется, приспосабливается,

---

и противостоящее ей международное сообщество каждый раз в ответ на это применяет новые приемы борьбы.

Наиболее опасной на сегодняшний день представляется организованная транснациональная преступность. Международное сообщество, в полной мере осознавая необходимость последовательной борьбы с такой преступностью, адекватно отреагировало на это, утвердив на основе резолюции 49/159 Генеральной Ассамблеи ООН от 23 декабря 1994 г. Неапольскую политическую декларацию и Глобальный план действий против организованной транснациональной преступности. Договорно-правовым оформлением принципиальной позиции государств мира в этом вопросе должна стать всеобъемлющая международная конвенция о борьбе с организованной транснациональной преступностью. Значимость разработки и принятия на универсальной основе соответствующего документа была зафиксирована в резолюции 51 /120 Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1996 г. Во исполнение указанной резолюции в рамках Комиссии ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию ведется серьезная кодификационная работа по выработке текста конвенции¹²⁵[9]. До завершения процесса согласования текста конвенции и его принятия на универсальной основе деятельность международного сообщества по борьбе с организованной транснациональной преступностью переносится в область межгосударственного сотрудничества на базе договоров о взаимной юридической помощи.

О том, какое значение международное сообщество придает таким договорам, свидетельствует учреждение на уровне ООН группы старших экспертов по выработке рекомендаций в целях действенной борьбы с организованной транснациональной преступностью. На встрече в Лионе (Франция) 27 — 29 июня 1996 г. в качестве приложения к Докладу о работе шестой сессии Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию (28 апреля — 9 мая 1997 г.) было одобрено и принято сорок рекомендаций¹²⁶[10]. В них предписывается четкое указание объемов предоставляемой помощи; ускорение процесса оказания помощи; предусматривается комплексный характер предоставляемой помощи; устанавливаются процедуры сбора доказательств запрашивающим и запрашиваемым государствами. Весьма убедительно звучит предписание исключить из договоров о взаимной юридической помощи использование перечня правонарушений в порядке "двойной преступности" и перейти к критерию минимальных санкций в отношении правонарушений, совершение которых влечет за собой выдачу. Также обоснованным следует расценивать предписание обеспечивать сближение между различными юридическими системами, в частности между системами общего и континентального права (на основе, например, упрощения требований доказательности и процессуальных требований), для устранения препятствий на пути выдачи. До вступления в законную силу международной конвенции против организованной транснациональной преступности совокупность действующих соглашений о взаимной юридической помощи вполне может обеспечить надежную международно-правовую основу для эффективного сотрудничества.

Общеизвестна взаимосвязь организованной транснациональной преступности и коррупции, взяточничества. Международное сообщество, проявляя должную заинтересованность в борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях, приняло ряд действенных мер против этого опасного явления, оказывающего отрицательное воздействие на социальное, экономическое и политическое развитие государств. Генеральная Ассамблея ООН 12 декабря 1996 г. на основе своей

---

¹²⁵ См. также: [http://www.un.org/ru/press/docs/1996/19961219.un.international.convention.against.transnational.crime.shtml](#)

резолюции 51/59 утвердила в качестве юридического документа универсального предназначения Международный кодекс поведения государственных должностных лиц. Во исполнение своего другого решения, от 16 декабря 1996 г., Генеральная Ассамблея приняла Декларацию ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих сделках (резолюция 51/191, приложение). Закрепленные в этих документах положения обеспечивали правовую базу для принятия членами международного сообщества на национальном уровне эффективных и скоординированных мер для предотвращения коррупции, включая взяточничество. Конкретно речь идет о необходимости установления уголовной ответственности за дачу взяток государственным должностным лицам другого государства в ходе международных коммерческих операций, а также о проведении правовых реформ в целях разработки и осуществления стандартов надлежащего управления, в частности отчетности и открытости, законного коммерческого и финансового поведения и других мер по борьбе с коррупцией. На универсальном уровне сотрудничества членам международного сообщества ставится задача разработать кодексы поведения в области предпринимательской деятельности, незаконного обогащения, взаимной юридической помощи и положений о банковской тайне.

Наилучшей формой упорядочения сотрудничества членов международного сообщества в борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях была бы выработка надлежащего текста и заключение международной конвенции о борьбе с коррупцией и взяточничеством. Юридическим основанием для кодификационной работы в этом направлении в рамках ООН могли стать положения резолюции 51/191 Генеральной Ассамблеи. Международное сообщество уже накопило определенный положительный опыт (пока только на региональном уровне) договорно-правового оформления борьбы с коррупцией и взяточничеством. В ходе специальной конференции, проходившей в Каракасе 27 — 29 марта 1996 г., Организация Американских Государств утвердила специальную Международную конвенцию по борьбе с коррупцией. В рамках Совета Европы принято два проекта Конвенции против коррупции в международных коммерческих операциях. Перенесение накопленного регионального опыта борьбы с коррупцией на универсальный уровень позволит принять в международном масштабе эффективные меры для борьбы с таким опасным проявлением организованной транснациональной преступности как коррупция.

В то время как коррупция и взяточничество подрывают устои государства в лице его аппарата и ослабляют действенность политики в социальной и экономической областях, кража и незаконный оборот автотранспортных средств с учетом их высокой стоимости оказывают негативное влияние на безопасность и экономику государств — членов мирового сообщества. Ныне незаконный оборот автотранспортных средств как одна из наиболее распространенных форм организованной транснациональной преступности все в большей степени выходит за рамки национальных границ.

Мировое сообщество в лице ООН и Международной организации уголовной полиции предприняло меры организационного и практического характера по укреплению и повышению эффективности международного сотрудничества на всех уровнях для борьбы с незаконным оборотом автотранспортных средств. Были проведены два представительных международных форума: Варшавская конференция по проблеме кражи и незаконного оборота автотранспортных средств (2 — 3 декабря 1996 г.) и Московская конференция по международному сотрудничеству в предупреждении и пресечении краж и незаконного оборота автотранспортных средств и борьбе с ними (29 февраля — 2 марта 1997 г.). К практическим мерам относится создание Интерполом международной базы данных о похищенных транспортных средствах (система ASF) и принятие под его эгидой международного стандарта идентификационного номера автотранспортного средства

(VIN). Он может применяться ко всем автотранспортным средствам, производимым в стране или экспортируемым в другие страны. Нормы международного уголовного права нашли применение в типовом двустороннем договоре о возвращении похищенных или присвоенных транспортных средств, выработанном на Варшавской конференции. Названные типовые договоры совместно с типовыми договорами ООН о выдаче¹²⁷[11], о взаимной помощи в области уголовного правосудия¹²⁸[12], о передаче уголовного судопроизводства¹²⁹[13] и о передаче надзора за правонарушителями, которые были условно осуждены или условно освобождены¹³⁰[14], могут служить международно-правовой базой при расследовании и уголовном преследовании в случаях незаконного оборота транспортных средств.

Окружающая среда также стала объектом посягательства со стороны транснациональной преступности. В условиях, когда окружающая среда признана общим достоянием человечества, его главным богатством, всякое преступление против нее следует рассматривать как преступление против общественной безопасности.

Современная система уголовного правосудия в лице международного сообщества предусматривает действенные меры в области охраны окружающей среды с применением к нарушителям уголовного наказания. Наряду с серьезными успехами в этом направлении система уголовного правосудия имеет значительные неиспользованные потенциальные возможности. Для усиления роли уголовного права в охране окружающей среды необходимо выработать типовой закон об экологических правонарушениях. Достижение определенного согласования национальных законов позволит облегчить их применение на практике, например, посредством оказания взаимной помощи в уголовных делах и выдаче преступников.

Разрабатываемые членами международного сообщества пакеты комплексных законодательных мер направлены (с учетом трансграничного характера последствий экологических преступлений) на координацию деятельности по охране окружающей среды на национальном, региональном и международном уровнях.

Индивидуальная уголовная ответственность отдельных лиц в силу трансграничного характера ущерба от экологических преступлений не может обеспечить в полной мере поддержание законности и соответственно недостаточна. Назрела необходимость для создания Международного трибунала для судебного разбирательства и преследования по делам о трансграничных экологических преступлениях. Соответственно встал вопрос о корпоративной ответственности государств, который однозначно должен быть решен положительно. Доктрина международного права также отвечает этой точке зрения¹³¹[15].

Охрана окружающей среды как комплексное понятие не имеет исключительно экономического значения. На уровне органов ООН в разряд экологических преступлений включаются преступления против культурного наследия (например, кража, контрабанда или разрушение культурных ценностей), а также преступления против естественной среды обитания (незаконное удаление опасных отходов и торговля ими и незаконная торговля видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения).

Преступления против окружающей среды, рассматриваемые в качестве преступлений против безопасности международного сообщества, предусматривают обязательства *erga omnes* по предупреждению такого рода деяний. Разработка и заключение всеобъемлющей международной конвенции об охране окружающей среды с включенным в нее постановлением об обязательной юрисдикции либо Международного суда, либо (что целесообразнее ввиду особой специфики материи) Международного трибунала для судебного преследования и разбирательства по делам о транснациональных экологических преступлениях обеспечили бы надлежащие условия для урегулирования практически любого спора на основе права и справедливости.

Выросшая из общеуголовной, сгруппировавшаяся как организованная, транснациональная преступность дестабилизирует международные отношения и тем самым создает опасность для всего международного сообщества. В Докладе IX Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями сделан следующий вывод на этот счет. Согласно подсчетам доходы от незаконной преступной деятельности во всем мире составляют сотни миллиардов долларов; их размер превышает бюджеты многих развитых стран. Поэтому транснациональная преступность представляет собой непосредственную угрозу для государственных институтов и социальных структур многих стран. Экономическая преступность, а также отмывание денег и реинвестирование полученных в результате преступной деятельности доходов в законную коммерческую деятельность отрицательно влияют на международную торговлю и финансовые сделки¹³²[16].

Одним из основных источников финансовых ресурсов для транснациональных организованных преступных групп является незаконный оборот наркотиков. Расширяющиеся связи на транснациональном уровне между преступными организациями и террористическими группами, занимающимися незаконным оборотом наркотических средств и другими видами преступной деятельности, такими, как отмывание денег, незаконный оборот оружия и прекурсоров, подрывает процесс развития, экономическую и политическую стабильность и независимость.

Члены международного сообщества, должным образом осознавая значимость борьбы против незаконного производства, торговли, спроса, оборота, распространения наркотических средств и психотропных веществ и связанной с этим деятельностью, предпринимают практические шаги по укреплению международного сотрудничества в решении проблемы злоупотребления наркотиками и их незаконного сбыта. Оно строится на основе должного соблюдения принципов, закрепленных в Уставе ООН и современном международном праве, в частности принципа уважения суверенитета и территориальной целостности государств, неприменения силы или угрозы ее применения в международных отношениях, равенства прав и взаимного уважения. Конкретными направлениями сотрудничества являются деятельность институтов ООН и совместные акции государств в рамках действующих международных конвенций.

Организация Объединенных Наций уделяет этой проблеме первостепенное внимание, справедливо осознавая серьезность угрозы, которую представляет собой незаконный оборот наркотических средств для политической и социально-экономической систем и стабильности, национальной безопасности и суверенитета государств. В рамках ООН созданы следующие органы по борьбе с наркотиками: Комиссия по наркотическим средствам в качестве главного директивного органа ООН в вопросах борьбы с наркотиками; Международная программа ООН по контролю над наркотическими средствами как основной координационный центр согласованных международных

---

¹³² См. также: Доклад Комиссии по наркотическим средствам, 1998 г., с. 10.

действий; Международный комитет по контролю над наркотиками в качестве независимого контрольного органа, как это определено в международных договорах по контролю над наркотическими средствами. Во исполнение резолюций Генеральной Ассамблеи 50/148 от 9 февраля 1996 г. и 51/64 от 28 января 1997 г. названные органы уполномочены подготовить проведение в 1998 г., в десятую годовщину принятия Конвенции ООН 1988 г. о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, двух крупных международных форумов. Это – специальная сессия Генеральной Ассамблеи по вопросам международного контроля над наркотиками и Международная конференция по борьбе со злоупотреблением наркотическими средствами и их незаконным оборотом.

К настоящему времени в результате серьезного кодификационного процесса выработан практически всеобъемлющий договорно-правовой механизм международного контроля над наркотиками. В качестве его составляющих частей представлены три широкомасштабные по количеству участников международные конвенции. Сторонами Единой конвенции 1961 г. о наркотических средствах, или участниками этой Конвенции, с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 г., являются 156 государств. Сторонами Конвенции 1971 г. о психотропных веществах являются 144 государства, а Конвенции ООН 1988 г. о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 132 государства¹³³[17].

Во исполнение обязательств общего характера членам международного сообщества предписывалось принять надлежащие меры к укреплению органов государственной власти, национальной судебной системы и инфраструктуры. На основе разработанных Программой ООН по международному контролю над наркотиками типовых законов государства — участники Конвенций должны были обеспечить использование на практике комплекса юридических актов, касающихся регулирования законной и пресечения незаконной деятельности, выдачи правонарушителей и оказания взаимной юридической помощи, борьбы с отмыванием денег и конфискации поступлений от наркобизнеса, а также создания необходимых органов по контролю над наркотиками и координационных механизмов.

Как показывает анализ законотворческой деятельности государств – членов мирового сообщества, активная работа осуществлялась в трех следующих областях, подпадающих под действие Конвенции 1988 г.: контроль за незаконными поступлениями в сфере наркобизнеса в сочетании с принятием многочисленных законов, предусматривающих меры по выявлению деятельности, связанной с отмыванием денег, и ее пресечению, а также конфискацию таких поступлений; предоставление взаимной юридической помощи в вопросах уголовных преступлений, включая правонарушения, связанные с наркотиками; и создание механизмов контроля над прекурсорами (используемыми для незаконного изготовления наркотических средств и психотропных веществ).

Результатом правоприменительной практики мирового сообщества по исполнению международных конвенций по контролю над наркотиками стала выработка определенного корпуса общепризнанных международно-правовых норм: о конфискации поступлений, имущества, оборудования и любых других средств, используемых или предназначенных к использованию при совершении правонарушений; о выдаче правонарушителей, связанных с наркобизнесом; о взаимной юридической помощи в расследовании, уголовном преследовании и судебном разбирательстве, относящихся к преступлениям, связанным с наркотиками; о сотрудничестве при осуществлении правоохранительной деятельности по

---

¹³³ Ibid., с. 133.

борьбе с незаконным оборотом наркотиков на море. Став частью международного уголовного права, указанные нормы могут быть успешно применены (с учетом специфики конкретного правонарушения) в отношении других видов транснациональной преступности. Успешное проведение в 1998 г. Специальной сессии Генеральной Ассамблеи по вопросам международного контроля над наркотиками и международной конференции по борьбе с незаконным производством, сбытом, спросом, оборотом и распространением наркотических средств и связанной с этим деятельностью, без сомнения, скажется весьма положительно на поддержании правопорядка.

Международное сообщество, направляющее свои усилия на упрочение законности, проявляет (в аспекте предупреждения преступности и обеспечения общественной безопасности) глубокий интерес к вопросу регулирования оборота огнестрельного оружия. Выработка стратегии борьбы с незаконным оборотом оружия постепенно становится еще одним приоритетом государств членов Организации Объединенных Наций. О том, насколько серьезно рассматривается международным сообществом эта проблема, говорит то обстоятельство, что практически во всех резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, касающихся международных действий по борьбе со злоупотреблением наркотиками и их незаконным производством и оборотом, в качестве одного из видов противоправной деятельности транснациональных преступных организаций называется и незаконный оборот оружия. В связи с этим вполне правомерным представляется вывод IX Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями: незаконная торговля огнестрельным оружием является широко распространенным видом транснациональной преступной деятельности, в которой нередко участвуют транснациональные преступные синдикаты¹³⁴[18]. Как констатируется в докладе Генерального секретаря ООН от 7 мая 1997 г., существует связь между незаконным оборотом огнестрельного оружия, совершением других опасных преступлений и деятельностью международных сетей организованной преступности¹³⁵[19].

Расширяются масштабы международного сотрудничества в области регулирования оборота огнестрельного оружия, в частности расследования и уголовного преследования правонарушений, связанных с его незаконным ввозом или вывозом. Особое внимание уделяется случаям провоза огнестрельного оружия через территорию одной или более стран с момента его производства и до его окончательного изъятия сотрудниками правоохранительных органов. В настоящее время уже существует ряд региональных соглашений о регулировании оборота огнестрельного оружия. Главное, что предстоит сделать, – обеспечить универсализацию международно-правового регулирования оборота оружия на базе разработанных ООН типовых соглашений о борьбе с незаконной торговлей огнестрельным оружием. Этот вопрос требует оперативного решения, так как отсутствие эффективного регулирования оборота огнестрельного оружия в каком-либо одном из государств-членов ООН может создать угрозу стабильности других государств-членов¹³⁶[20]. Регулирование оборота огнестрельного оружия как с помощью нормативных актов, так и правоохранительной деятельности – должно осуществляться на высоком профессиональном уровне.

Деятельность по линии межправительственных организаций сосредоточена в Интерполе и Совете таможенного сотрудничества (именуемого также Всемирной таможенной организацией). В настоящее время Интерпол вводит единую систему идентификации каждой единицы огнестрельного оружия и разрабатывает классификацию огнестрельного

---

¹³⁴ См. доклад Генерального секретаря ООН от 7 мая 1997 г., с. 10.

¹³⁵ См. доклад Генерального секретаря ООН от 7 мая 1997 г., с. 10.

¹³⁶ См. доклад Генерального секретаря ООН от 7 мая 1997 г., с. 10.

оружия гражданского назначения с учетом различий в нормах и стандартах отдельных государств. Совет таможенного сотрудничества на универсальной основе распространяет единую таможенную практику перемещения огнестрельного оружия гражданского назначения (включая такие вопросы как лицензирование, мониторинг, стандартные процедуры оформления документации, в том числе обычного импортно-экспортного сертификата, а также систему предварительного уведомления). Упорядочение на основе действующего международного права внутреннего законодательства государств—членов международного сообщества в области регулирования оборота огнестрельного оружия будет содействовать достижению четко обозначенной на IX Конгрессе цели ООН предупреждать преступность и обеспечивать общественную безопасность.

Системы международного и внутреннего права, каждая на своем уровне, призваны обеспечивать правосудие и судебное преследование независимо от степени тяжести состава правонарушений. Поэтому международное сообщество особое внимание уделяет практическим мерам по исключению насилия в отношении женщин и совершенствованию системы правосудия в отношении несовершеннолетних.

Свое закрепление она получила в следующих международно-правовых актах: Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин¹³⁷[21], Конвенции о правах ребенка¹³⁸[22], Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Декларации об искоренении насилия в отношении женщин¹³⁹[23].

Актуальность тематики подтверждена в Пекинской декларации и Платформе действий, принятых четвертой Всемирной конференцией по положению женщин: действия в интересах равенства, развития и мира, которая проходила в Пекине с 4 по 15 сентября 1995 г.¹⁴⁰[24] Выработанные в ходе проведения конференции типовые стратегии и практические меры должны осуществляться государствами – членами международного сообщества с учетом равенства мужчин и женщин *de jure* и *de facto* перед законом и содействовать борьбе в рамках системы уголовного правосудия с различными формами насилия в отношении женщин. Вместе с названными здесь международными договорами, они стали руководящими принципами поведения государств - членов международного сообщества, направленного на искоренение насилия в отношении женщин и на обеспечение равноправия женщин в рамках систем уголовного правосудия. Конечной целью мирового сообщества, как отмечается в резолюции пятьдесят второй сессии Генеральной Ассамблеи, должна стать всеобщая ратификация к 2000 г. Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Равнозначными (наряду с проблемой искоренения насилия в отношении женщин) для международного сообщества представляются вопросы защиты прав молодежи. Об этом, в частности, свидетельствует то внимание, которое уделяет международное сообщество в лице ООН делу всестороннего и последовательного применения на универсальной основе всего комплекса норм, зафиксированных в Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г.

Молодежь нуждается во всесторонней поддержке для своего гармоничного развития в условиях социального мира и безопасности, и больше всего — в правовой помощи.

Международное сообщество, активизируя свою деятельность в рамках институтов ООН, в полной мере понимает необходимость содействия дальнейшему прогрессу и осуществлению реформ в области отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, а также обеспечения всеобщего и эффективного признания и уважения законных прав и интересов несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом.

К настоящему времени выработан комплекс "стандартов и норм ООН в области правосудия в отношении несовершеннолетних". В него входят Конвенция о правах ребенка¹⁴¹[25], Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)¹⁴²[26], Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риадские руководящие принципы)¹⁴³[27] и Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы¹⁴⁴[28]. Координируя свои действия на международном и национальном уровнях в целях выполнения Конвенции о правах ребенка, государства-члены строят свое поведение в соответствии с четырьмя общими принципами, лежащими в основе Конвенции, а именно: недискриминация, включая учет особенностей полов; защита наилучших интересов ребенка; право на жизнь, выживание и здоровое развитие; уважение взглядов ребенка.

Во исполнение ст. 44 Конвенции, государства-члены регулярно направляют в Комитет по правам ребенка сообщения о ходе выполнения ее положений. Добросовестное применение на практике постановлений Конвенции, а также всего свода постановлений, зафиксированных в "стандартах и нормах ООН", создают основу для совершенствования системы отправления правосудия в отношении несовершеннолетних.

Совместные усилия международного сообщества — на международном и внутригосударственном уровнях — по интенсификации борьбы с транснациональной преступностью во всех ее проявлениях обеспечат вхождение человечества в третье тысячелетие в условиях законности, социального мира и безопасности.

ГЛАВА IV ВЫДАЧА ПРЕСТУПНИКОВ

Место экстрадиции, т.е. института выдачи преступников, в системе международного права толкуется отнюдь не однозначно¹⁴⁵[1]. Иногда его считают институтом второстепенным, отживающим свой век. Между тем преступность усложняется, не признает границ; организованная преступность разных стран устанавливает тесные контакты; преступники, совершившие преступление в одной стране, скрываются на территории другой, часто меняя места проживания, получая поддержку и содействие со стороны своих "собратьев". Все это делает проблему экстрадиции весьма актуальной. В то же время отмечается стремление многих государств не выдавать своих граждан, совершивших преступления за границей, если даже они не пользуются дипломатическим

иммунитетом. Другие же страны охотно отдают "своих" преступников, снимая с себя бремя их ресоциализации.

Понимание правовой природы экстрадиции также неодинаково. Некоторые ученые полагают, что выдача преступников - это чисто административный вопрос, ибо часто решение о ней принимает не суд, а правительство или какой-либо его орган. Следовательно, можно отнести этот институт к административному или государственному праву. В то же время экстрадицию можно рассматривать как элемент уголовно-процессуального права, ибо налицо порядок передачи человека, совершившего преступление, другой стране с соблюдением определенных процессуальных гарантий. Экстрадицию можно считать и частью уголовного права, а именно — института исполнения наказания.

Законодательство разных стран по-разному решает вопрос о природе экстрадиции. Например, в Италии нормы о выдаче преступников включены в Уголовный кодекс (1984 г.). В новом Уголовном кодексе России также есть статья о выдаче.

О выдаче преступников говорится и в конституциях России, Франции, Германии, Ирландии, Италии, Португалии, Испании.

Практически вопросы экстрадиции в европейских странах, как правило, решают все-таки судебные органы, в частности обычные уголовные суды. В то же время многие страны признают возможным для решения вопросов выдачи преступников создавать экстраординарные суды, или суды *ad hoc*.

Об этом упоминается в законодательных актах и юридической литературе Австрии, Дании, Франции, Португалии, Швейцарии и Испании. Исландия, Финляндия и Швеция также не исключают создания особых судов для решения вопросов экстрадиции.

В качестве исторической справки вспомним, что вопрос о выдаче преступников впервые возник в связи с высылкой дипломатов, совершивших в других странах неблагоприятные поступки или преступления. Родился "дипломатический иммунитет" - новый институт, затем увеличился круг субъектов, на которых этот иммунитет распространялся. Далее "правом невыдачи" стали пользоваться те, кто просил в другом государстве политическое убежище, совершив до этого преступление, наказуемое по законам той страны, из которой он бежал. Наконец, под видом политических убеждений "правом невыдачи" стали пользоваться те, кто совершил обычные уголовные преступления. Известным фактом стала невыдача Турцией и США литовских террористов Бразинскасов, убивших бортпроводницу советского самолета.

Критикуя рассматриваемый институт, многие ученые отмечают, что существующие договоры между государствами об экстрадиции не всегда соответствуют Пактам о правах человека. Наиболее характерный пример такого несоответствия — случаи, когда между странами идут переговоры о выдаче, нередко продолжающиеся несколько лет, а гражданин, вина которого судом еще не доказана, все эти годы находится в заключении. Общепринятые и, казалось бы, вполне разумные положения международного права в подобных случаях осложняют деятельность национальных правоохранительных органов, противоречат внутреннему законодательству и пактам о правах человека. Поэтому в договоры об экстрадиции должны включаться общепризнанные принципы и нормы, содержащиеся в пактах о правах человека, при обязательном уважении национального законодательства государств.

Но несмотря на все эти трудности и противоречия, очевидно, что в борьбе с международной преступностью без института экстрадиции обойтись невозможно.

Каким же образом государства решают проблемы выдачи преступников? Главным образом – посредством двусторонних или региональных соглашений.

Существует огромное количество двусторонних договоров об экстрадиции. Это, например, соглашение между Германией и Югославией (1970 г.), Германией и Австралией (1987 г.), Италией и Австралией (1973 г.), Испанией и Мексикой (1978 г.), Бельгией и Австралией (1985 г.), Бельгией и Норвегией (1981 г.), Ирландией и США (1983 г.), а также между странами Латинской Америки, Европы и т. д. Из числа региональных соглашений можно упомянуть договор о выдаче преступников, заключенный в 1966 г. членами Британского содружества наций¹⁴⁶[2].

Бывшим СССР был заключен ряд договоров о правовой помощи: с КНДР (1957), Польшей (1958), Румынией (1959), Албанией (1958), Венгрией (1958), Югославией (1962), Монголией (1988), Финляндией (1978) и др. Надо, однако, заметить, что в некоторых договорах разделы об экстрадиции сформулированы в общей форме, без необходимой конкретизации, что затрудняет практику выдачи преступников. Договоры о правовой помощи в принципе шире соглашений о выдаче. В них включаются вопросы и государственного, и гражданского, и других отраслей права, с помощью которых регулируются экономические, межгосударственные и иные отношения. Нередко в этих договорах имеются указания на то, что та или иная проблема, в том числе экстрадиции, должна быть урегулирована отдельно.

Сейчас, когда каждая бывшая советская республика, ставшая суверенной, имеет или создает свое новое уголовное законодательство, вопрос регулирования проблемы выдачи преступников в СНГ стал особенно актуален. В большинстве случаев между этими государствами еще нет соответствующих соглашений; практически вопросы выдачи решаются путем конкретных рабочих договоренностей между прокуратурами и министерствами внутренних дел или безопасности разных стран.

По вопросу экстрадиции в мире имеется немало соглашений более общего характера. В 1957 г. в Париже была принята Европейская конвенция об экстрадиции. В 1975 г. в Страсбурге был принят Дополнительный протокол к этой Конвенции, уточнивший ряд вопросов. В 1978 г., тоже в Страсбурге, принят Второй Дополнительный протокол к этой же Конвенции. Европейский совет стремится к тому, чтобы сблизить понимание проблемы экстрадиции между европейскими государствами.

Можно назвать еще ряд конвенций, так или иначе решающих проблемы экстрадиции, например Конвенцию 1983 г. (Страсбург) об обмене лиц, совершивших преступления.

Имеется ряд соглашений между членами Европейского сообщества, в которых также есть положения, регулирующие выдачу преступников. Например, соглашение между членами Европейского сообщества о толковании принципа "aut dedere aut judicare" (Брюссель, 1987 г.) и Соглашение о передаче лиц, совершивших преступления (Брюссель, 1987 г.), а также Конвенция о сотрудничестве в борьбе с международными преступлениями (Брюссель, 1991).

Когда имеется соглашение между двумя сторонами, проблема выдачи преступников решается достаточно четко: если лицо не пользуется дипломатическим иммунитетом, то оно должно быть либо судимо, либо выдано заинтересованной стороне. Однако бывают более сложные ситуации: когда власти одной страны, задержав гражданина другой, не уверены, что если он будет выдан той стране, гражданином которой является, то будет наказан. Соглашения о выдаче между этими странами нет. В этом случае начинается процесс переговоров, оборачивающийся длительным пребыванием человека в тюрьме до суда и без суда. Препятствием для экстрадиции может быть существенная разница в мерах наказания за аналогичные преступления в разных странах; убеждение представителей страны (передающей или принимающей преступника) в том, что лицо будет подвергнуто (или подвергается) пыткам, и т. д. В связи с этими и другими обстоятельствами во многих договорах о правовой помощи предусматривается не только выдача преступников, но и отказ в выдаче, наступающий, например, в следующих случаях:

- а) лицо, выдача которого требуется, является гражданином страны, к которой обращено это требование;
- б) преступление совершено на территории той страны, к которой обращено требование о выдаче;
- в) в стране, к которой обращено требование о выдаче, за соответствующее преступление уже истекли сроки давности либо дело не может быть возбуждено или приговор быть исполнен по иному законному основанию;
- г) преступление преследуется в порядке частного обвинения;
- д) действие не рассматривается в качестве преступления по законам хотя бы одной из договаривающихся сторон;
- е) за преступление предусмотрено более мягкое наказание, чем лишение свободы на срок до одного года¹⁴⁷[3].

Нередко сам преступник настаивает на скорейшей экстрадиции или, напротив, возражает против нее, прежде всего потому, что режим содержания его в тюрьме той страны, куда он стремится, "вольготнее", чем там, куда его могут направить. Позитивная оценка тюремного режима особенно относится к тюрьмам Скандинавии. Юристы из США говорят так сегодня и об американских тюрьмах применительно к преступникам - выходцам из России и других стран СНГ.

Рассмотрим, при каких условиях и как решаются вопросы экстрадиции в международных соглашениях, а также в тех случаях, когда нет соответствующих соглашений или они недостаточны. Некоторые ситуации не находят разрешения в договорах о правовой помощи, а подчас и самих этих договоров между заинтересованными странами не существует. Тогда приходится прибегать к прецедентам или решать каждое дело путем конкретных договоренностей.

Ситуация, связанная с требованием выдачи преступника, может быть многообразной. Она различается в зависимости от того, гражданином какого государства является выдаваемое (не выдаваемое) лицо, где оно сейчас находится, какое преступление было совершено, и от ряда других обстоятельств.

Перечислим несколько наиболее распространенных ситуаций, связанных с требованием о выдаче преступника, сведя их в две таблицы.

В первой таблице рассматривается случай, когда государство "А" требует от другого ("Б") выдачи преступника, который является гражданином государства "А". Здесь могут быть четыре варианта. Два из них связаны с тем, что этот преступник совершил преступление в "своем" государстве, но затем оказался в "чужом" "Б" или "В". В таких случаях вопрос о выдаче, по общему правилу, решается положительно (знак + в таблице).

Таблица 1 Государство "А" требует выдачи "своего" гражданина

Гражданин государства "А"		
сейчас находится в государстве	совершил преступление в государстве	
	"А"	"Б"
"Б"	+	?
"В"	+	?

Например, некто Н. совершил в России тяжкое преступление, затем бежал из нашей страны на остров Маврикий. Там он был арестован сотрудниками Интерпола, передан в Российское консульство и затем доставлен на родину для следствия и суда¹⁴⁸[4].

Несколько иначе обстоит дело, если гражданин совершил преступление на "чужой" территории (в государстве "Б") и находится сейчас там или в третьей стране. В принципе государство "Б" вправе само осудить этого человека и не обязано выдавать его в государство "А", гражданином которого он является (если, разумеется, нет соответствующего соглашения). Однако на практике проблема решается по-разному (в таблице — знак вопроса).

Гражданин России Сурков был арестован в Маниле за незаконное владение огнестрельным оружием и осужден к 17 годам тюрьмы. В 1994 г. президент Филиппин принял решение о его помиловании и обмене на филиппинского матроса, совершившего преступление в России. Сурков был передан российским властям; в связи с совершенным преступлением возбуждено уголовное дело¹⁴⁹[5].

Военные преступники второй мировой войны, в том числе совершившие преступление за границей, выдавались в те страны, гражданами которых являлись (но не всегда). Вопросы выдачи таких граждан должны решаться на основе заключенных между странами соглашений, а если их нет — дипломатическим путем.

Теперь перейдем к табл. 2, в которой рассматриваются случаи, когда государство требует выдачи не "своего", а "чужого" гражданина. Здесь также есть несколько вариантов.

Таблица 2 Государство "А" требует выдачи "чужого" гражданина

Гражданин государства "Б"		
сейчас находится в государстве	совершил преступление в государстве	
	"А"	"Б"
"Б"	?	-

"В"	?	-
-----	---	---

Безусловно положительного решения вопроса о выдаче здесь, видимо, нет. Если гражданин чужой страны совершил преступление на территории "А", но сейчас находится в "своем" государстве, то его, скорее всего, там и будут судить. Так решается вопрос в Российском уголовном кодексе (ст. 12). Если такой преступник оказался в третьей стране, то эта страна может выдать его в страну "А" или "В", но может судить и сама, особенно если речь идет о международном преступлении. В договоре о правовой помощи между Польшей и бывшей Югославией предусматривалось, что в таком случае в выдаче преступника можно отказать. Однако есть и другие решения.

В сентябре 1993 г. три иранских гражданина захватили на территории России самолет, который следовал из Баку в Пермь, и заставили экипаж изменить маршрут и приземлиться в Осло. Там угонщики были арестованы. Через год норвежское правительство приняло решение выдать этих иностранцев не Ирану, а России¹⁵⁰[6].

Второй столбец в *табл. 2* относится к случаям, когда гражданин государства "В" совершил преступление в своей стране и находится в ней либо в третьем государстве, а требует его выдачи государство "А". Вероятно, выдача государству "А" такого лица не имеет под собой достаточных оснований, и поэтому в *табл. 2* стоят знаки "минус". Правда, известно дело генерала Норвеги - панамского гражданина, занимавшегося наркобизнесом в этой стране и тем не менее выданного и судимого американским судом.

Можно констатировать, что вопрос о выдаче решается при сочетании территориального принципа (места совершения преступления и места нахождения преступника) и гражданства этого лица. Решающим для выдачи, на наш взгляд, все же надо считать принцип гражданства, т.е. действует не территориальный, а персональный принцип ответственности.

Принцип гражданства нашел отражение в новом Уголовном кодексе России, где сказано, что граждане Российской Федерации, совершившие преступления на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству. Что же касается иностранцев и лиц без гражданства, которые совершили преступление за границей, но теперь находятся на территории России, то они "могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Российской Федерации" (ст. 13). Первое из приведенных положений основывается на ст. 61 Конституции РФ, где сказано, что гражданин Российской Федерации не может быть выдан другому государству.

К вопросам выдачи преступников для следствия и суда примыкает проблема передачи на родину лиц, уже осужденных за совершение преступления в "чужом" государстве. Группой стран, включая СССР, в 1978 г. была заключена Конвенция о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются¹⁵¹[7].

Согласно этой Конвенции, такие лица передаются для отбывания наказания на родине, однако со следующими исключениями. Передача не производится, если: а) в "своей" стране осужденный уже понес наказание за это преступление либо был оправдан или дело

было прекращено; б) истекли сроки давности или есть иные препятствия для исполнения приговора на родине; в) осужденный имеет постоянное место жительства в стране, вынесшей приговор¹⁵²[8].

Практика возвращения в "свои" страны для отбывания наказания лиц, осужденных за границы, сравнительно невелика.

Вместе с тем уже теперь совершенно очевидно, что она более эффективна по сравнению с прежним порядком, при котором иностранцы отбывали наказание там, где были осуждены. Представим себе ситуацию, когда, скажем, Вьетнам не востребовал своего гражданина, осужденного в России — по месту совершения преступления. Того же не сделали еще несколько стран. Все осужденные — из разных регионов мира. Никто из них не знает русского языка. В какое исправительно-трудовое учреждение их направлять? Кто должен заниматься их ресоциализацией? Нужно ли создавать места лишения свободы для "основных" национальностей или специально для лиц, владеющих наиболее распространенными языками (английским, французским, испанским, арабским)?

Все эти вопросы отпадают, если иностранцы, приговоренные российскими судами к лишению свободы, будут направлены для отбывания приговоров в собственные страны.

Мы привели пример России, но эта проблема одинаково актуальна для всех стран мира, особенно сейчас, когда взаимопроникновение преступности происходит весьма стремительно.

В заключение назовем несколько основополагающих принципов, разработка которых в сфере экстрадиции еще не закончена, но, по крайней мере, они принимаются международным научным сообществом. Это: а) последовательное соблюдение прав человека в соглашениях об экстрадиции, соответствие их пактам о правах человека; б) инкорпорирование во внутреннее законодательство основных прав человека, предусмотренных в международных конвенциях и соглашениях об экстрадиции; в) осторожное отношение к экстрадиции в случаях возможности применения смертной казни, учитывая в целом отрицательное отношение к этой мере наказания (в законодательных актах некоторых государств прямо указано на недопустимость экстрадиции, если после передачи преступника к нему будет применена смертная казнь); г) строгое соблюдение в соглашениях об экстрадиции и практике ее применения так называемых минимальных правил обращения с заключенными, рекомендованных ООН; д) исключение экстрадиции в страны, где применяются пытки или допускается жестокое обращение с осужденными; е) исключение экстрадиции в страны, где существует дискриминация по расовым, религиозным или иным основаниям; ж) поощрение экстрадиции в страны, где руководствуются принципами гуманизма, в том числе в отношении лиц, совершивших преступления.

Подводя итоги рассмотрению проблемы выдачи преступников, следует подчеркнуть, что международное уголовное право как комплексная отрасль права без этого института существовать не может. Применение его не только к международным, но и к другим преступлениям говорит о том, что в развитии международного уголовного права наступил новый этап. Он связан с тем, что границы между преступлениями международными, международного характера и многими видами общеуголовной преступности становятся все более прозрачными. В то же время этот процесс не может быть оценен как поглощение международным уголовным правом внутреннего права государств, или

наоборот. Различия всегда останутся. "Слияния" их быть не может. Но учитывать процессы, происходящие в мире, необходимо. Задача этих отраслей - борьба с преступностью, только разными видами и разными способами, направленными на защиту от преступных посягательств как всего международного сообщества, так и каждого человека.